

И $\frac{118}{361}$

СВѢДѢНІЯ СТЕЩАНОВИЧЪ

ХОМЯКОВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Валерія Ляско夫скаго.

МОСКВА.

1897.

Иззкнигъ Графа С.Д. Шереметева I.

Н. 5212 ШК. XX П. 7/40

У 118
361

ор 1-82
12549

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ

ХОМЯКОВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ и СОЧИНЕНІЯ.

Валерія Ляковского.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1897.

60-31.20547

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ

ХОМЯКОВ

ЕГО ЖЕНЩИНА И СОПРЯЖЕННЫЕ

ВЪВЕДЕНИЕ

2007050513

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Трудность исторической оцѣнки умственного дѣятеля.—Необходимость исторической перспективы при такой оцѣнкѣ. — Особенность дѣятельности Хомякова.—Отношеніе къ нему и къ его сторонникамъ двухъ господствующихъ общественныхъ партій.—Необходимость правильной оцѣнки славянофильства.—Задача предлагаемаго труда.—Его планъ.—Цѣль автора..... 1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Жизнь А. С. Хомякова.

I.

Происхожденіе, дѣтство и первая молодость..... 5

II.

Служба въ Петербургѣ.—Встрѣчи съ Декабристами. — Поѣздка за границу.—Трагедія „Ермакъ“.—Возвращеніе въ Россію. 12

III.

Вторичное поступленіе на службу. — Война 1828—29 гг.—Москва.—Споры съ друзьями.—Слѣды настроенія Хомякова въ его стихотвореніяхъ..... 18

IV.

Отношеніе къ женщинамъ.—Женитьба.—К. М. Хомякова.—Дѣти.. 23

V.

Жизнь въ Москвѣ и деревнѣ.—Заграничное путешествіе.—Отношеніе Хомякова къ своимъ произведеніямъ.—Литературные противники, единомышленники и друзья.—К. С. Аксаковъ и Ю. О. Самаринъ.—Валуевъ.—Сочиненія Хомякова..... 30

VI.

Славянофильство.—Отношеніе къ нему правительства и общества.— Взглядъ Хомякова на призваніе его сотрудниковъ.....	38
--	----

VII.

Основные черты убѣжденій и характера Хомякова.—Смерть же- ны.—Сочиненія послѣднихъ лѣтъ жизни.....	44
---	----

VIII.

Новое царствованіе.—Русская Бесѣда.—Крестьянскій вопросъ.— Дѣло Хомякова въ его собственномъ сознаніи.—Смерть друзей и ма- тери.—Кончина Хомякова.—Отзывы о немъ.....	57
---	----

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Сводъ сочиненій Хомякова.

Необходимость систематизаціи сочиненій Хомякова.—Основація и способъ расположенія содержанія въ предлагаемомъ изложеніи.—Схе- ма его	67
--	----

I.

Исторія религій.

Значеніе вѣры въ жизни человѣка.—Религіи міра при началѣ исто- ріи.—Два основныя религіозныя начала, начало стихійное—религія ве- щественной необходимости, и начало духовное—религія нравственной свободы.—Ихъ столкновеніе, взаимное воздѣйствіе и сліяніе.—Будда- измъ.—Всеобщее измельчаніе религій.—Реформаторы.—Религіозное пре- даніе народа Еврейскаго.—Религіи Греціи и Рима.—Система эманаций.— Философія.—Проповѣдь Еврейства.—Конецъ древнихъ вѣрованій.—Яв- леніе Мессіи.—Христіанство.—Исламъ.—Значеніе Христіанства въ по- слѣдующей исторіи человѣчества.....	69
---	----

II.

Церковь.

Вселенскіе соборы.—Ученіе о Церкви. Откровеніе.—Мѣра пости- женія человѣкомъ божественной истины и выраженія ея человѣческимъ языкомъ.—Видимый образъ Церкви.—Христіанинъ какъ членъ граждан- скаго общества.—Историческія судьбы христіанства.—Церковная и го- сударственная жизнь Византіи.....	90
---	----

III.

Раздѣленіе церквей.

Церковное единство.—Причины его нарушенія.—Особенности западныхъ епархій.—Возвышеніе папства.—Языческія стихіи Римскаго католицизма.—Отдѣленіе Западной церкви отъ Восточной..... 103

IV.

Западныя исповѣданія.

Латинство и Протестантство.—Отношеніе западнаго христіанина къ Церкви.—Западная философія.—Борьба между Латинствомъ и Протестантствомъ.—Торжество невѣрія.—Отношеніе Церкви къ западнымъ исповѣданіямъ.—Церковная полемика..... 111

V.

Христіанская жизнь.

Земной удѣлъ христіанина.—Общеніе молитвы.—Отношеніе человека къ ближнимъ.—Семья 118

VI.

Народность.

Народная личность.—Народность въ искусствѣ и наукѣ.—Общество и государство.—Два основныя общественныя силы.—Народы завоевательные и народы земледѣльческіе..... 121

VII.

Человѣчество.

Смѣна народовъ въ исторіи.—Задачи исторической науки.—Общій характеръ народовъ древности.—Кушиты и Иранцы..... 125

VIII.

Славянство.

Древнее разселеніе Славянъ.—Судьбы ихъ въ новое время.—Возрожденіе Славянства..... 129

IX.

Россія.

Значеніе Россіи для Славянства.—Коренныя особенности Русскаго народа.—Его отношеніе къ Христіанству.—Участіе Церкви въ созданіи Русскаго государства.—Значеніе Москвы.—Дружина — боярство.—Со-

VIII

словность.—Начало общественное и начало личное.—Народная исключительность.—Сторонники новизны.—Петръ Великій.—Формализмъ въ Русской жизни.—Отчужденіе Русскаго образованнаго общества отъ Русской старины и Русской народности..... 133

X.

Задачи просвѣщенныхъ Русскихъ людей и будущее Россіи.

Возвратъ къ началамъ Русской народной жизни.—Возрожденіе Русскаго просвѣщенія.—Словесность, пластика, музыка.—Археологія.—Общественное воспитаніе и печать.—Надежды на будущее..... 147

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Хомяковъ въ жизни и словѣ.—Мнѣнія о немъ современниковъ—противниковъ, единомышленниковъ и учениковъ.—Путь къ справедливой его оцѣнкѣ.—Краткая схема религіозно-исторической системы Хомякова.—Отношеніе къ нему современниковъ разныхъ общественныхъ слоевъ и направленій.—Двѣ формы Русскаго западничества: консерватизмъ и либерализмъ.—Положеніе, занимаемое славянофильствомъ по отношенію къ нимъ.—Участіе отдѣльныхъ славянофиловъ въ выработкѣ славянофильскаго ученія: Кирѣевскій, Аксаковъ, Самаринъ.—Мѣсто Хомякова между ними.—Опредѣленіе совершеннаго имъ дѣла.—Послѣдователи Хомякова.—Ихъ убѣжденія, задачи и долгъ..... 167

АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧЪ ХОМЯКОВЪ.

ПРЕДГОВІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЖИЗНЬ А. С. ХОМЯКОВА.

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ХОМЯКОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Трудность исторической оцѣнки уметвеннаго дѣятеля.—Необходимость исторической перспективы при такой оцѣнкѣ.—Особенность дѣятельности Хомякова.—Отношеніе къ нему и къ его сторонникамъ двухъ господствующихъ общественныхъ партій.—Необходимость правильной оцѣнки славянофильства.—Задача предлагаемаго труда.—Его планъ.—

Цѣль автора.

Оцѣнка историческаго дѣятеля тѣмъ легче для современниковъ и потомства, чѣмъ рѣзче очерченъ кругъ его дѣятельности и чѣмъ доступнѣе область ея пониманію большинства. Законодатель и полководецъ будутъ поняты раньше, чѣмъ художникъ и мыслитель; потому что трудъ послѣднихъ, хотя быть можетъ болѣе глубокій и плодотворный, не отражается такъ непосредственно на внѣшней жизни народа, не затрогиваетъ тотчасъ ея ежедневнаго теченія. Чѣмъ выше и духовнѣе работа, чѣмъ шире захватъ ея, чѣмъ меньше даетъ она готовыхъ выводовъ для немедленнаго примѣненія, тѣмъ чаще работникъ остается незамѣченнымъ и неоцѣненнымъ. Трудъ мысли и духа, борьба ученія и слова не поддаются тому легкому, поверхностному воспріятію, которое тотчасъ доступно всякому. Часто человѣкъ успѣваетъ сойти въ могилу прежде, чѣмъ поймутъ его; а нерѣдко и надъ могилою его нескоро наступаетъ правдивая и безпристрастная оцѣнка. И какъ тому, кто стоитъ вплотъ возлѣ высокой башни, видны лишь камни ея основанія, и ему нужно отойти въ даль, чтобы разглядѣть ея истинные размѣры и красоту: такъ и въ области духа мы часто не разумѣемъ значенія историческаго лица, потому что стоимъ къ нему еще слишкомъ близко. Нужно намъ удалиться отъ него ходомъ времени, нужно ему отойти для насъ въ историческую даль, чтобы намъ стало возможно вѣрное его пониманіе.

Таковъ былъ человѣкъ, изображенію жизни и трудовъ котораго посвящено нижеслѣдующее. И не потому говоримъ мы это, приступая къ разсказу о немъ, что такимъ голословнымъ сужденіемъ думаемъ напередъ возвысить его во мнѣніи читателя: подобный приѣмъ умѣстенъ развѣ въ надгробномъ словѣ, а не въ историческомъ жизнеописаніи; да къ человѣку этому и не идутъ такіе искусственные приемы возвеличенія. Цѣль наша иная: мы желали бы по возможности выяснить поводъ къ появленію нашего труда, его происхожденіе и задачу.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ прожилъ немало (пятьдесятъ шесть лѣтъ) и во вторую половину своей жизни принималъ такое замѣтное участіе въ умственной жизни своего времени, котораго и противники его воззрѣній никогда не отрицали. Но онъ не только никогда не выступалъ на поприще дѣятельности практической, а и въ научныхъ и печатныхъ своихъ трудахъ затрогивалъ главнымъ образомъ вопросы свойства духовнаго, вѣчнаго, лишь изрѣдка касаясь текущихъ житейскихъ дѣлъ. Поэтому естественно, что дѣятельность его была недостаточно оцѣнена при жизни и медленно находить оцѣнку по смерти. Но этого мало. Этимъ объяснилось бы столь позднее появленіе перваго опыта его біографіи, и въ такомъ положеніи находится не онъ одинъ, а, къ сожалѣнію, и многіе другіе крупныя Русскіе дѣятели. Есть иная причина, замедляющая безпристрастную оцѣнку Хомякова, причина, дѣйствовавшая по отношенію къ нему болѣе, чѣмъ къ кому бы то ни было.

Хомякова и немногихъ близкихъ къ нему по убѣжденіямъ людей (частью сверстниковъ, частью учениковъ) литературные ихъ противники называли Славянофилами. Имя это, данное отчасти въ насмѣшку, утвердилось за ними. Люди мало знакомые съ дѣломъ думали и думаютъ, что, согласно съ прозвищемъ, вся суть славянофильства въ сочувствіи съ зарубежными Славянами, въ панславизмъ; болѣе освѣдомленные считали и считаютъ основнымъ догматомъ Славянофиловъ обособленіе Русской народности (націонализмъ); лишь сравнительно немногіе, читавшіе сочиненія Хомякова и другихъ, знаютъ, что проповѣдь народнаго самосознанія была у Славянофиловъ, и въ особенности у Хомякова, выводомъ изъ цѣлой совокупности религіозныхъ убѣжденій и историческихъ воззрѣній.

При жизни старыхъ Славянофиловъ (Кирѣевскихъ, Хомякова, Самарина, Аксаковыхъ) имъ противопоставлялись Западники. Теперь, черезъ полвѣка послѣ спора этихъ двухъ направленій мысли, мы видимъ въ нашемъ ученомъ литературномъ и общественномъ мірѣ опять два господствующихъ направленія, называемыя обыкновенно либеральнымъ и консервативнымъ. Принято представителей перваго считать преемниками Западниковъ, защитниковъ втораго — наследниками Славянофиловъ. Не будемъ останавливаться на вопросѣ о преемствѣ западно-либеральнаго направленія; въ этомъ вопросѣ обѣ стороны довольно согласны. Совершенно иначе представляется теперешній взглядъ на славянофильство. Впродолженіе вѣсколькихъ десятковъ лѣтъ многіе вожди такъ называемаго консервативнаго направленія находили удобнымъ для себя приурочивать проводимые ими взгляды ко взглядамъ Славянофильскимъ, вѣрнѣе — пользоваться Славянофильскою терминологіею. Такое стремленіе было настолько сильно, что противники ихъ, теперешніе либералы, и на славянофильство стали смотрѣть тѣми глазами, какими смотрятъ они на современный публицистическій консерватизмъ. Съ другой стороны, сами консерваторы никогда не переставали вѣскольکو стравливаться Славянофиловъ, коихъ оружіемъ они зачастую пользовались, въ

тайнѣ считая ихъ тоже либералами, только другого сорта, чуть ли не еще болѣе опаснаго... Такимъ образомъ истинное славянофильство было и осталось равно въ недовѣріи и подозрѣніи у обѣихъ, такъ сказать, официально признаваемыхъ литературно-общественныхъ партій. Такое положеніе кажется на первый взглядъ страннымъ, а между тѣмъ объясненіе его очень просто. Дѣло въ томъ, что обѣ эти такъ называемыя наши партіи, либералы и консерваторы, въ сущности въ одинаковой мѣрѣ Западники, то есть люди переносящіе на Русскую почву западноевропейскія понятія о консерватизмѣ и либерализмѣ. Поэтому они и не могутъ иначе относиться къ славянофильству, которое конечно не подходитъ ни подъ одну изъ двухъ ходячихъ мѣрокъ; ибо сущность его заключается не въ той или иной политической доктринѣ, а въ признаніи за Русскимъ народомъ, какъ выразителемъ цѣлаго Православно-Славянскаго міра, своихъ исконныхъ началъ, отличныхъ отъ началъ западныхъ и часто даже имъ противоположныхъ. Поэтому консерваторы и либералы, хотя и враждуютъ, но понимаютъ другъ друга; Славянофиловъ же ни тѣ, ни другіе никогда не понимали вполнѣ, такъ какъ судили о нихъ по признакамъ чисто-внѣшнимъ, а не по основнымъ началамъ ихъ воззрѣній, которыхъ не могли или не хотѣли разглядѣть. Провѣрить это легко хотя бы уже на томъ, что по однимъ общественнымъ вопросамъ Славянофиловъ причисляли къ лагерю консервативному, по другимъ—къ либеральному. Пусть такое причисленіе было чисто-внѣшнее, случайное, несогласное со смысломъ дѣятельности отдѣльных Славянофиловъ въ томъ или другомъ дѣлѣ: оно все же бывало, а толпа и не судить ни о чемъ иначе какъ по внѣшности. И такое недоразумѣніе продолжалось не годъ, не два, а цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ.

Но всякому недоразумѣнію когда нибудь приходитъ конецъ. Настала пора опредѣлить мѣсто славянофильства въ исторіи развитія Русскаго просвѣщенія и, свѣдя итогъ оставленному имъ наслѣдству, сличить это наслѣдство съ тѣмъ, что теперь иногда выдается за Славянофильское ученіе или что приписывается какъ таковое. Попытки такой критической работы начинаютъ появляться въ литературѣ обѣихъ лагерей.

Составитель предлагаемой книги далекъ отъ мысли дать точный и окончательный отвѣтъ на столь широко поставленный вопросъ: онъ даетъ лишь свой опытъ его посильнаго рѣшенія извѣстнымъ способомъ и въ извѣстныхъ границахъ. Книга эта—не исторія славянофильства и не изложеніе Славянофильскаго ученія: это біографія Хомякова и изложеніе его сочиненій. Характеристики и наложеніе воззрѣній близкихъ къ Хомякову людей введены въ нее лишь постольку, поскольку связь съ ними служитъ къ уясненію его личности и ученія. Сообразно со своею задачею, книга раздѣлена на двѣ части: въ первой разсказана жизнь Хомякова, во второй изложено его ученіе. Въ заключеніи авторъ излагаетъ свои личные взгляды на значеніе Хомякова и его дѣла. Цѣль такого дѣленія слѣдующая. Никакое мнѣніе не обезпечено отъ ошибокъ, тѣмъ менѣе мнѣніе ученика (ибо біографъ и не думаетъ скры-

вать такого своего отношенія къ мыслителю, коего ученіе онъ излагаетъ). Поэтому онъ не рѣшается назвать свое изслѣдованіе критикою. Но и вѣрное само въ себѣ мнѣніе можетъ возбудить споръ; а такъ какъ главнѣйшая цѣль нашего труда—*изображеніе*, а не *истолкованіе*, то мы и желали бы поставить самое это изображеніе внѣ спора, не примѣшивая къ нему нашихъ личныхъ мнѣній. Иначе: мы хотимъ изобразить Хомякова такимъ, каковъ онъ есть, а не такимъ, какимъ онъ, можетъ быть, кажется намъ. Конечно, никакой изслѣдователь не можетъ вполне отрѣшиться отъ собственной личности; но онъ обязанъ сдѣлать это по мѣрѣ силъ. Вотъ почему мы и отдѣлили, поскольку это было возможно, объективную часть нашего труда отъ субъективной.

Предлагая разсказъ о жизни Хомякова и изложеніе его сочиненій, мы на основаніи того и другаго излагаемъ затѣмъ нашъ взглядъ на него, какъ всякій другой, предоставляя читателю провѣрить этотъ взглядъ или составить свой собственный. Кто-то изъ западническаго лагеря сказалъ разъ автору: „Настоящій Хомяковъ утраченъ, есть теперь Хомяковъ Аксаковский, Самаринскій, Юрьевскій, Кошелевскій. Какой изъ нихъ ближе къ подлиннику, мы не знаемъ, а потому и судить о подлинномъ не беремся.“ Въ этомъ замѣчаніи, конечно, много преувеличенія, но есть и доля правды. Цѣль настоящаго труда возстановить, по возможности образъ подлиннаго Хомякова.

Цѣль эта—не полемическая. Невозможность мѣстами вполне избѣжать полемическаго отбѣнка была очень тяжела для автора, и онъ приложилъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы уменьшить въ своемъ сочиненіи элементъ личнаго спора. Споръ противоположныхъ направленій мысли ведетъ къ выясненію истины; споръ личныхъ самолюбіи и счетовъ только затемняетъ ее. Спокойно и твердо высказанное мнѣніе не должно быть принимаемо за вызовъ. Одинъ вызовъ желателенъ во имя истины: вызовъ на разъясненіе всего неяснаго, на дружную, совмѣстную работу мысли и слова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЖИЗНЬ А. С. ХОМЯКОВА.

I.

Происхождение, дѣтство и первая молодость.

Въ половинѣ XVIII вѣка жилъ подѣ Тулою помѣщикъ Кириллъ Ивановичъ Хомяковъ. Схоронивъ жену и единственную дочь, онъ подѣ старость остался одинокимъ владѣльцемъ большаго состоянія: кромѣ села Боучарова съ деревнями въ Тульскомъ уѣздѣ были у Кирилла Ивановича еще имѣнія въ Рязанской губерніи и домъ въ Петербургѣ. Все это родовое богатство должно было послѣ него пойти невѣдомо куда; и вотъ старикъ сталъ думать, кого бы наградить имъ. Не хотѣлось ему, чтобы вотчины его вышли изъ Хомяковского рода; не хотѣлось и крестьянъ своихъ оставить во власть плохого человѣка. И собралъ Кириллъ Ивановичъ въ Боучаровѣ мѣрскую сходку и отдалъ крестьянамъ на ихъ волю—выбрать себѣ помѣщика, какого хотятъ, только бы былъ онъ изъ рода Хомяковыхъ, а кого изберетъ мѣръ, тому онъ обѣщалъ отказать по себѣ все деревни. И вотъ крестьяне послали ходяковъ по ближнимъ и дальнимъ мѣстамъ, на какія указалъ имъ Кириллъ Ивановичъ—искать достойнаго Хомякова. Когда вернулись ходяки, то опять собралась сходка, и общимъ совѣтомъ выбрали двоюроднаго племянника своего барина, молодого сержанта гвардіи Федора Степановича Хомякова, человѣка очень небогатаго. Кириллъ Ивановичъ пригласилъ его къ себѣ и, узнавъ поближе, увидалъ, что правъ былъ мѣрской выборъ, что нареченный наследникъ его добрый и разумный человѣкъ. Тогда старикъ завѣщалъ ему все имѣніе и вскорѣ скончался, вполне спокойнымъ, что крестьяне его остаются въ вѣрныхъ рукахъ. Такъ скромный молодой помѣщикъ сталъ владѣльцемъ большаго состоянія. Скоро молва о его домовитости и о порядкѣ, въ который привелъ онъ свои имѣнія, распространилась по всей губерніи. Стали рассказывать, что въ кладовыхъ у него хранятся цѣлые сундуки съ серебромъ и золотомъ. Когда въ 1787 году императрица Ека-

терина проѣзжала черезъ Тулу и совѣтовала дворянству открыть банкъ, то дворяне отвѣчали ей: «Намъ не нужно, матушка, банка; у насъ есть Ѳедоръ Степановичъ Хомяковъ. Онъ даетъ намъ денегъ въ заемъ, отбираетъ къ себѣ во временное владѣніе разстроенныя имѣнія, устраиваетъ ихъ и потомъ возвращаетъ назадъ».

Таковъ былъ излюбленный крестьянами Боучаровскій владѣлецъ.

Сохраненное и увеличенное Ѳедоромъ Степановичемъ состояніе досталось его единственному сыну Александру, женатому на Настасѣ Ивановнѣ Грибоѣдовой *). Сынъ не походилъ на отца. Разгульный, необузданный въ своихъ увлеченіяхъ, не имѣя пужды стѣнять себя въ чемъ бы то ни было, онъ весь отдался страсти къ пирамъ и охотѣ. Каждую осень около 1-го Сентября выѣзжалъ онъ изъ Боучарова и проводилъ въ отъѣздѣ полъ цѣлый мѣсяцъ, кончая походъ Смоленскимъ своимъ имѣніемъ Липицами, полученнымъ имъ въ приданое за женою. Слѣдствіемъ такой жизни было то, что сынъ его Степанъ унаслѣдовалъ разстроенныя дѣла и долги.

Степанъ Александровичъ Хомяковъ былъ человѣкъ очень добрый, образованный и принимавшій живое участіе въ литературной и умственной жизни своего времени, но не только не дѣловитый, а и безпорядочный по природѣ, въ добавокъ страстный игрокъ. Выйдя въ отставку поручикомъ гвардіи, онъ женился на Марѣ Алексѣевнѣ Киреевской, небогатой и немолодой уже, но еще очень красивой дѣвушкѣ. Живя въ Москвѣ, онъ проигралъ въ Англійскомъ клубѣ болѣе милліона, чѣмъ окончательно запуталъ и безъ того уже плохія дѣла свои. Тогда Марья Алексѣевна сама взялась за хозяйство и, благодаря своей рѣдкой настойчивости, успѣла заплатить долги мужа. Чтобы сохранить дѣтямъ состояніе, она, съ согласія Степана Александровича, перевела всѣ имѣнія на свое имя.

Съ тѣхъ поръ мужъ и жена жили врозь, выдаясь изрѣдка: Марья Алексѣевна съ дѣтьми въ Боучаровѣ и въ Москвѣ, а Степанъ Александровичъ въ Липицахъ. Когда онъ заболѣлъ и послѣ нѣсколькихъ первыхъ ударовъ впалъ въ дѣтство, Марья Алексѣевна перевезла его къ себѣ и заботливо за нимъ ходила. Вообще это была женщина замѣчательная, соединявшая чуткое сердце съ непреклонностью убѣжденій и воли, доходившею до суровости и выражавшеюся подчасъ въ очень рѣзкихъ поступкахъ. Вотъ что писалъ о ней, много лѣтъ спустя, ея сынъ, лучше всѣхъ ее знавшій: «Она была хорошій и благород-

*) Родство ея съ А. С. Грибоѣдовымъ въ точности неизвѣстно.

ный образчикъ вѣка, который еще не вполне оцѣненъ во всей его оригинальности, вѣка Екатерининскаго. Все (лучшіе, разумѣется) представители этого времени какъ-то похожи на Суворовскихъ солдатъ. Что-то въ нихъ свидѣтельствовало о силѣ неистасканной, неподдавленной и самоувѣренной. Была какая-та привычка къ широкимъ горизонтамъ мысли, рѣдкая въ людяхъ времени позднѣйшаго. Матушка имѣла широкость нравственную и силу убѣжденій духовныхъ, которыя, конечно, не совсѣмъ принадлежали тому вѣку; но она имѣла отличительныя черты его, вѣру въ Россію и любовь къ ней. Для нея общее дѣло было всегда и частнымъ ея дѣломъ *). Она болѣла, и сердилась, и радовалась за Россію гораздо болѣе, чѣмъ за себя и своихъ близкихъ».

Степанъ Александровичъ и Марья Александровна жили въ Москвѣ на Ордынкѣ, въ приходѣ Георгія на Вепольѣ. Здѣсь 1 Мая 1804 года родился у нихъ второй сынъ Алексѣй. Кроме него, дѣтенъ было еще двое: старшій на два года сынъ Федоръ и дочь Анна. Позднѣе Хомяковы переехали въ домъ свой на Петровку, противъ Кузнецкаго моста, а лѣто проводили иногда въ Липицахъ, по болѣею частью въ Боучаровѣ. Отсюда, во время нашествія Наполеона, Степанъ Александровичъ съ семьєю уѣхалъ въ свое Рязанское имѣніе, село Круглое, Донковскаго уѣзда, гдѣ они и прожили зиму 1812—13 гг., въ сосѣдствѣ близкой своей знакомой Прасковьи Михайловны Толстой, дочери Кутузова, отъ которой могли имѣть точныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій. Въ память благополучнаго избавленія отъ врага Марья Алексѣевна дала обѣтъ построить въ Кругломъ церковь; обѣтъ этотъ былъ впоследствии исполненъ ея сыномъ.

Переездъ въ Донковъ и пребываніе тамъ были первыми крупными событіями въ жизни восьмилѣтняго Алексѣя. Хотя онъ своимъ младенческимъ умомъ и не могъ еще обнять всего великаго смысла переживаемой имъ поры, но, развитый не по годамъ, уже долженъ былъ чувствовать его, а почва для такого чувства въ его душѣ была готова. Дѣти Хомякова росли не такъ какъ большинство дѣтей тогдашняго зажиточнаго дворянства: вмѣсто отчужденія отъ Русской жизни и всего болѣе отъ Русской старины, они на каждомъ шагѣ могли видѣть живые слѣды ея и свѣжія преданія. Боучаровскій домъ былъ полонъ этою стариною. Историческія воспоминанія восходили въ немъ не только до

*) Слова эти представляютъ почти дословный переводъ Англійской поговорки: „The public business of England is the private business of every Englishman.“ Здѣсь, какъ и вездѣ, сказалось сочувствіе Хомякова съ Англійскою народною мыслью.

Петровскаго времени, но и переходили черезъ глубокой ровъ, прорытый этимъ временемъ въ памяти Русскаго общества. Мальчикъ зналъ, что его предокъ Петръ Семеновичъ Хомяковъ былъ любимымъ подскольничимъ Алексѣя Михайловича, и могъ видѣть письма къ нему тишайшаго царя, сохранившіяся въ ихъ домѣ. Зналъ онъ и еще, пожалуй, слышалъ отъ очевидцевъ чудный рассказъ о томъ, какъ его прадѣдъ, подобно другому, всенародному избраннику, былъ избранъ народомъ и издалика призванъ владѣть Боучаровымъ, и, конечно, представленіе о сельскомъ мірѣ, о важности мірскаго приговора не могло не сложиться въ его головѣ опредѣленнѣе и строже, чѣмъ у всякаго другаго изъ его сверстниковъ. Та близость къ народу, которую онъ съ дѣтства привыкъ въ себѣ чувствовать, поддерживалась и укрѣплялась самою крѣпкою изъ связей—связью вѣры и церковнаго общенія. Въ домѣ Хомяковыхъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Марьи Алексѣевны, жизнь шла въ чисто-православномъ духѣ, со строгимъ соблюденіемъ всѣхъ постовъ, обрядовъ и обычаевъ церковныхъ, что опять таки встрѣчалось нечасто въ тогдашнемъ верхнемъ словѣ Русскаго общества, пропитанномъ всевозможными западными ученіями: и масонствомъ, и деизмомъ и атеизмомъ, всѣмъ, но только не православною вѣрою. Проводя большую часть своей дѣтской жизни среди Московскихъ святыхъ, мальчикъ не могъ не проникнуться настоящимъ старорусскимъ духомъ, и когда изъ своего Рязанскаго убѣжища онъ услышалъ, что Москва, которую онъ такъ любилъ съ тѣхъ поръ, какъ себя помнилъ, принесена въ жертву за спасеніе Россіи, могъ ли ребенокъ Хомяковъ если не умомъ, то живымъ пониманіемъ сердца не уразумѣть того, что творилось вокругъ него?

Такъ всѣ тѣ понятія, которыя ему суждено было, возмужавъ, выразить въ строгой послѣдовательности научнаго изслѣдованія и могучимъ взмахомъ творческой мысли объединить въ одно стройное ученіе, всѣ оны живыми образами уже стояли надъ его колыбелью. Подъ воздѣйствіемъ исключительныхъ условій мѣста и времени зарождался будущій мыслитель, а широкое приволье Боучарова и въ особенности Липицъ, съ близостью къ природѣ, съ знаменитою дѣдовскою и отцовскою охотою, воспитывало поэта. Между тѣмъ обращено было заботливое вниманіе и на ученіе, и прежде всего на языки, при томъ не на одинъ только Французскій, но и на Нѣмецкій, Англійскій и Латинскій. Послѣднему училъ братьевъ Хомяковыхъ жившій при нихъ аббатъ Воівіп. Разъ маленькому Алексѣю попалась въ какой-то книгѣ папская булла. Онъ нашелъ въ ней опечатку и спросилъ аббата, какъ же онъ считаетъ непогрѣшимымъ папу, дѣлающаго ошибки въ

правописаніи, за что и былъ наказанъ. Этотъ случай наводитъ на мысль, что въ разговорахъ между ученымъ аббатомъ и его воспитаникомъ затрогивались богословскіе вопросы, и что эти разговоры и послужили первымъ толчкомъ, направившимъ умъ будущаго богослова на различіе исповѣданій. Что касается порученнаго аббату прямого дѣла—преподаванія Латинскаго языка, то онъ выполнилъ его добросовѣстно, и мальчикъ основательно усвоилъ себѣ этотъ языкъ. Языкъ Греческій онъ въ началѣ зналъ плохо и утвердился въ немъ лишь впоследствии, а также познакомился съ Санскритскимъ. Новые же языки Хомяковъ зналъ въ совершенствѣ.

Въ началѣ 1815 года вся семья Степана Александровича поѣхали изъ Липицъ въ Петербургъ, потому что Московскій домъ сгорѣлъ. По дорогѣ мальчикъ всюду видѣлъ лубочные портреты Георгія Чернаго, и въ его пылкомъ воображеніи вѣзались образъ Сербскаго героя и рассказы о немъ. Въ то же время онъ и братья его мечтали, что они ѣдутъ воевать съ Наполеономъ. Поэтому, когда они услышали о битвѣ при Ватерлоо, то Федоръ Хомяковъ спросилъ брата: « Съ кѣмъ же мы теперь будемъ драться? » — « Стану бунтовать Славянъ », отвѣчалъ одиннадцатилѣтній Алексѣй. Петербургъ показался имъ какимъ-то языческимъ городомъ, и они ждали, что ихъ будутъ принуждать перемѣнить вѣру; но они твердо рѣшились вытерпѣть всякія мученія, а не принимать чужаго закона. Нельзя не обратить вниманія на всѣ эти мелкія черты въ жизни ребенка: ими въ значительной мѣрѣ объясняется послѣдующее направленіе его мыслей.

Въ Петербургѣ Хомяковы прожили около двухъ лѣтъ. Тамъ имъ преподавалъ Русскую словесность драматическій писатель Андрей Андреевичъ Жандръ, другъ Грибоѣдова. Взгляды послѣдняго, въ то время новыя и вполне самостоятельныя, этимъ путемъ дошли до нихъ и конечно не остались безъ послѣдствій. Вчитываясь въ монологи Чацкаго и вспомнивъ то господствующее направленіе общества, которое эти монологи обличаютъ, мы невольно увидимъ нѣкоторую связь между протестомъ, выразившимся въ « Горѣ отъ ума », и позднѣйшимъ Московскимъ направленіемъ, котораго провозвѣстникомъ явился Хомяковъ; а если прибавимъ къ этому, что Грибоѣдовъ относился съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ преобразованіямъ Петра Великаго, то связь эта окажется еще тѣснѣе.

Послѣ Петербурга Хомяковы три года жили по зимамъ въ Москвѣ, при чемъ оба брата оканчивали свое ученіе, занимаясь вмѣстѣ съ Дмитріемъ и Алексѣемъ Веневитиновыми подъ руководствомъ жив-

наго въ ихъ домѣ доктора философіи Андрея Гавриловича Глаголева. Математику преподавалъ имъ профессоръ университета и другъ С. Т. Аксакова Павелъ Степановичъ Щепкинъ, а чтеніе доставляла богатая библіотека Степана Александровича.

Между братьями Веневитиновыми и Хомяковыми установилась на всю жизнь самая тѣсная дружба. На сколько успѣшно шло ученіе, можно судить по тому, что пятнадцатилѣтній Алексѣй Хомяковъ перевелъ Тацитову «Германію», и что переводъ этотъ черезъ два года былъ напечатанъ въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности». Выборъ предмета указываетъ отчасти на направленіе вкусовъ переводчика. Подобное же направленіе можно подмѣтить и въ его первыхъ стихотворныхъ опытахъ. Началъ онъ, повидимому, и тутъ съ переводовъ изъ Виргилія и Горация. Оду послѣдняго «*Pareus deorum cultor et infrequens*», въ которой прославляется божественное всемогущество, онъ перевелъ два раза, двумя разными размѣрами.

Первыя самостоятельныя произведенія Хомякова ничѣмъ не отличаются отъ заурядныхъ стихотвореній другихъ современныхъ ему поэтовъ. Въ баснѣ «Совѣтъ звѣрей» есть намекъ на вопросъ о различіи религій, но юный поэтъ еще не приходитъ ни къ какому опредѣленному заключенію. Около этого времени Хомяковъ началъ писать трагедію «Идоменей», которую довелъ только до второго дѣйствія. Немного спустя, онъ выдержалъ въ Московскомъ Университетѣ экзаменъ на степень кандидата математическихъ наукъ.

Въ это самое время въ Греціи шла борьба за независимость. Хомяковы еще по Петербургу имѣли связи съ графомъ Каподистріей, въ Москвѣ же у нихъ часто бывалъ агентъ Филелленовъ Арбе, бывший раньше гувернеромъ Федора и Алексѣя. Разказы Арбе воспламенили его младшаго воспитанника, и тотъ рѣшился бѣжать, чтобы сражаться за Грековъ и подымать Славянъ. Доставъ себѣ съ помощью Арбе фальшивый паспортъ, купивъ засапожный ножъ и собравъ рублей пятьдесятъ денегъ, онъ поздно вечеромъ, въ ваточной шинели, ушелъ изъ дому. Но ему не удалось обмануть бдительность своего дядьки Артемія, уже давно за нимъ наблюдавшаго. Прождавъ возвращенія Алексѣя Степановича до полночи и не дождавшись его, старикъ послалъ за бариномъ въ Англійскій клубъ. Степанъ Александровичъ тотчасъ пріѣхалъ домой и, добившись правды отъ своего старшаго сына, разослалъ погоню во все стороны. За Серпуховскою заставою бѣглеца настигли и привезли домой. Отецъ не наказалъ его, и только старшій братъ получилъ строгій выговоръ за то, что не остановилъ младшаго;

воинственнымъ же наклонностямъ юнаго кандидата постарались дать болѣе безопасное направленіе, опредѣливъ его вскорѣ въ военную службу, въ кирасирскій полкъ, которымъ командовалъ Дмитрій Ерооевичъ Остенъ-Сакенъ. Черезъ годъ молодой Хомяковъ перешелъ оттуда въ Конную Гвардію. Воспоминаніемъ о неудавшемся бѣгствѣ въ Грецію осталось «Посланіе къ Веневитиновымъ», въ которомъ поэтъ мечтаетъ о славныхъ подвигахъ, о войнѣ за вѣру и освобожденіе Эллады. Къ тому же времени относится неоконченная поэма «Вадимъ», воспѣвающая столько разъ воспѣтаго поэтами того времени полунесторическаго Новгородскаго героя.

Первыми друзьями молодости Алексѣя Степановича, кромѣ брата его Ѳедора и Веневитиновыхъ, были: двоюродный его братъ, племянникъ Марьи Алексѣевны, Василій Степановъ Киреевскій, Александръ Алексѣевичъ Мухановъ, а затѣмъ товарищи Веневитиновыхъ по службѣ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Иванъ Васильевичъ Киреевскій и Александръ Ивановичъ Кошелевъ. Блестящій, высокодаровитый и не по лѣтамъ серьезный Дмитрій Веневитиновъ, обѣщавшій стать въ первомъ ряду умственныхъ дѣятелей своего времени, былъ средоточіемъ этого дружнаго кружка, составившагося изъ лучшихъ представителей тогдашней образованной Московской молодежи. Всѣ они были усердными послѣдователями Нѣмецкой философіи и сторонниками западнаго просвѣщенія; но Хомяковъ не уступалъ имъ своего строго-православнаго и Русскаго образа мыслей. Въ томъ отношеніи онъ сразу сошелся съ младшимъ братомъ Киреевскаго, Петромъ Васильевичемъ, съ которымъ познакомился немного позже и котораго горячо полюбилъ. Необыкновенная чистота души П. В. Киреевскаго и его непоколебимая преданность самобытному развитію Русскаго народа не могли не привлечь Хомякова, который прозвалъ его «великимъ печальникомъ за Русскую землю».

Скоро Алексѣю Степановичу пришлось столкнуться съ совершенно другими ученіями и испытать себя на иномъ поприщѣ спора.]

II.

Служба въ Петербургѣ.—Встрѣчи съ декабристами.—Поездка за границу.—Трагедія „Ерхакъ“.—Возвращеніе въ Россію.

Переселеніе Хомякова въ Петербургъ совпало съ разгаромъ броженія умовъ, приведшаго къ событію 14 Декабря 1825 года. Но убѣжденія и общественные идеалы молодого корнета гвардіи, вынесенные имъ изъ дому и изъ многосторонняго образованія, установленные работою рано окрѣпшаго ума, были настолько опредѣлены, что онъ сразу нашелся среди тѣхъ теоретическихъ и практическихъ противорѣчій, изъ которыхъ не сумѣли выйти многіе изъ его сверстниковъ. Встрѣчаясь съ декабристами у своихъ родственниковъ Мухановыхъ, онъ вступалъ съ ними въ горячіе споры, утверждая, что изъ всѣхъ революцій самая несправедливая есть революція военная. Разъ онъ до поздней ночи проспорилъ съ Рылѣевымъ, доказывая ему, что войска, вооруженныя народомъ для его защиты, не имѣютъ права распоряжаться судьбами народа по своему произволу. Князя А. П. Одоевскаго онъ увѣрялъ, что онъ, Одоевскій, вовсе не либераль, а только предпочитаетъ единоподержавію тиранство вооруженнаго меньшинства. Но такіе взгляды слишкомъ далеки были отъ того, что думалось и говорилось кругомъ, чтобы найти себѣ отзвукъ или сочувствіе; да и высказывавшему ихъ двадцатилѣтнему юношѣ еще много нужно было пережить и передумать, прежде чѣмъ выступить съ болѣе твердою и опредѣленною проповѣдью народности. Въ немъ самомъ еще кипѣли и страсти, и разнородныя жизненныя стремленія, и сомнѣнія въ силѣ и смыслѣ своего призванія. Это смутное бorenіе самоопредѣляющагося сплываго ума вылилось въ стихотвореніи «Желаніе покоя», написанномъ имъ въ 1824 году въ Петербургѣ,—первомъ его произведеніи, имѣющемъ самостоятельное художественное значеніе. Среди неровностей слога и юношескихъ длиннотъ въ этомъ стихотвореніи уже слышится порою будущій Хомяковъ; поэтому мы приводимъ его вполнѣ.

Палей, палей въ бокалъ кипящее вино!
 Какъ тихій толъ воды забвенія,
 Моей души жестокия мученья
 На время утолить оно.
 Пойдемъ туда, гдѣ дышетъ радость,
 Гдѣ бурный вихрь забавъ шумитъ,
 Гдѣ гласъ души, гдѣ гласъ страстей молчитъ,
 Гдѣ не живутъ, но тратятъ жизнь и иладость.
 Среди веселыхъ игръ, за радостнымъ столомъ,
 На мигъ упившись счастьемъ ложнымъ,

Я приучусь къ мечтамъ ничтожнымъ,
 Съ судьбою примирюсь виномъ.
 Я сердца усмирю роптанье,
 Я думаю не вѣлю летать,
 На тихое небесъ сіянье
 Я не вѣлю глазамъ своимъ взирать.
 Сей сивій сводъ, устѣяный звѣздами,
 И тихая безмолвной ночи тѣнь,
 И въ утреннихъ вратахъ рождающійся день,
 И царь свѣтилъ, парящій надъ водами—
 Они измѣнили! Они, прельщая взоръ,
 Пробудятъ вновь всѣ сны воображенья;
 И сердце робкое, просящее забвенья,
 Прочтетъ въ нихъ пламенный укоръ.

*

Оставь меня, покоя врагъ угрюмый,
 Къ высокому, къ прекрасному любви!
 Ты слишкомъ долго тщетной думой
 Младую волновала кровь.
 Оставь меня! Волшебными словами
 Ты сладкій ядъ во грудь мою влила
 И вслѣдъ за свѣтлыми мечтами
 Меня отъ міра увлекла.
 Довольный свѣтомъ и судьбою,
 И могъ бы жизненной стезей
 Влечься къ цѣли роковой
 Съ непробужденною душою.
 Я могъ бы радости съ толпою радоваться,
 Я могъ бы рвать земныя розы,
 Я могъ бы лить земныя слезы
 И счастьемъ въ жизни доверять...

*

Но ты пришла. Съ улыбкою презрѣнья
 На смертныхъ родъ взирала ты,
 На ихъ желанья, наслажденья,
 На ихъ безсильные труды.
 Ты мнѣ съ восторгомъ, другъ коварный,
 Являла новый міръ вдали
 И путь высокій, лучезарный
 Надъ смутнымъ сумракомъ земли.
 Тамъ все прекрасное, чѣмъ сердце восхищалось.
 Тамъ все высокое, чѣмъ духъ питался мой,
 Въ вѣнцахъ безсмертія являлось
 И въ слѣдъ манило за собой.

*

И ты звала. Ты сладко напѣвала
 О незабвенной старинѣ,
 Вѣнцы и славу обѣщала,
 Безсмертье обѣщала мнѣ.
 И я повѣрилъ. Обаянный

Волшебнымъ звукомъ словъ твоихъ,
 Я презрѣлъ Вахла даръ румяный
 И чашу радостей земныхъ.
 Но что-жь? Скажи: за все отрады,
 Которыхъ я навѣкъ лишешъ,
 За жизнь спокойную, души безпечный сонъ,
 Какія ты дала награды?
 Мечты неясныя, впушенные тоской,
 Твои слова, обѣты и обманы,
 И жажду счастья, и тягостныя рабы
 Въ груди, растерзанной судьбой.
 Прости...

*

Но нѣтъ! Мой духъ пылаетъ
 Живымъ, негаснущимъ огнемъ,
 И никогда чело не просіяетъ
 Веселья мирнаго лучемъ.
 Нѣтъ, нѣтъ! Я не могу цѣпей слѣпой богини,
 Смиранный рабъ, съ улыбкою владить.
 Орлу ль полетъ свой позабыть?
 Отдайте вновь ему широкія пустыни,
 Его скалы, его дремучій лѣсъ!
 Онъ жаждетъ брани и свободы,
 Онъ жаждетъ бурь и непогоды
 И безпредѣльности небесъ.
 Увы, напрасныя мечтанья!
 Возьмите-жь отъ меня безплодный сердца жаръ,
 Мои мечты, надежды, воспоминанья,
 И къ славѣ страсть, и къ спонсѣ даръ,
 И чувствъ возвышенныхъ стремленья.
 Возьмите все! Но дайте лишь покой,
 Безпечность прежнихъ сновъ забвенья
 И тишину души, утраченную мной.

Настоящая борьба была впереди, а теперь нужно было собраться съ силами, привести въ порядокъ роившіяся въ головѣ мысли; нужно было на время уйти отъ шума и суеты столицы, отдохнуть и одуматься. Вѣроятно, по этимъ побужденіямъ, надѣясь многое повидать и многому научиться, да и побыть съ братомъ, служившимъ при посольствѣ въ Парижѣ, Хомяковъ просилъ у родителей позволенія выйти въ отставку и предпринять заграничное путешествіе. Степанъ Александровичъ, всегда болѣе податливый, тотчасъ на это согласился; но Марья Алексѣевна сначала возстала противъ затѣи сына, и только настоянія Ѳедора Степановича, любимца матери, убѣдили ее дать свое согласіе. Вотъ что писалъ ей Ѳедоръ Степановичъ 2 Февраля 1825 года изъ Парижа въ Вюрцбургъ, гдѣ Марья Алексѣевна въ то время находилась ради лѣченія дочери. «J'ai reçu une lettre de mon père du 17 Décembre; sa santé paraissait un peu rétablie. Il m'annonce avoir permis

à mon frère de quitter le service. Pour moi je pense qu'Alexis ne peut faire mieux que de profiter de cette permission et de partir pour l'étranger. La perte d'un an de service n'est rien du tout dans les circonstances actuelles: il faut penser à l'avenir, et tous les jours je me raffermis dans la conviction, qu'avec le caractère de mon frère, un voyage à l'étranger lui est absolument indispensable en ce moment. Ce sera d'ailleurs le meilleur moyen pour rétablir sa santé; et quant aux dépenses, elles ne s'élèveront pas au quart de ce que lui aurait coûté la remonte. Je désirerais fort pour moi, et encore plus pour lui, qu'il vînt passer six à sept mois ici. Il végète à Petersbourg. L'indolence, l'apathie de son caractère y rend inutile l'activité de son esprit; à Paris tout l'exciterait. Je vous écrirai incessamment sur ce même sujet, mais plus au long, et j'espère alors vous convaincre entièrement *)).

Получивъ согласіе матери, Хомяковъ тотчасъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу, гдѣ провелъ около полутора года, съ начала 1825 до конца 1826. Брата онъ уже не засталъ въ Парижѣ, такъ какъ Федоръ Степановичъ былъ тѣмъ временемъ переведенъ на службу въ Петербургъ.

(Въ Парижѣ Хомяковъ занимался живописью въ академіи. Разъ, когда ему долго не присылали денегъ, онъ взялъ заказъ на запрестольный образъ для Католическаго храма, но работа эта была ему настолько не по душѣ, что онъ, какъ только получилъ деньги изъ дому, тотчасъ ее бросилъ. Вообще онъ и въ Парижѣ сохранилъ свое Православное настроеніе и такъ строго соблюдалъ церковные обряды, что во весь Великій Постъ сумѣлъ ни разу не оскоромиться.

Въ это время писалъ онъ свою трагедію «Ермакъ», о которой Пушкинъ далъ такой отзывъ: «Ермакъ—лирическое произведеніе пыл-

*) *Переводъ.* Я получалъ письмо отъ батюшки отъ 17 Декабря. Здоровье его, повиди кому, немного поправилось. Онъ извѣщаетъ меня, что позволялъ брату выйти въ отставку. Что касается до меня, то я думаю, что Алексѣй лучше всего сдѣлаетъ, если воспользуется этимъ позволеніемъ и уѣдетъ за границу. Потери одного года службы не значить ничего при теперешнихъ обстоятельствахъ: нужно думать о будущемъ; а я съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаюсь, что при характерѣ брата заграничное путешествіе ему теперь безусловно необходимо. Къ тому же оно будетъ лучшимъ средствомъ поправить его здоровье. Что до расходовъ, то они не составятъ и четвертой доли расходовъ по ремонту. Я бы очень желалъ для себя, и еще болѣе для него, чтобы онъ пріѣхалъ сюда мѣсяцевъ на шесть или на семь. Онъ прозябаетъ въ Петербургѣ. Отъ безпечности и апатіи его характера пропадаетъ безъ пользы дѣятельность его ума, а въ Парижѣ все бы его возбуждало. Я вскорѣ буду писать вамъ объ этомъ, но подробнѣе, и тогда надѣюсь убѣдить весь совершенно.

каго юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ правамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи» *).

Внѣшняя форма, такъ сказать, бытовая оболочка трагедіи очень далека отъ бытовой исторической дѣйствительности; но за этою внѣшностью, хоть и не вполне еще ясно, уже слышатся народныя, общественныя и человѣческіе идеалы автора. Отошедшій въ исторію, какъ самостоятельное драматическое произведеніе, «Ермакъ» важенъ для насъ въ связи съ послѣдующимъ развитіемъ мысли Хомякова. Онъ былъ поставленъ въ Петербургѣ въ 1829 году, а напечатанъ черезъ три года. Во время заграничной поѣздки Хомякова въ журвалахъ начали появляться его мелкія стихотворенія.

Изъ Парижа, окончивъ «Ермака» и насмотрѣвшись на знаменитаго трагика Тальмю, Алексѣй Степановичъ поѣхалъ въ Швейцарію, оттуда въ сѣверную Италію и черезъ земли Западныхъ Славянъ вернулся въ Россію. Отъ этой первой заграничной его поѣздки осталась черновая рукопись небольшой статьи о зодчествѣ, въ которой онъ, по поводу описанія Миланскаго собора, задаетъ себѣ вопросъ о происхожденіи этого искусства и приходитъ къ заключенію, что первоначальнымъ источникомъ зодчества была религія, и что начала его нужно искать не у подражательныхъ Римлянъ, а у народовъ Востока, въ Египтѣ и въ Индіи. Такимъ образомъ уже въ эту раннюю пору жизни взоры Хомякова обращались къ древнему Востоку. Воспоминаніемъ о сѣверной Италіи навѣяно стихотвореніе «Isola bella».

Алексѣй Степановичъ, вернувшись въ концѣ 1826 года изъ за границы, заѣхалъ прежде всего въ Липицы къ отцу, который всегда былъ къ нему очень нѣженъ и особенно волновался его литературными успѣхами. Оттуда онъ поѣхалъ въ Бобуфарово съ намѣреніемъ помогать матери въ веденіи хозяйства. Но ладить съ Марьей Алексѣевной было не легко, а Алексѣй Степановичъ былъ тогда еще слишкомъ молодъ, чтобы умѣть быть покорнымъ сыномъ во всѣхъ мелочахъ жизни, въ чемъ онъ совершенно успѣлъ впоследствии. Совмѣстное ихъ хозяйство не пошло, и Хомяковъ мѣсяца черезъ два уѣхалъ въ Петербургъ къ брату. Здѣсь ждало его первое въ жизни тяжелое горе: въ Мартѣ 1827 года смерть въ нѣсколько дней унесла Дмитрія Веневитинова. Хомяковъ потерялъ въ немъ любимаго друга, а Россія, быть можетъ, одного изъ сильнѣйшихъ своихъ поэтовъ. Из-

*) О лирическихъ стихотвореніяхъ Хомякова Пушкинъ съ похвалою отзывался въ предисловіи къ «Путешествію въ Арзрумъ».

данная послѣ его смерти маленькая книжечка стиховъ полна псрами такого огня, какимъ горятъ юношескія произведенія лишь очень немногихъ избранниковъ

Бѣда не пришла одна: въ томъ же году Алексѣй Степановичъ схоронилъ другаго нѣжно любимаго товарища: своего двоюроднаго брата Василя Киреевскаго. Это двойное горе, а также и два года, проведенные въ чужихъ краяхъ, при постоянныхъ занятіяхъ искусствомъ, не остались безъ слѣда въ настроеніи молодого поэта. Его стихотворенія 1827—1828 годовъ звучатъ несравненно болѣею глубиною художественнаго замысла и зрѣлостью мысли. Таково, напри-
мѣръ, стихотвореніе «Молодость».

Небо, дай мнѣ длани
Мощнаго Титана!
Я схвачу природу
Въ пламенныхъ объятыхъ;
Я прижму природу
Къ трепетному сердцу,
И она желанью
Сердца отзовется
Юною любовью.
Въ ней все дышетъ страстью,
Все кипитъ и блещетъ,
И ничто не дремлетъ
Хладною дремотой.

*

На землѣ пылаютъ
Грозные волканы;
Съ шумомъ льются рѣки
Къ безднамъ океана;
И въ лазурномъ спорѣ
Волны рѣзво плещутъ
Бурною игрою.

*

И земля, и море
Свѣтлыми мечтами,
Радостью, надеждой,
Славой и красою
Смертнаго дарятъ.
Звѣзды въ синей тверди
Мчатся въ звѣздахъ,
И въ потокахъ свѣта
Льется по зеиру
Тайной страсти голось,
Тайное призванье.
И вѣка проходятъ,
И вѣка рождаются:
Вѣчное боренье,
Пламенная жизнь.

Небо, дай мнѣ длани
Мощнаго Титана!
Я хочу природу,
Какъ любовникъ страстный,
Радостно обнять.

Въ стихотвореніи «Поэтъ» является впервые та сила стиха, которою отличаются позднѣйшія произведенія Хомякова:

Онъ къ небу взоръ возвелъ спокойный,
И Богу гимнъ въ душѣ возникъ,
И далъ землѣ онъ голось стройный,
Творенью мертвому языкъ.

Въ это время Алексѣй Степановичъ много рисовалъ въ Эрмитажѣ и часто бывалъ у Мухановыхъ, у Е. А. Карамзиной и у князя В. О. Одоевскаго. Объ одномъ вечерѣ у послѣдняго А. И. Кошелевъ рассказываетъ такъ: «Проводили мы вечеръ у князя Одоевскаго, спорили втроемъ о конечности и безконечности міра, и незамѣтно бесѣда наша

продлилась до трехъ часовъ ночи. Тогда хозяинъ дома напомнилъ, что уже поздно, и что лучше продолжить споръ у него же на слѣдующій день. Мы встали, начали сходить съ лѣстницы, продолжая споръ; сѣли на дрожки и все таки его не прерывали. Я завезъ Хомякова на его квартиру; онъ слѣзъ, я оставался на дрожкахъ, а споръ шелъ своимъ чередомъ. Вдругъ какая-то Нѣмка, жившая надъ воротами, у которыхъ мы стали, открываетъ форточку въ своемъ окнѣ и довольно громко говоритъ: «Mein Gott und Herr, was ist denn das?» (Боже мой, Господи, да что же это такое?) Мы расхохотались, и тѣмъ окончился нашъ споръ.)

III.

Вторичное поступленіе на службу.—Война 1828—1829 гг.—Москва.—Споры съ друзьями.—
Слѣды настроенія Хомякова въ его стихотвореніяхъ.

Когда началась война съ Турками, Ѳеодоръ Степановичъ Хомяковъ былъ назначенъ отъ Министерства Пиностранныхъ Дѣлъ состоять при Паскевичѣ на Кавказѣ (гдѣ онъ въ томъ же 1828 году и умеръ). Уѣзжая изъ Петербурга, онъ предложилъ брату поступить также на службу по дипломатической части при дѣйствующей арміи. Алексѣй Степановичъ сначала согласился, но потомъ перемѣнилъ намѣреніе и снова вступилъ въ военную службу, въ Бѣлорусскій гусарскій принца Оранскаго полкъ. Въ началѣ Мая онъ былъ уже на Дунаѣ, въ сопровожденіи своего стараго дядьки Артемія, нѣкогда помѣшавшаго ему бѣжать въ Грецію. Во все продолженіе войны Хомяковъ состоялъ адъютантомъ при генералѣ князѣ Мадатовѣ, участвовалъ во многихъ дѣлахъ и выказалъ блестящую храбрость. О Мадатовѣ Алексѣй Степановичъ сохранилъ благодарную память и впоследствии принималъ дѣятельное участіе въ составленіи біографіи князя, изданной служившими подъ его начальствомъ офицерами. Отъ этого времени сохранилось слѣдующее письмо Хомякова къ матери изъ подъ Шумлы: «Я получилъ ваше письмо и съ удивленіемъ вижу, что письма, писанныя мною къ вамъ и батюшкѣ еще изъ Россіи, именно изъ Кіева, на сѣней бумагѣ, за неимѣніемъ бѣлой, со вложенными двумя маленькими пѣснями, сочиненными на дорогѣ, (пропали) *). Я писалъ къ вамъ также на первой станціи за Дунаемъ, но отдалъ письмо на почтѣ подъ Силистріей. Туда отправился я съ главной квартирой, потомъ отдѣлился отъ нея, присоединился къ дивизіи и къ князю, который меня принялъ очень хорошо, былъ свидѣтелемъ славнаго дѣла 30-го Мая, гдѣ визиря такъ жестоко разбилъ нашъ главнокомандующій, и потомъ

*) Слово это пропущено въ письмѣ.

дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлѣ 31-го, гдѣ дивизія надѣлала чудеса, поколотила Турокъ жестоко, гнала ихъ до Шумлы, взяла редуты (вещь неслыханная для кавалеріи) и знаменъ и пушекъ пропасть. Я былъ въ атакѣ, но хотя раза два замахнулся, но не рѣшился рубить бѣгущихъ, чему теперь очень радъ. Послѣ того подъѣхалъ къ редуту, чтобы осмотрѣть его поближе. Тутъ подо мною была ранена моя бѣлая лошадь, о которой очень жалѣю. Пуля пролетѣла насквозь черезъ обѣ ноги; однакоже есть надежда, что она выздоровѣетъ. Прежде того она уже получила рану въ переднюю лопатку саблею, но эта рана совсѣмъ пустая. За то я былъ представленъ къ Владимиру, но по разнымъ обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ князя Мадатова, получилъ только с. Анну съ бантомъ; впрочемъ и этимъ очень можно быть довольнымъ. Ловко я сюда пріѣхалъ, какъ разъ къ дѣламъ, изъ которыхъ одно жестоко наказало гордость Турокъ, а другое утѣшило нашу дивизію за все горе и труды прошлагодніе. Впрочемъ, я веселъ, здоровъ и очень доволенъ Пашкою».

Въ лагерѣ подъ Базарджикомъ 3 Іюля Хомяковъ написалъ стихотвореніе «Сонъ». Къ слѣдующему 1829 году относятся стихотворенія «Советъ», «Прощаніе съ Адрианополемъ» и «Клинокъ». И такъ вдохновеніе нечасто посѣщало его среди тревогъ боевой жизни; но за то всѣ три упомянутыхъ стихотворенія отличаются своею силою и законченностью формы.

Какъ только прекратились военныя дѣйствія, Алексѣй Степановичъ взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ Москву, гдѣ въ эту зиму его часто видали на балахъ Благороднаго Собранія. Однако онъ не танцевалъ, хотя, по отзывамъ очевидцевъ, къ нему очень шелъ адъютантскій мундиръ, и дамы часто выбирали его на мазурку. Въ это время пришлось ему быть дѣйствующимъ лицомъ въ семейномъ торжествѣ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Марья Алексѣевна привезла съ Кавказа, куда ѣздила на воды, мальчика-Черкеса Лукмана. Онъ воспитывался въ ея домѣ и, когда подросъ, принялъ крещеніе 4 Февраля 1830 года съ именемъ Дмитрія. Восприемникомъ его былъ Алексѣй Степановичъ. Этотъ молодой человѣкъ, Дмитрій Степановичъ Кадзиковъ, вскорѣ поступилъ въ Московскій Университетъ и, пріѣзжая на лѣтнія вакаціи въ Боучарово, пользовался постоянною дружбою своего крестнаго отца, отдававшего ему значительную часть своего времени.

По заключеніи Адрианопольскаго мира, Хомяковъ вышелъ въ отставку и проводилъ лѣто въ Боучаровѣ, постоянно и много читая, занимаясь хозяйствомъ и охотясь, а зимою жилъ въ Москвѣ.

То было время, когда Русское образованное общество переживало одну изъ наиболѣе знаменательныхъ переходныхъ эпохъ своихъ. Еще недавно только миновало 14 Декабря 1825 года со своими послѣдствіями, и направленіе государственной политики вполнѣ опредѣлилось. На поприщѣ словесности Пушкинъ достигъ вершины своей славы, а Гоголь еще не появлялся. Нѣмецкая философія владѣла умами Русской ученой молодежи. Мы видѣли, что Хомяковъ ранѣе принадлежалъ къ тому тѣсному кружку юныхъ философовъ, котораго средоточіемъ былъ покойный Д. В. Веневитиновъ; въ него возвратился онъ и теперь, но возвратился уже не тѣмъ пылкимъ и неустановившимся юношей, какимъ покинулъ Москву семь лѣтъ назадъ, а зрѣлымъ и самостоятельнымъ мыслителемъ. Среди Шеллингистовъ, Гегелианцевъ и беззавѣтныхъ приверженцевъ западнаго просвѣщенія раздалось его слово о необходимости самобытнаго развитія Русской народности, объ изученіи старины и возвращеніи къ ея завѣтамъ, о Православіи, какъ основѣ Русскаго народнаго характера, о значеніи Славянскаго племени въ исторіи и о будущемъ міровомъ призваніи Россіи. То было слово новое, до тѣхъ поръ неслыханное. Странно и дико звучало оно для огромнаго большинства тогдашняго образованнаго общества, называвшаго Русскаго мужика варваромъ и отождествлявшаго православную вѣру съ постнымъ масломъ. Да и ближайшіе слушатели и друзья Алексѣя Степановича держались тогда еще совсѣмъ иныхъ воззрѣній. Къ Хомякову примыкалъ развѣ одинъ только Петръ Киреевскій; но онъ по складу своего ума и характера, скромнаго и застѣнчиваго, не былъ рожденъ проповѣдникомъ. Болѣе даровитый, старшій братъ его былъ еще далекъ отъ Православно-Русскаго образа мыслей, къ которому обратился впослѣдствіи. Въ 1832 году онъ началъ издавать журналъ «Европеецъ», который вскорѣ былъ запрещенъ. Хомяковъ печаталъ въ немъ свои стихи. Мѣстомъ постоянныхъ сборищъ всего этого кружка былъ домъ матери Киреевскихъ, Авдотьи Петровны, по второму мужу Елагинной. >

Тамъ, у Красныхъ воротъ, начались тѣ безконечные споры, которые потомъ, постепенно обостряясь, привели къ рѣзкому раздѣленію двухъ направленій Русской мысли. Но тогда эти два теченія еще не вполнѣ опредѣлились; да и самому вождю направленія народнаго нужно было еще много пережить и собрать вокругъ себя новыя, молодые силы.

Между тѣмъ вспомнимъ, что ему не было еще тридцати лѣтъ. Его живая, впечатлительная природа безпрестанно увлекалась то въ ту, то въ другую сторону, и тѣмъ поразительнѣе неуклонность

развитія его убѣжденій. Въ стихотвореніяхъ этого времени можно прослѣдить такія перемѣны настроенія. То внутренній голосъ упрекаетъ его въ минутномъ забвеніи своего призванія («Думы»), то въ душу его закрадывается сомнѣніе въ себѣ («Два часа»):

Но есть поэту часъ страданья,
Когда возстанетъ въ тѣмъ ночной
Вся роскошь дивная созданья
Передъ задумчивой душой;
Когда въ груди его сберется
Міръ цѣлый образовъ и сновъ,
И новый міръ сей къ жизни рвется,
Стремится къ звукамъ, проситъ словъ.
Но звуковъ нѣтъ въ устахъ поэта,
Молчитъ окованный языкъ,
И лучъ божественнаго свѣта
Въ его видѣнья не проникъ.
Вотще онъ стонетъ изстуженный:
Ему не внемлетъ Фебъ скупой,
И гибнетъ міръ новорожденный
Въ груди безсиьной и явмой.

То недавніе боевые образы встаютъ передъ нимъ, и онъ снова рвется на войну («Просьба»). Но надъ всѣми этими мимолетными думами господствуетъ одно свѣтлое и строгое настроеніе вѣрующей души, сознающей свое несовершенство:

Къ небу поднимаю я очи съ мольбой,
Грѣхъ обливаю горячей слезой.
Въ сердце взгляну я: тамъ Божья печать—
Грѣхъ мой покрыла Творца благодать (Изъ Саади“).

Въ такомъ настроеніи написано стихотвореніе «На сонъ грядущій», котораго конецъ является какъ бы пророчествомъ:

Творецъ вселенной,
Услышь мольбы полнощный гласъ!
Когда Тобой опредѣленный
Настанетъ мой послѣдній часъ,
Пошли мнѣ въ сердце предвѣщанье!
Тогда покорною главой,
Безъ малодушнаго роптанья,
Склонюсь предъ волею святой.
Въ мою смиренную обитель
Да придетъ Ангелъ-разрушитель,
Какъ гость издавна жданный мной!
Мой взоръ измѣритъ великана,
Боязнью грудь не задрожитъ,
И духъ изъ дольняго тумана
Полетомъ сивымъ воспаритъ.

Наконецъ, въ поэзіи Хомякова начинаютъ болѣе опредѣленно сказываться и его всеславянскія идеи. Такова «Ода»: изъ нея виденъ взглядъ его на отношенія наши къ Полякамъ, противъ которыхъ онъ не пошелъ служить въ 1830 году.

Потомства пламеннымъ проклятиемъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ Славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,
И перешедшій въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ;
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья —
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

*

И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесъ:
Онъ видитъ—гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесъ,
Орлы Славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дераостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ, Сѣвернымъ орломъ.
Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей,
И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой.

Таже мысль, тотже поэтический образъ въ стихотвореніи «Орелъ», впервые стяжавшемъ Хомякову громкую славу между Славянами:

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полунощныхъ орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Далеко въ небо ты ушелъ.
Лети! Но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь.
На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись:
Ихъ много тамъ, гдѣ гнѣвъ Дунай,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ горъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и хѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтоновъ вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ.
И ждутъ опованные братья,
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,

Прострешь надъ слабой ихъ главой,
 О вспомни ихъ, орелъ полночи,
 Пошли имъ звонкій свой привѣтъ,
 Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
 Твоей свободы яркій свѣтъ!
 Питай ихъ пищей саль духовныхъ,
 Питай надеждой лучшихъ дней,
 И вкладъ сердець единокровныхъ
 Любовью жаркою согрѣй.
 Ихъ часъ придетъ: окрѣпнуть крылья,
 Младые когти подрастутъ,
 Вскричатъ орлы—и дѣвъ насилья
 Железнымъ клювомъ расклюютъ.

Въ Юнѣ 1833 года Алексѣй Степановичъ уѣхалъ изъ Боучарова въ Крымъ, но скоро былъ оттуда вызванъ, чтобы везти въ Москву своего заболѣвшаго дядю Степана Алексѣевича Киреевскаго. Въ Юлѣ слѣдующаго 1834 года съ отцомъ Хомякова въ Липицахъ сдѣлался первый ударъ, послѣ котораго Степанъ Александровичъ впалъ въ дѣтство. Онъ прожилъ еще два года, скончался въ Апрѣлѣ 1836 года и похороненъ въ Боучаровѣ.

Между тѣмъ въ личной жизни Алексѣя Степановича наступила новая пора, для уясненія которой мы должны коснуться нѣкоторыхъ еще не затронутыхъ нами сторонъ его воспитанія и характера.

IV.

Отношеніе къ женщинамъ.—Женитьба.—К. М. Хомякова.—Дѣти.

Переломъ, совершающійся въ жизни человѣка при вступленіи изъ отроческаго возраста въ юношескій, при входѣ «въ тѣ лѣта, когда намъ кровь волнуется женскій ликъ», бываетъ безконечно разнообразенъ; и если сколько головъ, столько умовъ, то едва ли не съ бѣльшимъ еще правомъ можно сказать тоже о жизни сердца и о первомъ пробужденіи страстей. Въ простыхъ условіяхъ крестьянскаго быта и эта сторона жизни проста и немногосложна; исключенія, къ счастью для народа, до сихъ поръ еще рѣдки. Но чѣмъ выше станемъ мы подниматься по общественной лѣстницѣ, тѣмъ больше увидимъ борьбы и отклоненій отъ праваго пути. Мальчикъ, принадлежащій къ верхнему слою общества, подверженъ съ дѣтства столькимъ воздѣйствіямъ, возбуждающимъ воображеніе и чувственность, что развѣ только чудомъ можетъ онъ не развиться ранѣе положенной природою поры; и рѣдко такое развитіе не сопровождается напрасною тратою душевныхъ и телесныхъ силъ, и болѣею или меньшею потерей нравственной чистоты, переходомъ отъ невинности къ пороку. Городская и въ особеннос-

сти столичная жизнь полна соблазновъ. Въ деревнѣ этихъ соблазновъ нѣтъ, но зато есть другіе. Много ихъ и теперь; еще больше было въ старомъ помѣщичьемъ быту, не привыкшемъ къ стѣсненіямъ и потому такъ часто переходившемъ въ разгулъ.

Немного есть родителей, которые понимаютъ свою обязанность внушать дѣтямъ сначала безсознательный, а потомъ и опредѣленный вѣрный взглядъ на отношенія мужчины къ женщинѣ и воспитывать въ нихъ твердыя правила нравственности и чести. Еще меньше найдется такихъ, которые, сознавая эту обязанность, умѣютъ во время ее исполнить. Большинство или вовсе не думаетъ объ этомъ, или считаетъ своихъ дѣтей моложе ихъ дѣйствительнаго жизненнаго возраста. Жизнь застаётъ ихъ врасплохъ, и имъ приходится дѣйствовать по половицѣ: пришла бѣда, отворай ворота. Не такова была Марья Алексѣевна Хомякова. Мы видѣли, какъ вела она своихъ сыновей съ дѣтства, какія благотворныя начала вынесли они изъ родительскаго дома. И вотъ на порогѣ его, передъ выходомъ ихъ на широкій путь жизни, она завершила ихъ воспитаніе поступкомъ бывшимъ вполнѣ въ ея духѣ и согласнымъ съ тѣмъ, какъ она понимала жизнь и обязанности честнаго человѣка. Когда ея сыновья пришли въ возрастъ, она призвала ихъ и объяснила имъ свой взглядъ на эти обязанности, состоявшій въ томъ, что мужчина, вопреки общепринятымъ понятіямъ о его относительной свободѣ, долженъ также строго блюсти свою чистоту, какъ и дѣвушка. Поэтому она потребовала отъ сыновей клятвы, что они до брака не вступятъ въ связь ни съ одною женщиною, прибавивъ къ этому, что кто изъ нихъ нарушитъ клятву, тому она откажетъ въ своемъ послѣднемъ благословеніи. И клятва была дана.

Таковы были правила, которыя Хомяковъ вынесъ изъ дому, съ которыми онъ, двадцатилѣтній гвардейскій корнетъ, очутился въ Петербургѣ. И онъ не отступилъ отъ нихъ, не нарушилъ данной матери клятвы. Мы не знаемъ, какъ справлялся онъ со своею горячею кровью; но изъ его стиховъ видимъ, что онъ нѣсколько чуждался женщинъ. Къ скромности, частью природной, частью внушенной воспитаніемъ, присоединилось въ немъ чрезвычайно высокое представленіе объ идеалѣ женщины, осуществленія котораго въ жизни онъ искалъ, но все еще не находилъ.

Двадцати шести лѣтъ онъ писалъ («Признаніе»):

„Досель безвѣстна мнѣ любовь
И пылкой страсти огонь мятежный;
Отъ нилыхъ взоровъ, ласки пѣжной
Моя не волновалась кровь.
Такъ сердца тайну въ прежны годы

Я стройно въ звуки облакалъ
И пѣсню гордую свободы
Цѣвницѣ юной повѣрялъ.
Надеждами, мечтами славы
И дружбой вѣрною богатъ,
Я презиралъ любви отравы
И не просилъ ея награды.
Съ тѣхъ поръ душа познала муки,
Надеждъ утрату, смерть друзей,
И грустно вторить пѣсни звуки,
Сложенной въ юности моей.
Я подъ рѣсницею стыдливой
Встрѣчалъ очей огонь живой,
И длинныхъ вудрей шелкъ игривой,
И трепеть груди молодой,
Уста съ привѣтною улыбкой,
Румянецъ бархатныхъ ланитъ,
И стройный станъ, какъ пальма гибкій,
И поступь легкую харить.
Бывало, въ жилахъ кровь възграетъ,
И страха, радости полна,
Съ усиленъ тяжкимъ грудь вздыхаетъ,
И сердце шепчетъ: вотъ она!
Но свѣтлый мигъ очарованья
Прошелъ какъ сонъ, пропалъ и слѣдъ:
Ей дикъ всѣмъ мечтанья,
И непонятенъ ей повѣтъ.
Когда жъ?.. И сердцу станетъ больно,
И къ арфу я прибѣгну вновь,
И прошепчу, вадохнувъ невольно:
Досель безавѣстна мнѣ любовь.

И такъ, тѣмъ дѣвушкамъ (нечего, кажется, прибавлять, что Хомяковъ съ его понятіями о любви не могъ «ухаживать» за замужними женщинами) тѣмъ дѣвушкамъ, на которыхъ онъ обращалъ вниманіе, были *дики* *сво* *мечтанья*. Такъ случилось и съ извѣстною чаровницею тогдашней молодежи, Александрю Осиповною Россетъ. Встрѣтившись съ нею въ Петербургѣ, Хомяковъ, повидимому, какъ и всѣ въ началѣ, увлекся ею;

Но ей чужда моя Россія,
Отчизны дикая краса,
И ей милѣй страны другія,
Другія лучше небеса.
Пою ей пѣснь роднаго края—
Она не внимаетъ, не глядитъ;
При ней скажу я: „Русь святая“,—
И сердце въ ней не задрожитъ.
И тщетно лучъ живаго свѣта
Изъ черныхъ падаетъ очей:
Ей гордая душа поэта
Не посвятить любви своей.

Прочитавъ эти стихи, такъ и озаглавленные «Иностранкѣ», А. О. Россетъ жестоко обидѣлась на разборчиваго поэта, а онъ между тѣмъ прожилъ до тридцати лѣтъ со свободнымъ сердцемъ. Наконецъ настала и его чередъ. Здѣсь мы возвращаемся къ нашему прерванному разсказу.

Въ 1834 году Алексѣй Степановичъ встрѣтился въ Москвѣ съ племянницею Пашковыхъ, Зинаидою Николаевною Полтавцевою, и страстно въ нее влюбился. На предложеніе быть его женою ¹⁾ ова отиѣчала отказомъ, однако сохранила о немъ доброе воспоминаніе и замужъ не вышла. Въ чудномъ стихотвореніи

Когда гляжу, какъ чисто и зеркально
Твое чело,

поэтъ излилъ свою сердечную тоску. Тѣмъ же настроеніемъ, но уже нѣсколько успокоеннымъ, написаны стихотворенія «Элегія» и «Благодарю тебя». Душа переболѣла, умъ вступилъ въ свои права. Хомяковъ вышелъ изъ этого испытанія окрѣпшимъ и просвѣтленнымъ и могъ сказать про себя:

Такъ раненый слегка орелъ уходитъ выше
Въ родныя небеса.

И онъ снова вернулся къ своимъ думамъ, къ своему жизненному подвигу. Въ стихотвореніяхъ «Мечта», «Ключъ» и «Островъ», передъ нами является прежній спокойный мыслитель, прежній пламенный пророкъ. Но уже близко было то счастье, котораго онъ такъ долго и такъ напрасно искалъ. Черезъ поэта П. М. Языкова, принадлежавшаго къ кружку Киреевскихъ, Алексѣй Степановичъ познакомился съ его сестрою Катериною Михайловною, и 5 Іюля 1836 года они были обвѣнчаны ²⁾. За нѣсколько дней передъ тѣмъ сестра Алексѣя Степановича, Анна Степановна, вышла замужъ за своего дальняго родственника Василія Ивановича Хомякова.

Для всякаго человѣка, за рѣдкими исключеніями, бракъ бываетъ поворотною точкою въ жизни; но рѣзкость этого поворота не для всѣхъ одинакова. Большинство мужчинъ изъ верхнихъ слоевъ общества женятся, уже искусившись въ любви, а часто и въ развратѣ. Худшіе не мѣняють послѣ того своихъ привычекъ или скоро къ нимъ возвращаются; лучшіе — оставляють эти привычки, дѣлаются примѣр-

¹⁾ Это происходило въ одной изъ комнатъ „Пашкова дома“, теперешняго Румянцова свего Музея.

²⁾ Въ домово́й церкви графовъ Паниныхъ, на Никитской, въ Москвѣ.

ными мужьями и отцами, но такъ и считаютъ, что они пожилы — и довольно, что «личная жизнь» кончена, что молодость прошла. Лишь весьма немногіе приносятъ въ семью нетронутое сердце и думаютъ, что настоящая жизнь тутъ-то и начинается. О Хомяковъ и этого сказать мало. Не допуская и мысли объ игрѣ въ любовь, но отъ юности пося въ душѣ чистый и ясный идеалъ женщины и семьи, онъ изъ года въ годъ, томясь и тоскуя, тщетно искалъ его осуществленія. Первое сильное его чувство не нашло себѣ отклика; по свѣтлая мечта его души отъ того не померкла, а загорѣлась еще ярче и, какъ далекая звѣзда, наконецъ привела его къ давно желанной цѣли. Умудренный жизнью, но сохранивъ всю цѣльность нетронутаго чувства, онъ внесъ въ бракъ истинное *цѣломудріе*. Вопреки тому, какъ бываетъ обыкновенно, этотъ тридцатидвухлѣтній женихъ былъ равенъ по нравственной чистотѣ своей восемнадцатилѣтней невѣстѣ. Клятва, данная матери, была сдержана, и не тѣлесно только, но и духовно. Таковъ былъ этотъ союзъ. Могъ ли онъ не привести къ счастью? И дѣйствительно, счастье было полное, какое только доступно человѣку на землѣ. Этимъ счастьемъ дышитъ каждое слово, дошедшее до насъ изъ этого времени жизни Алексѣя Степановича и его молодой жены.

Нужно замѣтить, что если для Хомякова семья была жизненнымъ идеаломъ, то онъ рѣдко гдѣ могъ найти себѣ такую жену, какъ въ необыкновенно дружной Языковской семьѣ. Катерина Михайловна какъ бы создана была для воплощенія того, о чемъ мечталъ Алексѣй Степановичъ. Когда читаешь ея письма и вслушиваешься въ рассказы людей ее знавшихъ, то изумляешься полному отсутствію въ ней всего рѣзкаго, всего бросающагося въ глаза, ея полнотой, безусловной простотѣ. Катерина Михайловна, скромная и очень застѣчивая, съ точки зрѣнія испорченнаго свѣтскаго вкуса была женщина советъ обыкновенная, то-есть въ ней не было ровно ничего бьющаго на эффектъ. Она была хороша собой, но красотой не поражала; умна, но объ ея умѣ не кричали; полна умственныхъ интересовъ и образована, но безъ всякихъ притязаній на ученость. Словомъ, это было вполнѣ, если можно такъ выразиться, художественно-гармоничное существо; а такимъ былъ и самъ Хомяковъ. Отсюда ихъ сродство и рѣдкое счастье, для многихъ мало понятное. Хомяковъ не суживался въ семейной жизни и не снисходилъ до нея, какъ многіе умники: для него семья была «святая святыхъ», гдѣ почерпалъ онъ вдохновеніе и силу и куда никого со стороны не допускалъ... Но лучше всего это настроеніе выражается его же стихами, написанными черезъ два года послѣ свадьбы:

Лампада позная горѣла
 Предъ сонной лѣтнію моею,
 И ты взошла и тихо сѣла
 Въ сліяньи мрака и лучей.
 Головки русой очеркъ изъясный
 Въ тѣни скрывался, а чело—
 Святые думы безмятежной—
 Сіяло чисто и свѣтло.
 Уста съ улыбкою спокойной,
 Глаза съ лазурной ихъ красой,
 Все тихимъ миромъ, мыслью стройной
 Въ тебѣ дышало предо мной.
 Ушла ты—солнце закатилось,
 Померкла холодная земля;
 Но въ ней глубоко затаялась
 Отъ солнца жаркая струя.
 Ушла! Но Боже, какъ звенѣли
 Всѣ струны пламенной души,
 Какую пѣсню въ ней запѣли
 Онѣ въ полуночной тиши!
 Какъ вдругъ и молодо, и живо
 Вскипѣли силы прежнихъ лѣтъ,
 И какъ вздрогнулъ нетерпѣливо,
 Какъ вспрыгнулъ дремлющій поэтъ!
 Какъ чистымъ пламенемъ искусства
 Его зажглася голова,
 Какъ сны, надежды, мысли, чувства
 Слилися въ звучныя слова!
 О, вѣрь мнѣ: сердце не обманетъ,
 Свѣтло звѣзда моя взошла,
 И снова яркій лучъ проглянетъ
 На лавры гордаго чела.

Войдя въ новую семью, Катерина Михайловна сразу стала тѣмъ,
 для чего была рождена и воспитана: вѣрною женою и послушною до-
 черью. Она смирилась передъ свекровью, которой крутой нравъ и ей
 доставлялъ немало горькихъ минутъ; а чѣмъ она была для мужа,
 это прекрасно выразилъ въ посвященныхъ ей стихахъ ея братъ Н. М.
 Языковъ:

Дороже перловъ многоцѣнныхъ
 Благочестивая жена!
 Чувствъ непорочныхъ, думъ смиренныхъ
 И всякой тихости полна,
 Она достойно мужа любить
 Живетъ одною съ нимъ душой,
 Она труды его голубить,
 Она хранить его покой.
 И счастье мужа—ей награда
 И похвала, и любо ей,
 Что межъ старѣйшинами града
 Онъ знатенъ мудростью рѣчей,

И что богатъ онъ чистой славой
 И силенъ въ общинѣ своей.
 Она воспитываетъ здраво
 И бережетъ своихъ дѣтей:
 Она ихъ мирно поучаетъ
 Благимъ и праведнымъ дѣламъ,
 Святую книгу имъ читаетъ,
 Сама ихъ водить въ Божій храмъ.
 Она блюдетъ порядокъ дома,
 Ей милъ ея семейный кругъ,
 Мѣрная прелесть незнакома,
 И чуждъ безмысленный досугъ.
 Не соблазнять ея желаній
 Ни шумъ блистательныхъ пировъ,
 Ни вихрь полуночныхъ скаканій
 И сладки рѣчи пласуновъ,
 Ни говоръ пусто-величавый
 Бездушныхъ, чопорныхъ бесѣдъ,
 Ни прелесть роскоши лукавой,
 Ни прелесть всяческихъ суетъ.
 И домъ ея боголюбивый
 Цвѣтетъ добромъ и тишиной,
 И дни ея мелькаютъ живо
 Прекрасной, свѣтлой чередой;
 И никогда ихъ не смущаетъ
 Обуреваніе страстей:
 Господь ее благословляетъ,
 И люди радуются ей.

«Въ дѣтяхъ оживаетъ и, такъ сказать, успокоивается взаимная любовь родителей», сказалъ въ послѣдствіи Хомяковъ. Легко себѣ представить, чѣмъ были дѣти для молодыхъ супруговъ. У нихъ родились одинъ за другимъ сыновья Степанъ и Ѳедоръ. Они были оба болѣзненны, особенно маленькій Степанчикъ, и оба умерли въ 1838 году. Памяти ихъ посвящено стихотвореніе «Къ дѣтямъ»

Бывало, въ глубокой полуночный часъ
 Милотки, приду любоваться на васъ;
 Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
 Молиться, да будетъ на васъ благодать,
 Любовь Вседержителя Бога.

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
 Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
 Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
 Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей—
 Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
 Нѣтъ въ койнѣтѣ жизни, кроватка пуста,
 Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
 Мнѣ грустно: милотокъ моихъ уже нѣтъ—
 И сердце такъ больно сожмется!

О дѣти! Въ глубокой полуночной часѣ
 Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
 О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать;
 Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
 Любовь Вседержителя Бога.

Впослѣдствіи у Хомяковыхъ было семеро дѣтей: пять дочерей и два сына.

V.

Жизнь въ Москвѣ и деревнѣ. — Заграничное путешествіе. — Отношеніе Хомякова къ своимъ произведеніямъ. — Литературные противники, единомышленники и друзья. — К. С. Аксаковъ и Ю. О. Самаринъ. — Валуевъ. — Сочиненія Хомякова.

Со времени женитьбы и до конца внѣшній распорядокъ жизни Алексѣя Степановича почти не мѣнялся. Московскій домъ, въ которомъ прошла его ранняя молодость, былъ отданъ въ приданое за Анной Степановной, которая черезъ три года скончалась, а Алексѣй Степановичъ съ женой поселился въ наемной квартирѣ. Долѣе всего прожили они на Арбатѣ, противъ церкви Пиколы Явленнаго, а оттуда осенью 1844 года переѣхали на Собачью площадку, въ собственный домъ, купленный у князей Лобановыхъ-Ростовскихъ, въ которомъ съ тѣхъ поръ и жили постоянно. Весною Алексѣй Степановичъ уѣзжалъ въ деревню довольно поздно, часто въ Іюнь, но за то осенью, какъ страстный охотникъ, заживался тамъ долго. И онъ, и его жена очень любили Липицы, но проводили лѣто болѣе въ Бобучаровѣ, которое было удобнѣе для житія и, какъ главное имѣніе, требовало большаго примотра. Здѣсь почти всегда бывалъ кто-нибудь, чаще всего ближайшіе сосѣди, Ротмистровъ, Булыгинъ и Загряжскій; постояннымъ же собесѣдникомъ Алексѣя Степановича и соучастникомъ въ любимой его игрѣ на билліардѣ былъ его управляющій Василій Александровичъ Трубишковъ, котораго Хомяковъ очень любилъ. Дѣти Трубишкова, и особенно сынъ его Сенчикъ, большой шалунъ, часто приходили играть съ дѣтьми Хомякова. Марья Алексѣевна не одобряла такого общества, но сынъ въ этомъ ея не слушалъ. Вообще же Марья Алексѣевна никогда не переставала горевать о своемъ старшемъ сынѣ, а Алексѣя Степановича любила журить и бранить, чгд онъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ перепосилъ. Между прочимъ она постоянно упрекала его въ плохомъ управленіи имѣніями, что было несправедливо, ибо Алексѣй Степановичъ въ дѣйствительности устроилъ дѣла и заплатилъ множество долговъ. На самомъ дѣлѣ старуха не могла простить сыну его, по ея мнѣнію, либеральнаго и протестантскаго образа мыслей, бороды и желанія служить. Сама она доходила во внѣшнихъ выраженіяхъ своей набожности до крайнихъ предѣловъ.

Итакъ, жизнь Хомякова дѣлилась между Москвою и его деревнями, которыя онъ объѣзжалъ довольно часто. Изрѣдка ѣздилъ онъ въ Петербургъ, по-разу быть въ Кіевѣ, Крыму и на Кавказѣ. Въ 1847 году онъ съ женою и двумя старшими дѣтьми ѣздилъ за границу, посѣтилъ Германію, Англію, Францію и Прагу.

Цѣль этого путешествія была, вѣроятно, двоякая: Алексѣй Степановичъ хотѣлъ показать своей женѣ великія произведенія искусства, и побывать въ Англіи, землѣ, наиболѣе привлекавшей его на Западѣ.

Въ Прагѣ, тогдашнемъ средоточіи только-что пробудившейся Западно-Славянскій мысли, Хомяковъ познакомился съ Ганкою и въ его альбомѣ написалъ слѣдующія знаменательныя строки:

«Когда то я просилъ Бога о Россіи и говорилъ:

Не дай ей рабскаго смиренья,
Не дай ей гордости славной
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья
Въ ней духомъ жизни успокой.

«Эта же молитва у меня для всѣхъ Славянъ. Если не будетъ сомнѣнья въ насъ, то будетъ успѣхъ. Сила въ насъ, только бы не забывалось братство. Что я это могъ записать въ книгѣ вашей, будетъ мнѣ всегда помниться, какъ истинное счастье».

Къ этому времени относится стихотвореніе «Беззвѣздная полночь дышала прохладой».

Въ слѣдующемъ году Хомяковъ напечаталъ свое «Письмо объ Англіи», въ которомъ онъ съ изумительною для иностранца чуткостью нѣсколькими чертами изображаетъ основныя особенности Англійскаго быта. Показавъ неосновательность ходячихъ мнѣній объ Англичанахъ, онъ опредѣляетъ сущность соціальной борьбы Виговъ и Торіевъ и съ необыкновенною теплотою описываетъ любовь Англичанъ къ ихъ старинѣ, любовь, подобную которой такъ хотѣлось Алексѣю Степановичу видѣть въ своихъ соотечественникахъ. Указавъ на успѣхи рационалистическаго вигизма, онъ кончаетъ свою статью словами: «Конечно Англія еще крѣпка, много живыхъ и свѣжихъ соковъ льется въ ея жилы; но дѣло Виговъ идетъ впередъ неудержимо. Звонко и мѣрно раздаются удары протестантскаго топора, разрубаются тысячелѣтніе корни, стонетъ величавое дерево. Не вѣрится, чтобы земля, воспитавшая такъ много великаго, давшая такъ много прекрасныхъ примѣровъ человечеству, разнесшая свѣтъ христіанства и славу имени Божію по отдаленнѣйшимъ концамъ міра, могла погибнуть; а гибель неизъ-

бѣжна, развѣ (и дай Богъ, чтобъ это было), развѣ приметъ она новое духовное начало, которое притушило бы остріе протестантскаго толпора, залѣчило бы уже нанесенныя раны и укрѣпило ослабленныя корни. Но будетъ ли это? Я взошелъ на Англійскій берегъ съ веселымъ изумленіемъ, я оставилъ его съ грустною любовью».

Съ выхода въ отставку Хомяковъ никогда болѣе не служилъ и потому могъ свободно располагать своимъ временемъ. Помимо хозяйства и чтенія (а читалъ онъ все, что только заслуживало вниманія) онъ продолжалъ писать. Но скоро стало, ясно, что его поэтическое дарованіе не есть средоточіе его творческихъ способностей. Впослѣдствіи, сравнивая себя съ Ѳ. И. Тютчевымъ, котораго онъ называлъ «насквозь поэтомъ», Хомяковъ писалъ: «Безъ притворнаго смиренія я знаю про себя, что мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, то есть прозаторъ вездѣ проглядываетъ и слѣдовательно долженъ наконецъ задуть стихотворца.» Мы, быть можетъ, не согласимся съ такимъ безповоротнымъ самоосужденіемъ; но нельзя отрицать того, что поэтическая стихія не была жизнію для Хомякова. Отъ времени до времени онъ писалъ чудные стихи, но бывали у него и долгіе промежутки безъ вдохновенія. Кромѣ небольшихъ стихотвореній, онъ послѣ «Ермака» написалъ еще драму «Дмитрій Самозванецъ», произведеніе полное отдѣльныхъ, преимущественно лирическихъ красотъ, но окончательно доказавшее самому поэту, что онъ лишенъ силы драматургической. Ему предназначено было другое поприще; но пока онъ еще не выступалъ на него, не записывалъ рождавшихся въ его головѣ мыслей, а ограничивался тѣмъ, что высказывалъ ихъ въ спорахъ. А. И. Кошелевъ рассказываетъ, что впослѣдствіи, на упреки въ томъ, что онъ слишкомъ много говоритъ и слишкомъ мало пишетъ, Хомяковъ отвѣчалъ: «Изустное слово плодотворнѣе писаннаго; оно живитъ слушающаго и еще болѣе говорящаго. Чувствую, что въ разговорѣ съ людьми я и умнѣе, и сильнѣе, чѣмъ за столомъ и съ перомъ въ рукахъ. Слова произнесенныя и слышанныя коренистѣе словъ писанныхъ и читанныхъ.» И на самомъ дѣлѣ, сила его слова было поразительна: въ томъ согласны всѣ, друзья и недруги, оставившіе намъ воспоминанія о немъ. За страсть къ спорамъ недалновидные люди называли Хомякова софистомъ и лицебромъ, потому что онъ часто для уясненія какого нибудь вопроса, о которомъ спорили два безнадежно - несогласные собесѣдника, становился то на сторону одного, то на сторону другаго и въ концѣ концовъ доказывалъ обоимъ несостоятельность ихъ доводовъ и приводилъ ихъ къ истинѣ. Спорить съ нимъ было очень трудно, почти невозможно. Но за то, когда, увлекшись, онъ начиналъ излагать свои любимыя мысли, особенно

говорить о вѣрѣ, о призваніи Россіи, то діалектикъ исчезалъ, и слово его звучало вдохновеніемъ пророческимъ.

Мы уже назвали выше нѣсколькихъ друзей, составлявшихъ первый и ближайшій кружокъ Хомякова. Къ концу тридцатыхъ годовъ въ Москвѣ собрались все тѣ силы, которыми прославилась послѣдующая четверть вѣка. На ученое и литературное поприще выступили первые противники провозглашеннаго Хомяковымъ Русскаго направленія: Герценъ, Грановскій, Бѣлицкій, потомъ Соловьевъ и Кавелинъ; рядомъ съ нимъ явился сторонникъ направленія національнаго въ тѣсномъ смыслѣ, Шевыревъ и Погодинъ. Все это были, кромѣ немногихъ, люди такъ или иначе причастные къ Университету, представители, если можно такъ выразиться, присяжной науки, процвітавшей подъ покровительствомъ попечителя графа Строганова. Проповѣдь Хомякова нашла себѣ въ началѣ лишь немногихъ послѣдователей. Почти одновременно съ обращеніемъ къ православному образу мыслей Н. В. Киреевскаго, Хомяковъ сошелся съ молодыми людьми К. С. Аксаковымъ, Ю. Ѳ. Самаринимъ, А. Н. Поповымъ и нѣкоторыми другими. Тогда же впервые появился въ Москвѣ Гоголь, съ которымъ Хомяковъ вскорѣ подружился. Если прибавимъ имена брата К. М. Хомяковой, Н. М. Языкова, съ его другомъ К. А. Коссовичемъ, ея племянника Дмитрія Александровича Валуева, старика С. Т. Аксакова, выступившаго нѣсколько позднѣе, младшаго сына его Ивана Сергѣевича, братьевъ Елагиныхъ и Ѳ. В. Чижова: то получимъ почти полную картину того кружка, въ которомъ вращался въ то время Хомяковъ. Еще позже къ нему присоединился князь В. А. Черкасскій.

Та юношеская свѣжесть чувства, которую Хомяковъ сохранилъ до зрѣлаго возраста, сказалась не въ однихъ только указанныхъ нами отношеніяхъ къ женѣ: таковъ былъ онъ и въ дружбѣ. Сходясь съ людьми, которые были моложе его на много лѣтъ, онъ заставлялъ ихъ забывать разницу возраста. Такова была его дружба съ Константиномъ Аксаковымъ и Юріемъ Самаринимъ. Вотъ какъ опредѣляетъ ихъ тропхъ Н. С. Аксаковъ:

«Творчество мысли, страстное къ ней отношеніе, рьяность проповѣди принадлежали собственно К. С. Аксакову. Онъ былъ не только философъ, но еще болѣе поэтъ (не въ смыслѣ только стихописанія), и строгій логическій выводъ, даже въ научныхъ изслѣдованіяхъ, почти всегда упреждался въ немъ какимъ-то художественнымъ откровеніемъ».

«Природа Самарина была совершенно противоположна природѣ К. С. Аксакова. Если Самарину не доставало творчества и почина,

то онъ превосходилъ своего друга ясностью, логическою крѣпостью и всесторонностью мысли, зоркостью аналитическаго взгляда. Его требованія въ мышленіи были несравненно строже; его логики не могли подкупить никакія сочувствія и влеченія. Онъ не только ничего не принималъ на вѣру, но въ противоположность своему другу былъ исполненъ недовѣрія къ самому себѣ и подвергалъ себя постоянно аналитической провѣркѣ. К. С. Аксаковъ былъ рожденъ ораторомъ и говорилъ лучше, чѣмъ писалъ. Самаринъ никого не увлекъ, подобно ему, художественностью и страстностью рѣчи; но, доведя мысль до совершенной отчетливости, онъ выражалъ ее въ устномъ и письменномъ словѣ съ такою точностью и прозрачностью, въ такой неотразимой послѣдовательности логическихъ выводовъ, что это составляло красоту своего рода.»

К. Хомяковъ
«Въ обществѣ, въ которомъ они появились вмѣстѣ въ 1840 году, встрѣтили они Хомякова, и эта встрѣча была рѣшающимъ событіемъ въ ихъ жизни. Онъ превосходилъ ихъ не только зрѣлостью лѣтъ, опытомъ жизни и универсальностью знанія, но удивительнымъ, гармоническимъ сочетаніемъ противоположностей ихъ обѣихъ натуръ. Въ немъ поэтъ не мѣшалъ философу, и философъ не смущалъ поэта; спитезъ вѣры и анализъ науки уживались вмѣстѣ, не нарушая правъ другъ друга, напротивъ—въ безусловной, живой полнотѣ своихъ правъ, безъ борьбы и противорѣчія, но свободно и вполне примиренные. Онъ не только не боялся, но признавалъ обязанностью мужественнаго разума и мужественной вѣры спускаться въ самыя глубочайшія глубины скепсиса, и выносилъ оттуда свою вѣру во всей ея цѣльности и ясной, свободной, какой-то дѣтской простотѣ. Онъ презиралъ вѣру робкую почіющую на бездѣйствіи мысли и опасющуюся анализа науки. Онъ требовалъ лишь, чтобы этотъ анализъ былъ доводимъ до конца.»

Сближеніе съ Хомяковымъ окончательно опредѣлило направленіе Аксакова и Самарина. Первый примкнулъ къ Хомякову раньше; для втораго, по складу его ума, борьба была труднѣе и болѣзненнѣе, и лишь послѣ долгаго и мучительнаго разлада съ самимъ собою онъ достигъ полнаго внутренняго примиренія *).

Но еще раньше связи съ Аксаковымъ и Самаринымъ, Хомяковъ всей душой привязался къ племяннику своей жены, молодому Валусву, который, учась въ Университетѣ, жилъ у него.

*) Подробности этой борьбы шагъ за шагомъ очерчены въ біографическомъ очеркѣ, предпосланномъ Д. Ф. Самаринымъ пятому тому сочиненій его брата.

Дмитрій Александровичъ Валуевъ, умершій въ молодыхъ годахъ, былъ рѣдкимъ образчикомъ соединенія блестящихъ дарованій съ неутомимымъ трудолюбіемъ. Во всю свою недолгую жизнь онъ не только самъ безъ усталы работалъ, но и показалъ другимъ, какъ нужно работать. Изданный имъ «Сборникъ историческихъ и статическихъ свѣдѣній о Россіи и о народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ», къ которому Хомяковъ написалъ введеніе, былъ первою книгою, послужившею выраженіемъ только что народившагося Русскаго направленія. Хомякова, который горячо полюбилъ Валуева, этотъ послѣдній съ 1836 года и до самой своей смерти въ 1845 году постоянно побуждалъ писать. «Онъ менѣе всѣхъ говоритъ, онъ почти одинъ дѣлаетъ», писалъ о немъ Хомяковъ Языкову. Послѣ смерти Валуева въ письмѣ къ Ю. О. Самарину Хомяковъ говоритъ: «Изъ нашего круга отдѣлился человекъ, котораго никто мнѣ никогда не замѣнитъ, человекъ, который мнѣ былъ и братомъ, и сыномъ. Этотъ ударъ былъ для меня невыразимо тяжелъ; но, отвлекая себя отъ личнаго чувства, я могу сказать, что это потеря невознаградимая для всѣхъ насъ. Его молодость, дѣятельность, чистота, миротворящая, хотя ни въ чемъ не уступающая, кротость права и, наконецъ его совершенная свобода и независимость отъ лицъ и обстоятельствъ, все дѣлало его драгоценнѣйшимъ изъ всѣхъ сотрудниковъ въ общемъ дѣлѣ добра и истины. Богу угодно было, чтобы такая прекрасная жизнь рано кончилась; но къ счастью Валуевъ многое началъ, и начатое имъ, я надѣюсь, не пропадетъ, а продолжится. Вы, конечно, сочувствуете моему горю, но никто не можетъ вполне оцѣнить, что я въ Валуевѣ потерялъ и какъ много я ему обязанъ былъ во всѣхъ самыхъ важныхъ частяхъ моей умственной дѣятельности. Во многомъ онъ былъ моей совѣстью, не позволяя мнѣ ни слабѣть, ни предаваться излишнему преобладанію сухаго и логическаго анализа, къ которому я по своей природѣ склоненъ. Если что нибудь во мнѣ цѣнятъ друзья, то я хотѣлъ бы, чтобы они знали, что въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ дружба Валуева постоянно работала надъ исправленіемъ дурнаго и укрѣпленіемъ хорошаго во мнѣ.»

Валуевъ далъ первый внѣшній толчекъ прозаическимъ писаніямъ Хомякова, который до тѣхъ поръ, кромѣ упомянутой нами выше юношеской статейки о зодчествѣ, да напечатанной въ 1835 году небольшой статьи о черезполосномъ владѣніи, ничего не писалъ въ прозѣ. Будучи ежедневнымъ свидѣтелемъ того, какъ Алексѣй Степановичъ расточаетъ въ разговорѣ сокровища своего ума и познаній, и не придавая никакой цѣны словесной передачѣ мыслей, Валуевъ сталъ не-

отступно требовать отъ Хомякова, чтобы онъ записывалъ то, что говорилъ и взялъ съ него честное слово, что онъ одинъ часъ въ день будетъ писать. На первый разъ онъ даже заперъ своего старшаго друга на ключъ въ его кабинетъ. Такъ положено было начало Запискамъ Хомякова о всемірной исторіи. Разъ какъ-то Гоголь засталъ его за писаніемъ и, заглянувъ въ тетрадь, увидалъ въ ней имя Семирамиды; онъ сказалъ кому-то, что Хомяковъ пишетъ Семирамиду. Такъ это названіе и осталось за этой работою, и въ послѣдствіи самъ Хомяковъ иначе ее и не называлъ. Записки эти онъ велъ въ продолженіе всей своей жизни, свято исполняя данное покойному другу слово.

Этотъ обширный трудъ, представляющій собственно подробную схему всемірной исторіи, заключаетъ въ себѣ безчисленное множество новыхъ и свѣтлыхъ мыслей. Нѣкоторымъ изъ этихъ мыслей суждено было войти въ науку много лѣтъ спустя. Съ этой точки зрѣнія Записки Хомякова—богатый источникъ для будущихъ историковъ, которые будутъ изумляться необычной силѣ его историческаго провидѣнія, часто на основаніи самыхъ скудныхъ данныхъ угадывавшаго то, что долго скрывалось отъ проницательности ученыхъ. Но въ этомъ и слабая сторона «Семирамиды». Въ то время, когда она писалась, археологія и историческая критика многого еще не открыли, и Хомяковъ, при всей своей проницательности, часто вводимъ былъ въ заблужденіе недостаткомъ точныхъ данныхъ. Значеніе Записокъ прекрасно выяснено въ предисловіи къ нимъ, написанномъ ихъ издателемъ А. О. Гильфердингомъ, котораго Алексѣй Степановичъ всегда высоко цѣнилъ. Гильфердингъ такъ передаетъ, со словъ самого Хомякова, его взглядъ на научное значеніе своего труда: «Всѣ книги о всемірной исторіи, говорилъ онъ, кажутся ему совершенно неудовлетворительными; онъ грѣшатъ тѣмъ, что исторія разсматривается въ нихъ съ чисто вѣшной стороны и притомъ крайне односторонне. Односторонность въ нихъ во-первыхъ та, что исторія, хотя и называется всемірною, сосредоточивается почти исключительно въ народахъ Европейскихъ, великая же и тысячелѣтняя историческая жизнь другихъ племенъ земнаго шара отодвигается на задній планъ и притомъ не приводится ни въ какую органическую связь съ судьбами привилегированныхъ, такъ сказать, народовъ Европы. Во вторыхъ, между народами Европы выводятся на сцену лишь народы классической древности и западнаго міра, громадное же племя Славянское оставляется въ тѣни, и роль его также не связывается съ общимъ ходомъ міровой жизни. Вѣшній же, механический характеръ имѣютъ книги о всемірной исторіи главнѣйшимъ образомъ потому, что онѣ слишкомъ мало понимаютъ и цѣнятъ то на-

чало, которое существеннѣйшимъ образомъ обуславливаетъ строй чело-
вѣческаго общества и его внутреннїя стремленїя, именно религію. Итакъ Хомяковъ поставилъ себѣ задачею изложить схему, какимъ об-
разомъ всемірная исторія должна быть написана, чтобы, во первыхъ,
жизнь всѣхъ племенъ земнаго шара была поставлена въ надлежащее
отношеніе; чтобы, вторыхъ, Славянскому племени возвращено было
подобающе ему мѣсто, и чтобы, третьихъ, видно было дѣйствіе тѣхъ
внутреннихъ силъ, которыми обуславливался ходъ историческаго раз-
витія разныхъ народовъ, и въ особенности главнѣйшей изъ этихъ силъ —
религіи».

«Ему не было суждено, говорить Ю. О. Самаринъ, «не только
довести до конца великій задуманный имъ трудъ, но даже воспользо-
ваться тѣмъ, что уже было имъ исполнено; а чего онъ не успѣлъ
совершить, того конечно не возметъ на себя никто. Мы можемъ толь-
ко сохранить для потомства богатое наслѣдство его мысли въ томъ
видѣ въ какомъ оно до насъ дошло. Нѣтъ сомнѣнїя, что въ такомъ
обширномъ, многосложномъ и окончательно неprovѣренномъ трудѣ,
каковы Записки Хомякова, найдутся недосмотры, ошибки, противорѣчїя
и произвольныя, а еще чаще неоправданныя догадки; на нихъ ука-
жутъ, ихъ исправятъ спеціалисты коротко знакомые съ источниками,
и въ тоже время, мы въ этомъ не сомнѣваемся, они оцѣнятъ по до-
стоинству великій ученый подвигъ покойнаго автора.» Представители
ремесленности въ наукѣ, не находя на его трудъ своего цеховаго штем-
пеля, отвернутся отъ него съ пренебреженіемъ; одно отсутствіе раз-
дѣленїя на главы и рубрики надолго доставитъ поживу самодовольной
критикѣ. Мы предоставляемъ ей это легкое торжество надъ трудомъ,
который, въ этомъ отношенїи, является передъ нею безоружнымъ.
Большинство читателей найдетъ въ немъ чтеніе, конечно не легкое,
но которое съ избыткомъ вознаградитъ всякое усиліе мысли. За по-
слѣднее можно смѣло поручиться».

Сочиненіе свое по всемірной исторїи Хомяковъ не назначалъ къ
печати, по крайшей мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно осталось послѣ
него; и такъ какъ онъ не успѣлъ его окончить, то его и нельзя при-
знавать трудомъ вполне цѣльнымъ. Но самъ онъ считалъ эту работу
настоящимъ своимъ дѣломъ и въ одномъ письмѣ къ С. П. Шевыреву
говорилъ: «Къ несчастію я такъ лѣнивъ, что всякая статья отрываетъ
меня отъ труда постояннаго, и поэтому я долженъ только позволять
себѣ трудъ эпизодическій, когда вижу или чувствую въ душѣ необхо-
димость высказать свою мысль». Эти слова знаменательны: ими объяс-

няется какъ все послѣдующее распредѣленіе занятій Хомякова, такъ и неизбѣжная отрывочность его статей. За двадцать лѣтъ съ 1840 по 1860 годъ онъ въ сущности написалъ много и успѣлъ, въ большей или меньшей степени, высказаться по всѣмъ занимавшимъ его вопросамъ; но, считая, какъ видно изъ только что приведеннаго письма, свои статьи случайнымъ выраженіемъ мыслей, онъ никогда не думалъ о приведеніи ихъ въ какую бы то ни было систему. Напротивъ, «Записки» свои велъ онъ, придерживаясь строгаго, напередъ обдуманнаго плана, и только одно это его произведеніе и носитъ характеръ сочиненія систематическаго, тогда какъ отдѣльныя статьи являются какъ бы эпизодами его умственной дѣятельности. Поэтому для полнаго уразумѣнія Хомякова необходимо послѣдовательное изложеніе его мыслей, освобожденныхъ отъ тѣхъ рамокъ, въ которыхъ эти мысли заключены и разбросаны по отдѣльнымъ его статьямъ. Опытъ такого изложенія мы даемъ во второй части настоящаго труда; здѣсь же будемъ указывать на отдѣльныя статьи лишь постольку, поскольку это необходимо для разсказа о его жизни и для уясненія его личности.

VI.

Славянофильство.—Отношеніе къ нему правительства и общества.—Взглядъ Хомякова на призваніе его сотрудниковъ.

Подавая по временамъ голосъ въ статьяхъ и стихахъ и постоянно работая надъ «Семирамидою», Хомяковъ продолжалъ предпочитать устное слово писанному и неустanno развивалъ свои мысли въ горячихъ спорахъ съ друзьями и противниками. Последніе постепенно выдѣлились въ видѣ «Западниковъ», а Хомякова и его сторонниковъ прозвали «Славянофилами», воскресивъ, по поводу ихъ сочувствія *Славянамъ*, это старое слово, прилагавшееся нѣкогда къ Шишкову и другимъ защитникамъ *Церковнославянскаго языка* въ Русской словесности *).

*) Въ 1847 году, въ статьѣ „О возможности Русской художественной школы“, напечатанной въ „Московскомъ Сборникѣ“, Хомяковъ писалъ: „Нѣкоторые журналы называютъ насъ наземѣниливо Славянофилами, именемъ составленнымъ на иностранный ладъ, по которое въ Русскомъ переводѣ значило бы *Славянолюбиво*. Я съ своей стороны готовъ принять это названіе и признаюсь охотно: люблю Славянъ. Я не скажу, что я ихъ люблю потому, что въ ранней молодости, за границами Россіи, приняты равнодушно, какъ всякій путешественникъ, въ земляхъ не-Славянскихъ, я былъ въ Славянскихъ земляхъ принятъ, какъ любимый родственникъ, посещающій свою семью; или потому, что во время военное, проѣзжая по мѣстамъ, куда еще не доходило Русское войско, я былъ привѣтствуемъ Болгарами, не только какъ вѣстникъ лучшаго будущаго, но какъ другъ и братъ;

Такъ началось Славянофильство.

Трудно было положеніе этихъ немногочисленныхъ борцовъ мысли. Еще ни одно новое умственное направленіе не встрѣчало при своемъ возникновеніи такого единоподушнаго недовѣрія со стороны всей окружающей среды, недовѣрія, порою переходившаго въ ненависть. Можно безъ преувеличенія сказать, что съ самыхъ первыхъ шаговъ славянофильства отношеніе къ нему правительства и общества представляло собою одно сплошное недоразумѣніе, въ значительной мѣрѣ продолжающееся и до сихъ поръ. Истинныхъ мнѣній Славянофиловъ въ ихъ послѣдовательности огромное большинство ихъ порицателей не только не знало, но и не хотѣло знать: подхватывались ихъ конечные выводы по отдѣльнымъ вопросамъ, перетолковывались вкривъ и вкось и въ такомъ видѣ подвергались осмѣянію и преслѣдованію. Проповѣдь широкой духовной свободы обзывалась наспльничествомъ, потому что требовала этой свободы для всѣхъ мнѣній, а не для однихъ только модныхъ, не для новизны только, но и для старины. Люди, едвали не полнѣе своихъ противниковъ изучившіе западную науку и настаивавшіе лишь на сознательномъ ея воспріятіи на мѣсто рабской перемчивости, оглашались старовѣрами, будто бы желавшими повернуть Россію спиной къ Европѣ и вогнать ее въ Азію. Наконецъ, ученіе, краеугольнымъ камнемъ котораго въ вопросахъ политическихъ было историческое самодержавіе, оподозривалось въ государственной неблагонадежности и чуть не въ стремленіи къ бунту. Между тѣмъ какъ

или потому, что, живучи въ ихъ деревняхъ, я нашелъ семейный бытъ своей родной земли; или потому, что въ ихъ числѣ находится наиболѣе племенъ православныхъ, слѣдовательно связанныхъ съ нами единствомъ высшаго духовнаго начала; или даже потому, что въ ихъ простыхъ нравахъ, особенно въ областяхъ православныхъ, таятся добродѣтели и днательность жизни, которыя внушили любовь и благоговѣніе просвѣщеннымъ иностранцамъ, каковы Бланш и Бюз. И этого не скажу, хотя тутъ было бы довольно разумныхъ причинъ; но скажу одно: я ихъ люблю потому, что нѣтъ Русскаго челоѣка, который бы ихъ не любилъ; нѣтъ такого, который не сознавалъ бы своего братства съ Славяниномъ и особенно съ православнымъ Славяниномъ. Объ этомъ, кому угодно, можно учинить справку хоть у Русскихъ солдатъ, бывшихъ въ Турецкомъ походѣ, или хоть въ Московскомъ гостинномъ дворѣ, гдѣ Французъ, Повецъ и Итальянецъ принимаются какъ иностранцы, а Сербъ, Далматинецъ и Болгаринъ, какъ свои братья. Поэтому насмѣшку надъ нашей любовью къ Славянамъ принимаю я также охотно, какъ и насмѣшку надъ тѣмъ, что мы Русскіе. Такія насмѣшки свидѣлствуютъ только объ одномъ: о скудости мысли и тѣсотѣ взгляда людей, утратившихъ свою умственную и духовную жизнь и всякое естественное или разумное сочувствіе въ щеголеватой мертвенности салоновъ или въ односторонней книжности современнаго Запада“.

западничество, при своемъ несомнѣнномъ сочувствіи съ западно-европейскими государственными ученіями, не смотря на то, гораздо болѣе пользовалось покровительствомъ власти и господствовало на университетской кафедрѣ, Славянофилы обставлены были неисчислимыми цензурными стѣсненіями, а иногда находились и подъ прямымъ запрещеніемъ печатать что бы то ни было.] Тотъ самый графъ С. Г. Строгановъ, который, будучи попечителемъ Московскаго университета, такъ много для него сдѣлалъ, оказывая покровительство даровитымъ молодымъ ученымъ и помогая имъ достигать профессуры, къ Славянофиламъ относился недоувѣрчиво и считалъ ихъ людьми опасными. Незадолго до своей смерти, когда большинства ихъ уже не было въ живыхъ, онъ, говоря, измѣнилъ свой взглядъ и понялъ свою былую ошибку, но во время своего попечительства и непосредственно послѣ него онъ всюду, гдѣ только могъ, ставилъ препятствія Славянофиламъ. Если же такой человекъ какъ Строгановъ, ничего не искавшій, просвѣщенный и вездѣ, по своему крайнему разумѣнію, помогавшій просвѣщенію, такъ относился къ Славянофиламъ: то понятнo, чего могли они ждать отъ другихъ представителей власти, несравненно менѣе способныхъ понять ихъ и оцѣнить. [Еще въ 1858 году Московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій въ своемъ секретномъ сообщеніи шефу жандармовъ князю Долгорукову о неблагонамѣренныхъ людяхъ въ Москвѣ писалъ: «По разнымъ слухамъ и негласнымъ дознаніямъ можно предполагать, что такъ называемые Славянофилы составляютъ у насъ тайное политическое общество, вредное по своему составу и началамъ». Въ приложенномъ къ этому сообщенію списокъ Ю. О. Самарина, напримѣръ, опредѣляется такъ: «Славянофилъ и литераторъ, желающій безпорядковъ и на все готовый». Вѣроятно и Закревскій, и другіе подобные ему блюстители общественной безопасности затруднились бы объяснить, на что собственно готовы Славянофилы; но послѣднимъ было отъ того не легче. Преслѣдованіе не ограничивалось одною литературою: и самыя лица не оставались свободными отъ него. Русское платье и въ особенности борода, которую они носили, считены были признаками неповиновенія власти. Черезъ полтора вѣка послѣ указовъ Петра Великаго, Москва опять увидала гоненіе на бороду.

Подозрительное отношеніе къ Славянофиламъ, въ значительной мѣрѣ внушаемое Петербургу ихъ Московскими недоброжелателями, обратно, какъ бы отражаясь, оказывало дѣйствіе на многихъ Москвитинъ, въ душѣ къ нимъ расположенныхъ: многіе сторонились ихъ, считая опаснымъ знаться съ опальными людьми.

Наконецъ, и то сословіе, которое, повидимому, должно было бы сочувственно огнестись къ общественной проповѣди Православія, начатой Славянофилами, встрѣтило ихъ съ холодною и недоувѣріемъ. Большинство духовенства, не исключая даже самого митрополита Московскаго Филарета, казалось, не хотѣло понять, что славянофильство — не новый расколъ, и что нѣтъ основаній не довѣрять ему. Когда нѣкоторые лучшіе умы Англиканской церкви начали склоняться къ Православію, Хомяковъ горячо принялъ въ сердцу ихъ дѣло и всѣми силами старался, въ письмахъ къ Пальмеру, выяснять ихъ недоумѣнія. Чтобы облегчить Пальмеру доступъ къ высшимъ представителямъ Русской іерархіи, Алексѣй Степановичъ писалъ Казанскому архіепископу Григорію. Послѣдній въ началѣ отнесся къ нему съ теплымъ сочувствіемъ, но потомъ, вѣроятно по чьимъ нибудь наговорамъ, сразу измѣнилъ его отношеніе на холодную офіціальность *).

Въ числѣ немногихъ, имѣвшихъ правильный взглядъ на Хомякова и его убѣжденія, должно назвать Дмитрія архіепископа Тульскаго, а потомъ Одесскаго, который былъ очень расположенъ къ Алексѣю Степановичу и часто и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ; также — архіепископа Антонія Смоленскаго, а послѣ Казанскаго.

Среди всеобщей вражды, Славянофиламъ приходилось крѣпко держаться вмѣстѣ. И дѣйствительно, кругъ ихъ былъ не великъ, но за то неразрывенъ. Хомяковъ, бывший его душою и средоточіемъ, особенно заботился о молодежи. Трогательны его письма въ Петербургъ къ А. В. Веневитинову и къ графинѣ А. Д. Блудовой, которыхъ онъ проситъ не оставить безъ поддержки вѣхавшихъ туда юныхъ Москвичей. Онъ вѣчно за кого нибудь хлопоталъ, послѣдовательно спаряжая въ Петербургъ А. Н. Попова, Ю. О. Самарина, К. А. Коссовича, К. Д. Кавелина. Послѣдняго, не смотря на разность ихъ мнѣній, онъ искренно любилъ.

Хомяковъ принадлежалъ къ немногимъ людямъ, сразу оцѣнившимъ Гоголя. Но и помимо отношеній къ нему, какъ къ художнику, Алексѣй

*) Мы приводимъ этотъ случай, какъ примѣръ отношеній одного изъ видныхъ Русскихъ іерарховъ къ Хомякову, не входи здѣсь въ подробности дѣла о несостоявшемся обращеніи въ Православіе Пальмера. Причины неудачи послѣдняго лежали прежде всего въ немъ самомъ, въ крайней трудности для западнаго человека отрѣшиться отъ вѣковыхъ предубѣжденій и односторонности въ основныхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ Запада. Эта сторона дѣла ясно выступаетъ въ перепискѣ Пальмера съ Хомяковымъ. См. „Русскій Архивъ“ 1894 г., кн. III, вып. XI, стр. 433.

Степановичъ полюбилъ его какъ человѣка и остался ему вѣрнымъ другомъ до конца. Гоголь былъ крестнымъ отцомъ младшаго его сына Николая.

Одаренный рѣдкою способностью понимать смыслъ текущихъ событій и предугадывать грядущее направленіе общественной жизни, Хомяковъ всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ необходимость дружной и систематической работы. Въ 1846 году онъ писалъ Самарину: «Надобно и непременно надобно вырабатывать всѣ мысли, всѣ стороны жизни, всю науку. Надобно передѣлать все наше просвѣщеніе, и только общій, постоянный и горячій трудъ могутъ это сдѣлать». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вполне сознавалъ, что цѣль его — не виѣшняя. «Глупо съ нашей стороны давать себѣ видъ политическихъ дѣйствователей», писалъ онъ А. Н. Попову: «по сущности мысли своей мы не только выше политики, но даже выше социализма». «Практическое предложеніе начать нами защищаемыхъ покуда еще невозможно», говоритъ онъ въ другомъ письмѣ къ тому же Попову: «оно производитъ только минутную тревогу, не принося цѣло. Воспитаніе общества только что начинается, а покуда оно не подвинулось сколько нибудь, никакого пути быть не можетъ. Изъ нашихъ многіе начинаютъ сомнѣваться въ успѣхѣхъ самаго этого воспитанія: они говорятъ, и повидимому справедливо, что число Западниковъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, а наши пріобрѣтенія ничтожны. Это видимая правда и дѣйствительная ложь. Вотъ мое объясненіе. Мысль распространяется, какъ мода. Начинается съ десяти герцогинь, идетъ къ тысячѣ дамъ салонныхъ и падаетъ въ удѣлъ сотнѣ тысячъ горничныхъ и гризетокъ: числительное пріобрѣтеніе и дѣйствительный упадокъ. Тоже и съ мыслию: она переходитъ отъ десятка душъ герцогинь къ сотнѣ горничныхъ душъ. Безъ слѣпоты нельзя не признать, что старая западная мысль сдѣлалась нарядомъ всего горничнаго міра; но безъ пристрастія нельзя отрицать и того, что мы много выиграли мѣста въ душевной аристократіи».

Но ограничивая борьбу областью духа и мысли, Хомяковъ требовалъ, чтобы и оружіе ея было чисто-духовное, и рѣзко возставалъ противъ всякаго примѣненія силы виѣшней, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась. «Нѣсть наша борьба крови и плоти», пишетъ онъ К. С. Аксакову.

Пѣвецъ-пастухъ на подвигъ ратный .
 Не бралъ ни тяжкаго меча,
 Ни шлема, ни браги булатной,
 Ни латы съ Саулова плеча;

Но, духомъ Божинъ осѣненный,
Онъ въ полѣ бралъ камень простой—
И падалъ врагъ иноплемennyй,
Сверкая и гремя броней.

И ты, когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ,
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.

Доспѣхъ Саула ей окова,
Ей царскій тягостенъ шлемъ;
Ея оружье—Божье слово,
А Божье слово—Божій громъ.

Мало того: Хомяковъ никогда не скрывалъ отъ себя, что употребленіе виѣшнихъ средствъ въ духовной борьбѣ часто бываетъ гибельно для проповѣдуемой идеи. Въ одномъ мѣстѣ своихъ «Записокъ» онъ говоритъ: «Костерь мученика—торжество вѣры, крестовый походъ—ея могила» (IV, 204.)

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постоянно предостерегалъ Русскій народъ отъ духовной гордости:

Не терпите Богъ людской гордыни.
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
„Мы соль земли, мы столпъ святыни,
„Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ!“
Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Депечетъ рабскимъ языкомъ
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душою мертвъ и спитъ уномъ.
Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Послѣдніе стихи ни къ кому не примѣнимы въ такой полнотѣ, какъ къ написавшему ихъ.} «Для Хомякова», говоритъ А. И. Кошелевъ, «вѣра Христова была не доктриною и не какимъ либо установленіемъ: для него она была жизнью, всецѣло обхватывавшею все его существо».—«Хомяковъ жилъ въ Церкви», сказалъ про него Ю. О. Самаринъ въ своемъ превосходномъ предисловіи къ богословскимъ его сочиненіямъ. Сознаніе непосредственнаго общенія молитвы со всѣми братьями по вѣрѣ никогда его не покидало. Это чувство всего сильнѣе овладѣваетъ имъ въ часы ночнаго уединенія.

Сдѣла ночь съ померкнушей вышныи,
Въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣня,
И подъ кровомъ темной тишины
Бродятъ сонмъ обманчивыхъ видѣній.

Ты вставай, во мракъ спящій братъ!
Освяти молитвой часъ полночи:
Божьи души землю сторожатъ,
Звѣзды свѣтить словно Божьи очи.

Ты вставай, во мракъ спящій братъ!
Разорви почныхъ обмановъ сѣти:
Въ городахъ къ заутренѣ звонять,
Въ Божью церковь идугъ Божьи дѣти.

Помолися о себѣ, о всѣхъ,
Для кого тѣшка земная битва,
О рабахъ безмысленныхъ утѣхъ:
Вѣрь, для всѣхъ пущая твоя молитва.

Ты вставай, во мракъ спящій братъ!
Пусть зашжется духъ твой пробужденный
Такъ, какъ звѣзды на небѣ горятъ,
Какъ горить лампада предъ иконою.

VII.

Основныя черты убѣжденій и характера Хомякова.—Смерть жены.—Сочиненія послѣднихъ лѣтъ жизни.

До сихъ поръ мы лишь отрывочно пытались обрисовать отдѣльныя черты нравственнаго облика Алексѣя Степановича. Для того чтобы воссоздать его образъ во всей его полнотѣ, необходимо помнить основную его черту. Какъ въ убѣжденіяхъ своихъ, такъ и въ жизни Хомяковъ былъ прежде всего Православнымъ христіаниномъ. Убѣжденія не отдѣлялись у него отъ жизни, какъ это бываетъ у большинства людей. Онъ жилъ, какъ вѣровалъ и думалъ. Вѣру свою запечатлѣлъ онъ всею своею жизнью, а потому и высказанныя имъ начала были во всемъ согласны между собою. Въ жизни отдѣльнаго человѣка, въ жизни общества и государства, въ исторической жизни народовъ видѣлъ онъ воплощеніе одной и той же божественной мысли и выяснять ее со всею чуткостью живой сердечной вѣры, со всею зоркостью строгаго научнаго анализа. Пламенно любя Россію и Славянство, онъ никогда не забывалъ, что ни Церковь ни Россія, ни Славянство не могутъ достигнуть полноты своего развитія. Въ отличіе отъ иныхъ, для кого Православіе было особенно дорого, какъ Русская вѣра, Хомяковъ въ самомъ Русскомъ народѣ видѣлъ прежде всего ковчегъ

Православія и неустанно призывалъ Россію на путь вѣры, смиренія и усерднаго изученія заветовъ старины. Таково его стихотвореніе «Россія»

„Гордись!, тебѣ льстецы сказали,
 „Земля съ увѣнчаннымъ челоуъ,
 „Земля несокрушимой стали,
 „Полмира взявшая мечемъ!
 „Предѣловъ вѣтъ твоимъ владѣньямъ,
 „И, прихотей твоихъ раба,
 „Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
 „Тебѣ покорная судьба.
 „Красны степей твоихъ уборы,
 „И горы въ небо уперлись,
 „И какъ моря твои озера“...
 — Не вѣрь, не слушай, не гордись!
 Пусть рѣкъ твоихъ глубокіи волны,
 Какъ волны сипія морей,
 И ядра горъ алмазовъ полны,
 И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
 Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
 Народы робко клонятъ взоръ,
 И семь морей немолчнымъ плескомъ
 Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
 Пусть далеко грозой кровавой
 Твои перуны пронеслись:—
 Всей этой силой, этой славой,
 Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!

*

Грозный тебѣ былъ Римъ великій,
 Царь семихолмнаго хребта,
 Желѣзныхъ силъ и воли дикой
 Осуществленная мечта;
 И нестерпимъ былъ огонь булата
 Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
 И вся зарылась въ груди злата
 Царица западныхъ морей...
 И что же Римъ? И гдѣ Монголы?
 И, сжавъ въ груди предсмертный стоиъ,
 Куетъ безсильныя крамолы,
 Дрожа надъ бездною Альбіонъ...

*

Безплоденъ всякій духъ гордыни,
 Невѣрно злато, сталь хрупка;
 Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
 Сильна молящихся рука.
 И вотъ ва то, что ты смиренна,
 Что въ чувствахъ дѣтской простоты,
 Въ молчаньи сердца сокровенна,
 Глаголъ Творца пріяла ты,—
 Тебѣ Онъ далъ Свое призванье,
 Тебѣ Онъ свѣтлый далъ уделъ:

Хранить для міра достоянье
 Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
 Хранить племень святое братство,
 Любви живительный сосудъ,
 И вѣры пламенной богатство,
 И правду, и безкровный судъ.
 Твое все то, чѣмъ духъ святится,
 Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
 Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится —
 Начало славы и чудесъ.

О, вспомни свой удѣлъ высокій!
 Былое въ сердцахъ воскреси
 И въ немъ сокрытаго глубоко
 Ты духа жизни допроси.
 Внимай еху, и, всѣ народы,
 Согрѣвъ любовію своею,
 Открой имъ таинство свободы,
 Сіянье вѣры имъ пролей.
 И станешь въ славѣ ты чудесной
 Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
 Какъ вѣтъ синій сводъ небесный,
 Прозрачный Вышняго покровъ!

Сознавая вполнѣ важность своего призванія, онъ былъ чуждъ и тѣни самообольщенія и, съ полнымъ убѣжденіемъ въ недостаточности силъ отдѣльнаго человѣка для осуществленія начатаго имъ великаго дѣла, говорилъ:

Какъ часто во мнѣ пробуждалась
 Душа отъ лѣниваго сна,
 Просилась людьми и братьямъ
 Сказаться словами ова!

Какъ часто, о Боже, рвалась
 Вѣщать Твою волю землѣ,
 Да свѣтъ осіаетъ разумный
 Безумцевъ, блудящихъ во мглѣ.

Какъ часто, безсильемъ томимый,
 Съ глубокой и тяжелой тоской,
 Молилъ Тебя дать имъ пророка
 Съ горячей и сильной душой;

Молилъ Тебя въ часъ полуночи
 Пророку дать силу рѣчей,
 Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
 Глаголами правды Твоей;

Молилъ Тебя съ плачемъ и стономъ,
 Во прахъ простерть предъ Тобой,
 Дать міру и уши, и сердце
 Для слушанья рѣчи святой.

Личная вѣра Хомякова была чужда всякаго ханжества. Далекій отъ того, чтобы считать себя праведникомъ, онъ въ самыхъ задушевныхъ разговорахъ съ друзьями выражалъ имъ, что мучительно чувствуетъ свое несовершенство. Строго исполняя всѣ посты и установленія церковныя, дорожа этою тѣснѣйшею связью съ народомъ, онъ избѣгалъ всего, что дѣлается на показъ. Вообще *простота* была отличительною чертою его характера. Другою чертою его была веселость—здоровая, непритворная, ясная *).

Единство мысли и дѣйствія, горячая искренность, отвращеніе ото всего предвзятаго, затверженнаго, пошлаго, полное здоровье духа и тѣла, любовь къ жизни и ея радостямъ: таковъ былъ характеръ Хомякова, простой, ясный, какъ кристаллъ и потому именно казавшійся и кажущійся мало понятнымъ для тѣхъ, кто обо всемъ судить по готовой мѣркѣ. Мы такъ привыкли видѣть и на людяхъ, и на мысляхъ извѣстный мундиръ, что безъ такого мундира и вообразить себѣ человѣка не можемъ. Общественный дѣятель, писатель, ученый, подвижникъ, или дѣятель практическій, хозяинъ, чиновникъ; наконецъ человѣкъ, живущій въ свое удовольствіе, охотникъ, игрокъ: все это мы понимаемъ. Но ученый безъ ученаго званія; писатель, котораго сочиненія рѣдко попадаютъ въ печать; общественный дѣятель безъ должности, и въ тоже время и хозяинъ, и билліардный игрокъ, и охотникъ, и просто веселый, общительный человѣкъ, въ деревнѣ помѣщикъ, въ городѣ—горожанинъ: какъ это понять, какъ совмѣстить? Не постигая такого въ высшей степени гармоничнаго соединенія душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, одни хотѣли видѣть въ Хомяковѣ ученаго, и удивлялись его страсти къ охотѣ; другіе—барина-дилеттанта, и отказывались уразумѣть всю глубину его умственной работы. А между тѣмъ онъ такъ понятенъ: стоить только уяснить себѣ полное отсутствіе въ немъ того, что называется *академизмомъ*, причисленія себя къ какому бы то ни было умственному и общественному цеху. Онъ не былъ ни присяжнымъ ученымъ, ни хозяиномъ по ремеслу, ни завязтымъ охотникомъ: онъ былъ просто Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, который и къ наукѣ, и къ хозяйству, и къ любимой имъ охотѣ прилагалъ данныя ему Богомъ силы; а мѣра достигаемаго имъ въ каждой изъ этихъ областей дѣятельности и жизни зависѣла уже отъ мѣры этихъ вложенныхъ въ него силъ. Но онъ не дробился, а былъ вездѣ одинъ, ровный и цѣльный. Отъ того такъ и понятна была его рѣчь

*) Прекрасно выражаемая французскимъ словомъ *sérenité*, какъ замѣтилъ намъ одинъ изъ нѣмѣ живущихъ его друзей.

людямъ простымъ и неученымъ; отъ того и дышетъ она теперь такой неувыдаемой свѣжестью: вѣдь форма проходить, жизнь остается.

Широтѣ его интересовъ соотвѣтствовала и широта познаній и почти невѣроятная память. Не говоря уже о наукахъ, стоявшихъ въ близкой связи съ его богословскими и историческими занятіями, онъ интересовался всѣмъ на свѣтѣ: искусство, технологія, медицина, во всѣхъ этихъ областяхъ онъ самостоятельно работалъ. То онъ находитъ средство противъ холеры и вылѣчиваетъ имъ тысячи ¹⁾; то посылаетъ въ военное министерство придуманное имъ ружье, и на Лондонскую выставку—своего же изобрѣтенія паровую машину, получившую тамъ патентъ ²⁾. Не успѣвъ развить своего личнаго дарованія въ живописи, онъ превосходно зналъ ея теорію и технику и былъ однимъ изъ основателей Московскаго Училища Живописи, Ваянія и Зодчества. Подъ его же непосредственнымъ надзоромъ были выстроены церкви въ Бюгаровѣ и Кругломъ. Словомъ, въ этомъ человѣкѣ заключалось такое разнообразіе силъ, что С. Т. Аксаковъ смѣлъ право сказать о немъ: «Изъ Хомякова можно выкроить десять человѣкъ, и каждый будетъ лучше его». Теперь говоря о немъ, трудно представить себѣ, какъ могъ онъ успѣть столько сдѣлать и притомъ еще прослыть лѣннивымъ.

О лѣни Хомякова такъ много говорили его близкіе и онъ самъ, что на этой сторонѣ его характера стѣнѣ остановиться. Необычайно разнообразная дѣятельность его и поразительная законченность всѣхъ его произведеній потому лишь и были возможны, что въ головѣ его неустанно, можно сказать днемъ и ночью, шла непрерывная умственная работа. Люди видѣли лишь результаты, такъ сказать, концы этой работы, и потому, когда Хомяковъ повидимому ничего не дѣлалъ, упрекали его въ лѣни, не давая себѣ труда сообразить, что вѣдь у обыкновеннаго человѣка (положимъ писателя) всякое произведеніе вырабатывается постепенно, а отъ Хомякова не осталось ни одной черновой рукописи: и стихи, и статьи свои онъ всегда писалъ сразу,

¹⁾ Средство это (чистый деготь пополамъ съ коноплянымъ масломъ) было много разъ испытано пишущимъ это въ холеру 1893 года. Дѣйствіе его поразительно. Въ полномъ развитіи болѣзни одинъ, много два приема тотчасъ останавливаютъ рвоту, быстро ослабляютъ и вскорѣ совсѣмъ прекращаютъ поносъ, а черезъ какіе нибудь полчаса во всемъ тѣлѣ больного проступаетъ теплый потъ. Смертность при этомъ бываетъ ничтожная. Первый приемъ—полстакана смѣси, второй—въ половину первого.

²⁾ Въ этой машинѣ Хомяковъ задумалъ мыслью дать непосредственно вращательное движеніе въ замѣнъ прямолинейнаго, на переходъ косяго во вращательное тратится непроизводительно много силы. Эта машина была имъ названа *Moskowskii Rotatory Steam-engine*.

набѣло. Значить ли это, что онъ ихъ не обдумывалъ и не подготовлялъ? Напротивъ, это значить только, что онъ этихъ подготовительныхъ работъ не записывалъ. Сказанное есть не болѣе какъ догадка; но догадка, кажется, довольно правдоподобная.

До самыхъ послѣднихъ лѣтъ жизни Алексѣй Степановичъ, кромѣ нѣкоторой слабости желудка, пользовался хорошимъ здоровьемъ и если хворалъ, то не по долгу. Только въ 1849 году у него болѣли глаза, а въ 1855 онъ чуть не умеръ отъ тифа. Жилъ онъ по городски, то есть ложился и вставалъ очень поздно; но по праздникамъ всегда ходилъ къ обѣднѣ и часто даже къ заутрени. Привычкою къ ночному бодрствованію объясняется частое повтореніе въ его стихахъ, такъ сказать, ночныхъ мотивовъ. Его послѣднее, предсмертное сочиненіе (второе письмо о философiи къ Самарину) начинается съ описанія ночи: «Тому дня четыре, позднимъ вечеромъ, то есть, какъ вы знаете, за полночь, подошелъ я къ окошку. Ночь была необыкновенно ясна; далекая и глубокая даль отрѣзывалась отчетливо противъ ночнаго неба; почти полный мѣсяцъ, ужъ на ущербѣ, плылъ тихо, не слишкомъ высоко надъ землею; недалеко отъ него алмазнымъ огнемъ горѣла планета, кажется Юпитеръ; въ сторонѣ сверкалъ и мигалъ красноватый Сиріусъ, и безчисленное множество звѣздъ покрывало все небо серебряною насыпью. Полюбоваться бы, да и заснуть. Нѣтъ! Тутъ мнѣ пришла мысль, нѣсколько странная, но математически-вѣрная, о которой я и намѣренъ съ вами поговорить. Мнѣ пришла мысль, что вся эта красота, которою я люблюсь, есть уже прошедшее, а не настоящее». Отъ этой мысли Хомяковъ переходитъ къ разсужденію о пространствѣ и времени. Вѣроятно эти немногія страницы разрослись бы въ серьезный философскій трудъ, еслибы смерть не прервала мыслителя на самомъ его началѣ.

Зимою, какъ мы уже не разъ говорили, Хомяковъ всегда жилъ въ Москвѣ, которую любилъ во всѣхъ ея мелочахъ, никогда не забывая ея общаго всенароднаго значенія. Въ одной изъ своихъ рѣчей въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности онъ говоритъ: «Чѣмъ внимательнѣе всмотримся мы въ умственное движеніе Русское и въ отношеніе къ нему Москвы, тѣмъ болѣе убѣдимся, что именно въ ней постоянно совершается серьезный размѣнъ мысли, что въ ней создаются, такъ сказать, формы общественныхъ направленій. Конечно, и великій художникъ, и великій мыслитель могутъ возникнуть и воспитаться въ какомъ угодно углу Русской земли; но составиться, созрѣть, сдѣлаться всеобщимъ достояніемъ мысль общественная можетъ только здѣсь. Русскій, чтобы сдуматься, столкнуться съ Рус-

скими, обращается къ Москвѣ. Въ ней, можно сказать, постоянно нынче вырабатывается завтрашняя мысль Русскаго общества. Въ этомъ убѣдится всякій, кто только прослѣдитъ ходъ нашего просвѣщенія. Всѣ убѣжденія, болѣе или менѣе охватывавшія жизнь нашу, или проникавшія ее, возникали въ Москвѣ. Этимъ объясняются многія явленія, которыя иначе объясниться не могутъ, напримѣръ то, что иногда человѣкъ, не оставившій послѣ себя никакого великаго труда, никакого памятника своей дѣятельности, пользовался славою по всемъ пространствамъ нашего отечества и дѣйствовалъ прямо или косвенно на строй умовъ и на убѣжденія людей, никогда съ нимъ не встрѣчавшихся въ жизни; или то, что люди, которые сами не трудились на путяхъ словесности, но по своему положенію могли здѣсь содѣйствовать или вредить ея успѣхамъ, получали всеобщую извѣстность, тогда какъ другіе, дѣйствовавшіе на томъ же поприщѣ, но въ иныхъ областяхъ, оставались неизвѣстными никому, кромѣ тѣхъ, съ которыми они находились въ прямыхъ сношеніяхъ; или то, наконецъ, что иногда человѣкъ, ни по занятіямъ, ни по положенію не участвовавшій въ движеніи словесности, получалъ нѣкоторую славу въ краяхъ даже отдаленныхъ отъ Москвы только потому, что около него здѣсь собиралась живая и серьезная бесѣда. Вамъ всѣ эти примѣры извѣстны. Мысль возникаетъ или вырабатывается въ Москвѣ и переносится уже въ другія Русскія области; тамъ, если эта мысль односторонняя, она уже, такъ сказать, донашивается и изнашивается въ тряпье и лохмотья, когда она уже давно брошена и забыта у насъ.

Вспомнимъ его описаніе Кремлевской заутрени на Пасху.

Въ безмолвіи, подъ ризою nocturno
 Москва ждала, и часъ святой насталъ:
 И мощный звонъ раздался надъ землею,
 И воздухъ весь, гудя затрепеталъ.
 Пѣвучіе, серебряные громы
 Сказали вѣсть сятаго торжества,
 И, внемя гласъ, ея душѣ знакомый,
 Подвиглася великая Москва.
 Все тотъ же онъ: ни нашего коленья,
 Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
 Не знаетъ онъ и, вѣстникъ искупленья,
 Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поетъ—
 Свободы пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна.
 Мы слушаемъ... Но какъ внимаемъ мы?
 Сгибаются ль упрямые колѣна,
 Смирятся ль кичливые умы?
 Отроемъ ли радушные объятія
 Для страждущихъ, для меньшей братии всей?
 Хоть вспомнимъ ли, что это слово—братья—
 Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй.

Въ Москвѣ создалось личное счастье Хомякова; въ Москвѣ же суждено было ему и утратить его: въ Январѣ 1852 года Катерина Михайловна занемогла тифомъ, осложненнымъ беременностью, и 26 Января въ 11 ч. 30 м. вечера скончалась.

Въ нѣсколько дней, проведенныхъ у ея постели и гроба, Хомяковъ постарѣлъ и измѣнился до неузнаваемости, но мужественно переносилъ горе. Въ письмѣ къ А. Н. Попову онъ говоритъ: «Я много въ душѣ перемѣнился. Дѣтство и молодость ушли разомъ. Жизнь для меня въ трудѣ, а прочее какъ будто во снѣ».

Друзья Хомякова (А. П. Плещеевъ, Кошелевъ, Хитрово, Свербеевъ и другіе) ни на минуту его не покидали. Умирающій Жуковский дрожащею рукою написалъ Алексѣю Степановичу, что молить Бога благословить его. Скоро пріѣхалъ изъ Петербурга Ю. Ѳ. Самаринъ. Въ первую же минуту свиданія Хомяковъ сказалъ ему, что онъ принимаетъ смерть жены за наказаніе и испытаніе, ниспосланное ему свыше. Эту же мысль мы находимъ и въ его письмахъ.

Со дня кончины Катерины Михайловны до своего конца Хомяковъ постоянно о ней думалъ. Любимымъ занятіемъ его стало писать на память ея портреты, которые онъ рѣшилъ нарисовать для всѣхъ своихъ дѣтей. Боясь поддерживать въ дѣтяхъ грустное настроеніе, онъ при нихъ крѣпился; но самъ, гдѣ бы ни былъ, вспоминалъ о быломъ. Въ особенности въ деревнѣ каждый шагъ наводилъ его на эти мысли; тоже было при всякомъ писаніи, къ которому она всегда такъ его побуждала. Долго послѣ ея смерти онъ не могъ писать стиховъ и, когда приходила мысль о нихъ, онъ удалялъ ее. Разъ тоже случилось во снѣ; и вотъ явилась Катерина Михайловна и сказала ему: «Не унывай». Послѣ этого онъ могъ опять писать. Онъ самъ рассказываетъ это въ письмѣ къ любимой сестрѣ своей жены, покойной Праксовѣ Михайловнѣ Бестужевой.

Возвращеніе свое къ дѣлу онъ ознаменовалъ стихотвореніемъ «Лазарь»:

О Царь и Богъ мой! Слово силы
Во время оно Ты сказалъ,
И сокрушенъ былъ плѣнь могилы,
И Лазарь оживъ и возсталъ.

Молю, да слово силы грянетъ,
Да скажешь: встань! душъ моей,
И мертвая изъ гроба встанетъ
И выйдетъ въ свѣтъ Твоихъ лучей,

И оживетъ, и величавый
Ея хвалы раздастся гласъ—
Тебѣ, сіянью Отчей славы,
Тебѣ, умершему за насъ!

Вскорѣ по кончинѣ Катерины Михайловны Хомякову снова пришлось хоронить близкаго человѣка. Вотъ что пишетъ онъ Попову:

«Только что ударъ палъ мнѣ на голову—новый ударъ, тяжелый для всѣхъ, послѣдовалъ за нимъ. Николинъкинъ крестный отецъ, Гоголь нашъ, умеръ. Смерть моей жены и мое горе сплвно его потрясли; онъ говорилъ, что въ ней для него снова умпраютъ многіе, которыхъ онъ любилъ всей душою, особенно же Н. М. Языковъ. На панихидѣ онъ сказалъ: все для меня кончено. Съ тѣхъ поръ онъ былъ въ какомъ-то нервномъ разстройствѣ, которое приняло характеръ религіознаго помѣшательства. Онъ говѣлъ и сталъ себя морить голодомъ, попрекая себѣ въ обжорствѣ. Иноземцевъ не понялъ его болѣзни и тѣмъ довелъ его до совершеннаго изнеможенія. Въ Субботу на масляницѣ Гоголь былъ еще у меня и ласкалъ своего крестника. Въ Субботу или Воскресенье на первой недѣлѣ онъ былъ уже безъ надежды, а въ Четвергъ на нынѣшней недѣлѣ кончилъ. Ночью съ Понедѣльника на Вторникъ первой недѣли онъ смегъ въ минуту безумія все, что написалъ. Ничего не осталось, даже ни одного черноваго лоскутка. Очевидно судьба. Я бы могъ написать объ этомъ психологическую студію; да кто пойметъ, или кто захочетъ понять? А сверхъ того и печатать будетъ нельзя. Послѣ смерти его вышла распря. Друзья его хотѣли отпѣвать его въ приходѣ, въ церкви, которую онъ очень любилъ и всегда посѣщалъ, Симеона Столпника. Университетъ же спохватился, что когда-то далъ ему дипломъ почетнаго члена, и потребовалъ къ себѣ. Люди, которые во всю жизнь Гоголя знать не хотѣли, рѣшили участь его тѣла противъ воли его друзей и духовныхъ братіи, и приходъ, общее всѣхъ достояніе, долженъ былъ уступить домовою церкви, почти салону, куда не входитъ ни нищій, ни престолюдинъ. Многознаменательное дѣло. Эти сожженные произведенія, эта борьба между пустымъ обществомъ, думающимъ только объ эффектахъ, и серьезнымъ направленіемъ, которому Гоголь посвящалъ себя, борьба рѣшенная въ пользу Грановскихъ и Павловыхъ и прочихъ городскимъ начальствомъ: все это какой-то живой символъ. Мягкая душа художника не умѣла быть довольно строгою, строгость свою обратила на себя и убила тѣло. Бѣдный Гоголь! Для его направленія пужны были нервы желѣзные. Ляжетъ онъ все таки рядомъ съ Валуевымъ, Языковымъ и Катенькой и со временемъ со мною въ Даниловомъ монастырѣ, подъ Славянскою колонною Венелина. Такъ и надобно было».)

Мы сказали, что горе не обезспило Хомякова, а лишь, отнявъ у него, по его собственнымъ словамъ, всю прелесть жизни, направило всѣ силы его души на довершеніе *повви* жизни. Нѣсколько позже самъ онъ сказалъ:

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ;
Высшій подвигъ—въ терпѣннѣ,
Любви и молебѣ.
Если сердце заняло
Передъ злобой людскою,
Иль насилъе схватило
Тебя цѣпью стальной;
Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились,—
Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись.
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ,
Безъ труда, безъ усилъи,
Выше мраковъ земныхъ,
Выше крыши темницы,
Выше злобы сѣтвой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людскою.

Вдохновеніе вѣры, наука разума, опытъ жизни и огонь страданія соединились теперь вмѣстѣ и подняли духъ его на ту высоту, на которой уже ничто не заслоняло широкаго кругозора мысли и съ которой она, завершивъ свой постепенный ростъ, могла выразиться въ своей полнотѣ. Въ послѣднія восемь лѣтъ своей жизни Хомяковъ написалъ больше, чѣмъ во все предшествовавшее время. Ему уже мало приходилось заниматься своимъ систематическимъ трудомъ: чувствуя, что жить остается немного, онъ спѣшилъ высказаться по всѣмъ волновавшимъ его вопросамъ; спѣшилъ, какъ самъ гдѣ-то выразился, вырабатывать всѣ мысли, всѣ стороны жизни, всю науку, то есть выяснить весь кругъ намѣченныхъ имъ и его сотрудниками началъ въ вѣрѣ и знаніи. Все, что такъ долго создавалось въ его умѣ, теперь быстро ложилось на бумагу. Кромѣ множества разнообразныхъ статей, кромѣ чудныхъ стиховъ, которыми онъ отзывался на волненія текущей общественной жизни, онъ въ это время написалъ всѣ свои богословскія сочиненія, за исключеніемъ своего катихизиса «Церковь одна», составленнаго въ сороковыхъ годахъ. Первая богословская его статья «Нѣсколько словъ Православнаго христіанина о западныхъ исповѣданіяхъ» была написана на Французскомъ языкѣ по поводу критики Лоранси (Laurentie) на статью Ѳ. П. Тютчева «Папство и Римскій вопросъ», напечатанную въ 1850 году въ Revue des deux Mondes. Свою статью Хомяковъ издалъ за границей такъ же, какъ и двѣ послѣдующія.

Эти три статьи, вмѣстѣ съ нѣсколькими меньшими, составляютъ цѣльный полемическій трудъ—цѣлый, рѣшаемся сказать, *подвигъ исповѣ-*

данія. Въ первый еще разъ *новый* Западъ (Западъ XIX вѣка) услышалъ *такой* голосъ Русскаго православнаго богослова, прямо къ нему обращенный; голосъ, ничего не замалчивающій и не смягчающій, но спокойный, чуждый страсти и полемическаго увлеченія, проникнутый горячею, истинно-христіанскою любовью. Заканчивая третью свою статью, Хомяковъ обращается къ своимъ Западнымъ читателямъ съ такимъ признаніемъ: «Трудъ, который я предпринялъ и на который смотрю, какъ на исполненіе долга передъ Богомъ и передъ вами, читатели и братья, былъ для меня довольно тягостенъ. Смущало не употребленіе иностраннаго языка и не трудность показать превосходство началъ Церкви передъ началами раскола; я не думалъ удивлять краснорѣчіемъ и хорошо зналъ, что достаточно было простого изложенія церковной доктрины, чтобъ убѣдить добросовѣстныхъ читателей въ ея строгой послѣдовательности и величавой гармоніи. Но мнѣ была тягостна необходимость говорить о Спасителѣ и о Его неизглаголанномъ совершенствѣ, о вѣрѣ и ея тайнахъ, какъ о темахъ научнаго спора. Богъ мнѣ свидѣтель, что не такъ бы желалъ я говорить съ вами объ этихъ предметахъ; но это было неизбежно.—Богъ, во время Имъ определенное, приведетъ снова Европейскія племена въ лоно Церкви. Къ совершенію этого святаго предначертанія призваны будутъ люди лучше меня, люди болѣе исполненные любви; но, можетъ быть, и логическій трудъ, мною оконченный, окажется не совсѣмъ безполезнымъ, какъ трудъ приготовительный. Мѣстами онъ вамъ покажется сухимъ и суровымъ; не сѣтуйте за это на меня, читатели и братья. Труженику, бросающему плодоносное сѣмя, предшествуетъ желѣзное рало, раздрающее почву, подсѣкающее сорныя травы и проводящее борозду. Но, можетъ быть, и теперь найдутся души избранныя, въ которыхъ зародышъ жизни, положенный Св. Писаніемъ, чтеніемъ отцевъ и въ особенности благодатью Божіею, дремлетъ подъ слоемъ послѣдственныхъ заблужденій и, подобно зерну, которому кора безплодной земли мѣшаетъ прозябнуть, ждетъ лишь прохода плуга, чтобы произвести плоды угодные Богу. Читатели и братья! Если таковыя между вами найдутся, то я прошу ихъ, во имя той любви, которую каждый обязанъ питать къ истинѣ, къ своимъ братьямъ и къ своему Спасителю, не останавливаться на тѣхъ особенностяхъ моего труда, въ которыхъ могли отразиться мои личные недостатки, но взвѣсить сказанное мною серьезно и внимательно» *).

*) Выдержки изъ сочиненій Хомякова, написанныхъ по-французски, приводятся нами въ переводѣ, напечатанномъ въ Собраніи его сочиненій и принадлежащемъ Н. П. Гилярову-Платонову и Ю. Ф. Самарину.

Мы только что сказали, что появленіе богословскихъ сочиненій Хомякова было ближайшимъ образомъ вызвано внѣшнимъ обстоятельствомъ: прочтеніемъ статьи Лоранси. Подобнымъ же образомъ облегченіе цензурныхъ стѣсненій въ послѣдніе годы жизни Алексѣя Степановича побудило его къ написанію многихъ статей, которыя ранѣе не могли бы быть напечатаны. Но все это были *поводы*; внутренняя же *причина* видимой плодотворности послѣднихъ лѣтъ жизни Хомякова сравнительно съ прежними, какъ мы указали выше, лежала въ немъ самомъ. И вотъ онъ выходитъ изъ тѣснаго круга семьи, гдѣ уже не было его любимой собесѣдницы, и изъ нѣсколько болѣе широкаго круга друзей. Съ этого собственно времени начинается для Хомякова болѣе живой и широкій обмѣнъ мыслей. Онъ самъ сознавалъ, что смерть жены наложила на него обязанность болѣе неустанной работы, и въ письмѣ къ П. М. Бестужевой говоритъ: «Я знаю, я увѣренъ, что мнѣ смерть ея была нужна; что она, хотя и наказаніе, въ тоже время послана мнѣ для исправленія и для того, чтобы жизнь, лишаясь всего, что ее дѣлало отрадною, была употреблена только на занятія и мысли серьезныя».

Между тѣмъ во внѣшнемъ мірѣ творились знаменательныя событія и готовились еще большія. Россія переживала тяжелое время. Революціонное движеніе, охватившее въ 1848 году Западную Европу, напугало нашихъ правительственныхъ дѣятелей и вызвало рядъ мѣропріятій, стѣснившихъ до нельзя и безъ того гонимую общественную мысль и слово; а такъ какъ Славянофилы давно были въ подозрѣніи у начальства, то они первые и почувствовали тяжесть этихъ стѣсненій. Въ этомъ году, говоря въ письмѣ къ Попову о Москвѣ и ея государственномъ значеніи, Хомяковъ пишетъ: «Въ ней сосредоточивается и выражается сила историческая, сила преданія, сила устойчивости общественной; но этой силѣ нужно выраженіе, этому выраженію нужна свобода, хотя бы въ свободѣ и проглядывало какое нибудь повидимому оппозиціонное начало. Эта мнимая оппозиція есть истинное и единственное консерваторство. Пусть этому началу положить совершенную преграду, пусть отнять всякую возможность выраженія у этой силы преданія и общественной устойчивости; пусть заморять ее совершеннымъ молчаніемъ (ибо молчаніе есть смерть силы духовной), и тогда черезъ нѣсколько лѣтъ пусть поищутъ съ фонаремъ живой силы охранной—и не найдутъ». Черезъ шесть лѣтъ онъ пишетъ къ тому же Попову: «Двадцать лѣтъ душили мысль. Въ важную минуту наткнулись на безмысліе, и мнѣ чувствуется страшная безпомощность, скрываемая подъ плохою личиною спокойствія и надежды. Что-то Богъ дастъ? А время великое. Можетъ быть

Тильзитъ, но Тильзитъ предшествовалъ двѣнадцатому году. И такъ будетъ опять, ибо мы мыслию выше. А впрочемъ, можетъ быть, Богъ избавитъ отъ Тильзита. Одно страшно: пять лѣтъ, увѣ! еще не кончившагося самохваленія, противнаго Богу и чуждаго народному духу».

Время, дѣйствительно, было великое и страшное: шла осада Севастополя...

Черезъ годъ сошелъ въ могилу Государь Николай Павловичъ. Хомяковъ пишетъ къ Попову: «Смерть доказала нравственную правоту человека, который столько казался виноватымъ. Впрочемъ, я его всегда считалъ правымъ, какъ вы сами знаете, и винилъ не лицо, а систему и насъ всѣхъ». Черезъ пять лѣтъ, въ посланіи «къ Сербамъ» Хомяковъ пишетъ: «Теперь узнали мы тщету нашего самообольщенія; теперь освобождаемъ мы своихъ поработченныхъ братьевъ, стараемся ввести правду въ судъ и уменьшить развратъ въ народныхъ нравахъ. Дай Богъ, чтобы дѣло нашего покаянія и исправленія не останавливалось, чтобы доброе начало принесло добрый плодъ въ нашемъ духовномъ очищеніи и чтобы мы познали навсегда, что любовь, правда и смиреніе одни только могутъ доставить народу, такъ же какъ и человеку, милость отъ Бога и благоволеніе отъ людей». Въ одномъ изъ писемъ къ графинѣ Блудовой Хомяковъ говоритъ: «Вообще, если можно характеризовать то, что я считаю нашею общею болѣзнію, однимъ словомъ, я бы ее назвалъ усыпленіемъ совѣсти во всѣхъ. Иногда она и просыпается, но почти всегда съ просонокъ не туда пойдетъ, куда слѣдуетъ».

Слабо было въ Русскомъ обществѣ сознаніе задачъ Россіи... И вотъ въ 1854 году Хомяковъ обратился къ своей родинѣ съ такимъ словомъ вразумленія:

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.

Вставай, страна моя родная!
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Черезъ волны гнѣвнаго Дуная
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ-судитъ строго,
А на тебѣ, увѣ! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой черной
 И нгомъ рабства клеймена,
 Безбожной лести, лжи тлетворной
 И гнии мертвой и позорной
 И всякой мерзости полна.

О, недостойная избранья,
 Ты избрана! Скорѣй омой
 Себя слезою покаянья,
 Да громъ двойнаго наказанья
 Не грянетъ надъ твоей главой.

Съ душой колышопреклоненной,
 Съ главой, сокрытою въ пыли,
 Молись молитвою смиренной
 И раны совѣсти растлѣнной
 Елеемъ плача исцѣли.

И встань тогда, вѣрна призванью
 И бросься въ пылъ кровавыхъ свѣчъ!
 Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
 Держи стагъ Божій крѣпкой дланью,
 Рази мечемъ—то Божій мечъ!

Нечего и говорить, что стихотвореніе это не могло быть напечатано. Хомякова чуть не выслали за него изъ Москвы.

VIII.

Новое царствованіе.—Русская Бесѣда.—Крестьянскій вопросъ.—Дѣло Хомякова въ его собственномъ сознаніи.—Смерть друзей и матери.—Кончина Хомякова.—Отзывы о немъ.

Съ наступленіемъ новаго царствованія и Славянофилы могли, наконецъ, вздохнуть свободнѣе. Кошелевъ получилъ разрѣшеніе на изданіе журнала «Русская Бесѣда». Предисловіе къ ней было написано Хомяковымъ. Въ немъ онъ ясно и твердо высказалъ стремленія свои и своихъ сотрудниковъ и свой взглядъ на обязанности и задачи просвѣщеннаго Русскаго человѣка. «Русскій духъ создалъ самую Русскую землю въ безконечномъ ея объемѣ; ибо это дѣло не плоти, а духа Русскій духъ утвердилъ навсегда мірскую общину, лучшую форму общежительности въ тѣсныхъ предѣлахъ; Русскій духъ понялъ святость семьи и поставилъ ее, какъ чистѣйшую и незыблемую основу всего общественнаго зданія; онъ выработалъ въ народѣ всѣ его нравственныя силы, вѣру въ святую истину, терпѣніе несокрушимое и полное смиреніе. Таковы были его дѣла, плоды милости Божіей, озарившей его полнымъ свѣтомъ Православія. Теперь, когда мысль окрѣпла въ знаніи, когда самый ходъ исторіи, раскрывающій тайныя начала

общественныхъ явленій, обличилъ во многомъ ложь Западнаго міра и когда наше сознаніе оцѣнило (хотя, можетъ быть, еще не вполне) силу и красоту нашихъ исконныхъ началъ, намъ предлежитъ снова пересмотрѣть всѣ тѣ положенія, всѣ тѣ выводы, сдѣланные Западною наукою, которымъ мы вѣрили такъ безусловно; намъ предлежитъ подвергнуть все шаткое зданіе нашего просвѣщенія безстрастной критикѣ нашихъ собственныхъ духовныхъ началъ и тѣмъ самымъ дать ему несокрушимую прочность. Въ тоже время на насъ лежитъ обязанность разумно усвоивать себѣ всякой новый плодъ мысли Западной, еще столько богатой и достойной изученія, дабы не оказаться отсталыми въ то время, когда богатство нашихъ данныхъ возлагаетъ на насъ обязанность стремиться къ первому мѣсту въ рядахъ просвѣщающагося человѣчества».

До конца существованія «Русской Бесѣды», совпавшаго и съ его концомъ, Хомяковъ былъ самымъ дѣятельнымъ ея сотрудникомъ.

Наконецъ, наступило время разрѣшенія и того вопроса, который уже давно былъ задушевною его думою, вопроса крестьянскаго. Тяжелое иго крѣпостнаго права, развращавшее помѣщиковъ еще болѣе, чѣмъ крестьянъ, и необходимость выхода изъ этихъ одряхлѣвшихъ историческихъ оковъ никогда не переставали заботить Хомякова. Еще въ 1842 году, по поводу указа объ обязанныхъ крестьянахъ, онъ напечаталъ въ «Москвитинѣ» двѣ статьи «О сельскихъ условіяхъ» и затѣмъ всю жизнь стремился и успѣлъ во всѣхъ своихъ деревняхъ (кроме вовокупленной Рязанской) заключить съ крестьянами *ряды* или договоръ, основанный на совершенно-свободномъ соглашеніи. Эти ряды были любимымъ его дѣломъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не переставалъ доказывать необходимость общаго освобожденія крестьянъ съ землею по всей Россіи. Въ 1848 году, по поводу записки Самарина объ устройствѣ Лифляндскихъ крестьянъ, Хомяковъ въ письмѣ къ нему, между прочимъ, говорилъ: «Для насъ, Русскихъ, теперь одинъ вопросъ всѣхъ важнѣе, всѣхъ настоячивѣе. Вы его поняли и поняли вѣрно. Давно уже ношусь я съ нимъ и старался его истинный смыслъ выразить, елико возможно, ясно. Спасибо вамъ за то, что вы попали на ту юридическую форму, которая выражаетъ этотъ смыслъ съ наибольшою ясностью и отчетливостью, именно на существованіе у насъ двухъ правъ, одинаково-крѣпкихъ и священныхъ: права наследственнаго на собственность и такого же права наследственнаго на пользованіе. Въ болѣе абсолютномъ смыслѣ, въ частныхъ случаяхъ, право собственности истинной и безусловной не существуетъ: оно пребываетъ въ самомъ государствѣ (въ великой общинѣ), какаю бы ни была его форма. Можно доказать, что это общая мысль всѣхъ государствъ, даже Евро-

пейскихъ. Всякая частная собственность есть только болѣе или менѣе пользованіе, только въ разныхъ степеняхъ. По исторіи старой Руси можно, кажется, доказать, что таково было значеніе даже княжеской собственности; по крайней мѣрѣ, поземельная паша собственность (пользованіе въ отношеніи къ государству) есть собственность въ отношеніи къ другимъ частнымъ людямъ и слѣд. къ крестьянамъ. Ихъ право въ отношеніи къ намъ есть право пользованія наследственнаго; дѣйствительно же оно разнится отъ нашего только степенью, а не характеромъ, и подчиненностью другому началу—общинѣ. Таково отношеніе юридическое, вышедшее изъ обычая или создавшее обычай; и кто хочетъ этому отношенію нанести ударъ, тотъ хочетъ возмутить всѣ убѣжденія, всю сущность народа, а теперь только объ этомъ и хлопочутъ. Не позволительно намъ молчать и, признаюсь, я ожидаю отъ васъ изложенія этого начала».

Въ слѣдующемъ году, въ письмѣ къ Копелеву, Хомяковъ подробно разбираетъ особенности сельской общины, доказывая ея совмѣстимость съ улучшеніемъ земледѣлія въ смыслѣ хозяйственномъ, болѣе же всего, важность общиннаго устройства въ отношеніи нравственномъ и бытовомъ. «Община, говоритъ онъ, есть одно уцѣлѣвшее гражданское учрежденіе всей Русской исторіи. Отними его, не останется ничего; изъ его же развитія можетъ развиваться цѣлый гражданскій міръ». — «Мнѣ извѣстны до сихъ поръ, пишетъ онъ далѣе, въ нерусской Европѣ только двѣ формы сельскаго быта: одна Англійская, сосредоточеніе собственности въ немногихъ рукахъ, другая Французская послѣ революціи, безконечное дробленіе собственности. Всѣ прочія формы относятся къ этимъ двумъ какъ степени переходныя, еще не дошедшія до своего крайняго развитія. Первая очень выгодна для сельскаго хозяйства и усиливаетъ до невѣроятности массу богатства, напрягая умственные способности селянина посредствомъ конкуренціи въ наймѣ и бросая сильные капиталы на опытное усовершенствованіе земледѣльческой практики. Вотъ ея достоинство; но за то самая конкуренція, безземеліе большинства и антагонизмъ капитала и труда доводятъ въ ней, по необходимости, язву пролетарства до безчеловѣчной и непремѣнно разрушительной крайности. Въ ней страшныя страданія и революція впереди.—Вторая форма, Французская, дробленіе собственности, невыгодна для хозяйства, замедляетъ его развитіе и во многихъ случаяхъ (именно тамъ, гдѣ нужны значительныя силы для побѣжденія какой-нибудь преграды) дѣлаетъ его совершенно невозможнымъ; но это неудобство считаю я не слишкомъ значительнымъ въ сравненіи съ выгодами дробней собственности. Нѣтъ сомнѣнія, что введеніе этой системы во Франціи удаляетъ, а можетъ быть

даже отстраняетъ навсегда, нашествіе пролетарства; ибо оно мало извѣстно въ сельскомъ быту Франціи и является только въ видѣ исключенія въ нѣкоторыхъ слишкомъ неблагодарныхъ мѣстностяхъ. Нищета есть принадлежность городовъ Французскихъ, а не селъ. Но за то эта форма имѣетъ другой существенный недостатокъ, который въ государственномъ отношеніи не лучше пролетарства: это полная разъединенность. Таковъ результатъ во Франціи современной по свидѣтельству самихъ Французовъ; таковъ будетъ онъ непремѣнно вездѣ. Разъединенность же есть полное оскудѣніе нравственныхъ началъ; а замѣть, что оскудѣніе нравственныхъ началъ есть въ тоже время и оскудѣніе силъ умственныхъ. Отъ этого въ нищенствующихъ селахъ Англіи возстаютъ безпрестанно сильные умы, которыхъ дѣятельность отзывается на всю Англію; а въ поляхъ (селами ихъ назвать нельзя) Франціи человѣкъ такъ слабъ и глупъ, что отъ него не добьется общество ни одной мысли. Онъ просто нѣмой: отъ него ни слуха, ни послушанія, по Русской поговоркѣ. Конечно я не встаю противъ собственности, ни противъ ея эгоизма; но говорю, что если кромѣ эгоизма собственности ничто недоступно человѣку съ дѣтства, онъ будетъ окончательно не то, чтобы дурной человѣкъ, а безнравственно-тупой человѣкъ, онъ одурѣетъ. Слышать только объ дѣлѣ общемъ и потомъ въ немъ участвовать, слышать съ дѣтства судъ и расправу, видѣть, какъ эгоизмъ человѣка становится безпрестанно лицомъ къ лицу съ нравственною мыслию объ общемъ, о совѣсти, о законѣ обычномъ, вѣрѣ, и подчиняться этимъ высшимъ началамъ, это—истинно-нравственное воспитаніе, это просвѣщеніе въ широкомъ смыслѣ, это развитіе не только нравственности, но и ума. И такъ община столько же выше Англійской формы, которой бѣдствія она устраняетъ, сколько и Французской, которая, избѣгая бобыльства физическаго, вводитъ бобыльство духовное и даетъ городамъ такой огромный и гибельный перевѣсъ надъ селомъ». Наконецъ, касаясь положенія помѣщика, Хомяковъ говоритъ: «Объ насъ и объ нашемъ отношеніи къ общинѣ покуда я не говорю. Со временемъ мы сросемся съ нею. Но какъ? Этого рѣшать нельзя. Смѣшно было бы взять на себя все предвидѣть. Право прибрѣтать собственность, данное крестьянину, не нарушаетъ общины. Личная дѣятельность и предпріимчивость должны имѣть свои права и свой кругъ дѣйствія; довольно того, что онъ будетъ всегда находить точку опоры въ сельскомъ мірѣ и что въ немъ же или черезъ него они будутъ мириться съ общественностью, не выростая никогда до эгоистической разъединенности. Тоже вѣроятно будетъ и съ нами. Но это еще впереди и какъ Богъ дастъ! Допустимъ начало, а оно само себѣ создастъ просторъ».

«Первый высочайшій рескриптъ обрадовалъ Хомякова, какъ ранній благовѣсть, возвѣщающій наступленіе дня послѣ долгой, томительной ночи», говоритъ Ю. О. Самаринъ въ статьѣ «Хомяковъ и крестьянскій вопросъ». Когда начались подготовительныя работы Редакціонныхъ Коммиссій, онъ не былъ въ нихъ призванъ... Онъ написалъ подробное письмо Я. И. Ростовцеву, въ которомъ доказывалъ вредъ временно-обязанныхъ отношеній и предлагалъ цѣлый проектъ единовременнаго выкупа. На это письмо также не было обращено должнаго вниманія. Алексѣй Степановичъ высказывалъ сильное безпокойство за вполне успѣшное устроеніе крестьянскаго дѣла. Послѣдствія показали, насколько онъ былъ правъ.

Хомякову было пятьдесятъ четыре года. Онъ еще былъ полонъ силъ умственныхъ и тѣлесныхъ; но смутное предчувствіе говорило ему, что часъ его близокъ. И вотъ онъ оглядывается на то, что было сдѣлано и что предстояло еще совершить. Значеніе собственной дѣятельности и дѣятельности его сотрудниковъ всегда было ему ясно. Еще въ 1845 году онъ писалъ Самарину: «Мы должны знать, что никто изъ насъ не доживетъ до жатвы и что нашъ духовный и монашескій трудъ пашни, посѣва и полѣтья есть дѣло не только Русское, но и всемірное». Ему же писалъ онъ теперь: «Мы передовые; а вотъ правила, котораго въ исторіяхъ нѣтъ, но которое въ исторіи несомнѣнно: передовые люди не могутъ быть двигателями *своей* эпохи; они движутъ слѣдующую, потому что современные имъ люди еще не готовы. Развѣ къ старости иной счастливецъ доживетъ до начала проявленія своей собственной, долго носимой мысли».

Хомяковъ не былъ такимъ счастливцемъ; но онъ не падалъ духомъ и бодро шелъ впередъ, говоря о себѣ:

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра до истощенія силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окружень,
Боролся вѣпкой я борьбою:
Я утомленъ, я утомленъ.

Пора на отдыхъ. О дубравы,
О тишина полей и водъ
И надъ оврагами кудравый,
Вѣтвей склоняющихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной
Вдохнуть вечернюю струю.

Стереть бы потъ дневного зноя,
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!...
Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха, впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву: пашни много,
А для немногого впереди;
Вставай же, рабъ лѣвивый Бога!
Господь велить—иди, иди!

Ты купленъ дорогой цѣною:
Крестомъ и кровью купленъ ты;
Сгибайся же, пахарь, надъ браздою,
Борись, борецъ, до поздней тьмы!

Предъ словомъ грознаго призыванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ;
А Ты безумнаго роптанья
Не помани въ судъ Твоемъ!

Иду свершать въ трудъ и потъ
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотъ
И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣвивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего!

Многихъ близкихъ предстояло ему еще проводить въ могилу прежде, чѣмъ сойти въ нее самому. Въ 1856 году умеръ Н. В. Киреевскій. Хомяковъ вполне оцѣнилъ тяжесть этой утраты для Русскаго просвѣщенія. Смерть застала Киреевскаго на самомъ началѣ предпринятаго имъ обширнаго философскаго труда. «Какое-то особенно строгое испытаніе нашему направленію, пишетъ Хомяковъ Кошелеву: какъ будто опытъ нашего терпѣнія и постоянства. Рѣдѣетъ кругъ нашъ, жизнь обращается для каждаго какъ будто въ воспоминаніе. Подвигъ становится все строже и строже. Видно, такъ надобно». Потеря Киреевскаго была невознаградила. Между тѣмъ какъ остальные ближайшіе сотрудники Хомякова, К. С. Аксаковъ, Ю. О. Самаринъ и другіе, всѣ болѣе или менѣе воспитались подъ его воздѣйствіемъ, Иванъ Васильевичъ Киреевскій дошелъ до своихъ убѣжденій путемъ совершенно самостоятельнымъ. Въ особенности въ вопросахъ философскихъ онъ былъ не ученикомъ, а мастеромъ, почти равносильнымъ самому Хомякову, если вообще допустима сравнительная оцѣнка дарованій и заслугъ въ такой области. Это всегда понималъ Алексѣй Степановичъ и глубоко чувствовалъ потерю такого соратника. Отношеніе его къ трудамъ Киреевскаго ясно видно изъ двухъ посвященныхъ имъ статей.

За П. В. Киреевскимъ послѣдовалъ его неразлучный спутникъ-братъ. Вокругъ Алексѣя Степановича не оставалось почти никого изъ ближайшихъ его друзей: однихъ не стало, другіе ушли на практическое дѣло. Но общеніе съ людьми, проповѣдь, споръ были для него необходимы. Въ послѣдніе годы жизни мы видимъ его то въ состязаніяхъ съ раскольниками въ Кремлѣ, то въ частыхъ спорахъ съ университетскою молодежью, особенно съ представителями крайнихъ мнѣній среди нея, каковы были въ то время Рыбниковъ, Козловъ и нѣкоторые другіе.

Въ Іюлѣ 1857 года скончалась мать Хомякова. «Въ домѣ и жизни все какъ-то становится мертвѣе и темнѣе, пишетъ онъ графу А. П. Толстому; впрочемъ это хорошо, чтобы самому своей очереди легче было ждать».

Въ 1858 году умеръ художникъ А. А. Ивановъ, на котораго Хомяковъ всегда возлагалъ надежду и о картинѣ котораго, уже послѣ его смерти, написалъ статью. Вскорѣ послѣ Иванова умеръ молодой Н. В. Шеншинъ, близкій и дорогой Алексѣю Степановичу. Очередь была за нимъ.

Не въ Москвѣ, не въ Боучаровѣ у своего семейнаго очага, въ кругу дѣтей, суждено было ему закрыть глаза. Въ Сентябрѣ 1860 года поѣхалъ онъ со старшимъ сыномъ въ свое Рязанское имѣніе, село Ивановское, въ округѣ котораго была холера. За нѣсколько дней Дмитрій Алексѣевичъ Хомяковъ уѣхалъ оттуда, оставивъ отца совершенно здоровымъ... Продолжаемъ словами Леонида Матвѣевича Муромцева, единственнаго, кромѣ прислуги, свидѣтеля его послѣднихъ минутъ:

23-го Сентября въ 8 часовъ утра пріѣхалъ ко мнѣ посланный съ извѣстіемъ, что Алексѣй Степановичъ заболѣлъ холерой. Я наскоро захватилъ съ собою лѣкарства, которыми довольно успѣшно лѣчилъ въ околоткѣ, и съ тяжелымъ предчувствіемъ на сердцѣ поскакалъ въ Ивановское. Въ 9 час. я взшелъ въ комнату къ больному. Онъ лежалъ лицомъ къ свѣту, а потому страшные слѣды болѣзни сразу бросились мнѣ въ глаза. «Что съ вами, Алексѣй Степановичъ?» спросилъ я у него, стараясь придать моимъ словамъ и твердость, и спокойствіе.—«Да ничего особеннаго: приходится умирать. Очень плохо. Страшная вещь! Сколько я народу вылѣчилъ, а себя вылѣчить не могу». И все это было сказано слабымъ, едва внятнымъ голосомъ, свойственнымъ всѣмъ холернымъ. Но въ этомъ голосѣ не было и тѣни сожалѣнія или страха, но глубокое убѣжденіе, что нѣтъ исхода. Лишнимъ считаю пересчитывать, сколько десятковъ разъ я его умолялъ принять моего лѣкарства, послать за докторомъ и, слѣдовательно, сколько разъ онъ отвѣчалъ отрицательно и при этомъ самъ вынималъ изъ походной

гомеопатической аптеки то *veratrum*, то *mercurium*. Два дня передъ роковымъ 23-мъ числомъ Алексѣй Степановичъ уже страдалъ разстройствомъ желудка; не обращая вниманія на этотъ недугъ, онъ ѣздилъ 21-го въ Лебедянь, 22-го былъ въ полѣ, а въ ночь съ 22-го на 23-е до двухъ часовъ писалъ письма. Въ 3-мъ часу онъ легъ спать и приказалъ человѣку приготовить къ утру горчичникъ, собирався ѣхать со мною въ засѣданіе Лебедянского Общества. Въ шестомъ часу онъ разбудилъ людей: болѣзнь разразилась въ полной силѣ. Въ 9-ть часовъ, когда я пріѣхалъ въ Ивановское, главные припадки нѣсколько уменьшились, оставивши по себѣ признаки отчаяннаго положенія: изнуренное лицо, холодный потъ, сильно измѣнившійся голосъ, неимоверную слабость. Около часу пополудни, видя, что силы больного утрачиваются, я предложилъ ему собороваться. Онъ принялъ мое предложеніе съ радостной улыбкой, говоря: «Очень, очень радъ». Во все время совершенія таинства, онъ держалъ въ рукахъ свѣчу, шопотомъ повторялъ молитву и творилъ крестное знаменіе. Спустя нѣкоторое время онъ принялъ нѣсколько капель моего лѣкарства, вмѣсто цѣлой рюмки, которую я ему предлагалъ. Часа въ три, при усилии встать съ постели (хотя насъ трое его поддерживали), онъ впалъ въ сильный обморокъ. Ошибочно принявши это за агонію, я попросилъ священника читать отходную. Мнѣ, кажется, что этого онъ и не слышалъ, и не замѣтилъ; ибо, очнувшись минутъ черезъ десять, онъ меня увѣрялъ, что крепко заснулъ. «Не нужно ли вамъ мнѣ передать чего-нибудь? Богъ милостивъ, вы выздоровѣете; но выздоровленіе ваше будетъ продолжительно». — «Не могу говорить», отвѣчалъ онъ мнѣ: «очень тяжело». Разумѣется, послѣ этого отвѣта я уже не сталъ его беспокоить и тревожно ждалъ, что Богъ дастъ. Часовъ до шести не было замѣтно особенной перемѣны. Въ началѣ 7-го часа, безпрестанно прикладывая руку къ его рукѣ, къ его ногамъ, я вдругъ замѣтилъ, что онѣ сдѣлались легче и влажнѣе. Немедленно стали мы его растирать сильнѣе прежняго и обложили горчичниками. Черезъ полчаса теплый потъ пробился на бокахъ, на шеѣ и на спинѣ; ноги согрѣлись; пульсъ, совершенно исчезнувшій съ самого утра, началъ показываться, однѣ только руки оставались холодными, какъ ледъ. Все какъ будто шло къ лучшему, и я началъ надѣяться. Въ это время жена моя прислала узнать о здоровьи Алексѣя Степановича. Я хотѣлъ отойти отъ постели, но онъ меня удержалъ и спросилъ, куда я иду. «Посылаю добрую вѣсточку. Слава Богу, вамъ лучше». — «*Faites vous responsable de cette bonne nouvelle: je n'en prends pas la responsabilité*» *), сказалъ онъ

*) Отвѣчайте сами за эту добрую вѣсть: я не беру на себя отвѣта за нее.

почти шутя. «Право, хорошо; посмотрите, какъ вы согрѣлись, и глаза посвѣтлѣли». — «А завтра какъ будутъ свѣтлы!» Это были его послѣднія слова. Онъ явѣе нашего видѣлъ, что все эти признаки казавшагося выздоровленія были лишь послѣднія успія жизни. Въ 7½ часовъ дыханіе его стало тяжело. Я не спускалъ съ него глазъ. Въ 7¾ вечера его не стало, а за нѣсколько секундъ до кончины, твердо и вполне сознательно, онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ».

Немноголюдны были похороны Хомякова. На этотъ разъ общество не проявило обычнаго своего лицемѣрія: не хотѣвъ знать живаго, не стало выхвалять мертваго. Но нашлись и люди, понявшіе размѣръ понесенной утраты.

Не стало человѣка, тридцать лѣтъ будившаго Русскую народную совѣсть, человѣка, уяснившаго Россіи ея вѣру, призваніе, примирившаго ее со стариною. Не стало того, кто положилъ начало многому доброму, что съ тѣхъ поръ возникло и еще будетъ возникать въ Россіи.

Общество Любителей Россійской Словесности, котораго Хомяковъ въ послѣднее время своей жизни былъ предсѣдателемъ, посвятило его памяти засѣданіе 6-го Ноября. П. И. Бартеневъ прочелъ воспоминаніе о немъ—единственный до сихъ поръ, хотя и краткій, біографическій очеркъ. Въ повременныхъ изданіяхъ появились некрологи: въ «Русскомъ Вѣстникѣ» М. И. Лонгинова, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» Н. О. Щербины, и въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» А. О. Гильфердинга. Въ Петербургскомъ Университетѣ К. А. Коссовичъ посвятилъ памяти Хомякова цѣлую лекцію, въ которой онъ съ обстоятельностью ученаго и съ горячею любовью друга очертилъ общественное значеніе своего покойнаго наставника. Помянули Хомякова и за рубежомъ. Въ Edinburgh Review 1864 года читаемъ: «We cannot doubt that there will arise in the Church of Russia some who may still carry on the echo of those marvellous letters of the Christian Orthodox, in which the lamented Khomiakoff poured forth his aspirations after the future through a union of tenacious adherence to ancient Orthodoxy with a firm confidence in the results of biblical criticism and christian charity, such as we have never seen surpassed»¹⁾.

¹⁾ Переводъ. Мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что въ Русской Церкви возрастетъ кто-нибудь, кто еще поддержитъ оглодеокъ тѣхъ чудныхъ писемъ православнаго христіанина, въ которыхъ оплакиваемый нами Хомяковъ выразилъ свои надежды на будущее, соединивъ столько приверженности къ древнему Православію съ твердою вѣрою въ выводы библейской критики и съ христіанскимъ милосердіемъ, коихъ на нашихъ глазахъ никто не превзошелъ.

Но все же смерть Хомякова прошла почти незамѣченною. Иначе и быть не могло: брошенные имъ сѣмена еще не успѣли тогда взойти. Съ тѣхъ поръ идетъ четвертое десятилѣтіе.

[Алексѣй Степановичъ Хомяковъ лежитъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ, подъ однимъ памятникомъ со своею женою, имъ самимъ еще поставленномъ, со словами псалма: «Аще беззаконія разриши, Господи, Господи, кто востоятъ?» ¹⁾ Къ этому тексту послѣ его копчины прибавленъ другой: «Блаженни алчущіе и жаждущіе правды». На памятникахъ кругомъ имена Валуева, Языкова, Гоголя, Самарина, Кошелева, князя Черкасскаго и многихъ другихъ, памятныхъ Москвѣ и Россіи.]

Неотразимо дѣйствуетъ на душу эта нива смерти, собравшая остатки людей, которыми возродилась Русская жизнь. Невольно вспоминаются ихъ сотрудники: Аксаковы, отецъ и сынъ, тутъ же, недалеко, подъ Симоновымъ, третій, послѣдній Аксаковъ—у Троицы, и въ дальней Оптиной Пустынѣ—братья Киреевскіе...

Дружнымъ, неустаннымъ подвигомъ добра подвизались всю жизнь свою эти достопамятные люди, не теряя бодрости передъ ледянымъ равнодушіемъ общества, не чая себѣ слова благодарности отъ тѣхъ, кому несли они свѣтъ истины, зная, что не увидать имъ плодовъ тяжелаго труда своего. Костями легли они на полъ брани духовной, по слову вождя своего—

Чтобъ страданьями свободы
Покупалась благодать,
Чтобъ готовились народы
Зову истины внимать;
Чтобы гласъ ея пророка
Могъ пропикнуть въ духъ людей,
Какъ глубоко дучь съ Востока
Грѣетъ влажный тукъ полей ²⁾.

¹⁾ Выборъ текста находится въ несомнѣнной связи съ тѣмъ взглядомъ Хомякова на смерть жены, о которомъ мы говорили выше.

²⁾ Послѣдніе стихи Хомякова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СВОДЪ СОЧИНЕНІЙ ХОМЯКОВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ разсказъ о жизни Алексѣя Степановича Хомякова мы указали на вѣщныя особенности его сочиненій, обусловленные ихъ происхожденіемъ и разными случайными обстоятельствами. Характеръ отрывочности, присущій многимъ его статьямъ, значительно затрудняетъ ихъ связное чтеніе. Изложеніе Хомякова такъ увлекательно, языкъ его такъ художественно-простъ, мысли такъ ярки и новы, что, пачавъ читать, хотя бы случайно, любую страницу, всякій непредубѣжденный (а можетъ быть даже и предубѣжденный) читатель не легко остановится. Но этого мало для усвоенія мыслей такого мыслителя, какъ Хомяковъ. Читая его, естественно желать по возможности полно уразумѣть всю стройную систему, изложенную имъ ясно, но не совсѣмъ обычно. Нельзя требовать отъ всякаго читателя охоты къ легкой и довольно хлопотливой работѣ систематизаціи прочитаннаго. Далѣе, у Хомякова довольно много повтореній, ибо статьи его обнимаютъ собою болѣе двадцати лѣтъ времени. Его „Записки о всемірной исторіи“ расположены, напротивъ, по зрѣло обдуманному плану; но за то они переполнены мелкими фактическими данными по исторіи и особенно по сравнительной филологіи, мелочами, не для всякаго читателя равно занимательными. Все это вмѣстѣ заставляетъ желать нѣкоторой предварительной систематизаціи, которая бы облегчала всякаго въ первый разъ приступающаго къ чтенію сочиненій Хомякова, давая ему руководящую нить и удерживая отъ уклоновъ во второстепенныя подробности. Въ трудахъ Хомякова важны не эти подробности, часть которыхъ (поскольку онѣ касаются археологіи) даже и не сохранила своего научнаго значенія черезъ полвѣка послѣ того какъ писалъ Хомяковъ: важны тѣ общія начала, тѣ основныя мысли, которыя, думаемъ мы, никогда не утратятъ своей силы.

Вотъ тѣ соображенія, на основаніи которыхъ составлено нижеслѣдующее изложеніе сочиненій Хомякова. Исключая всѣ мелкія фактическія подробности, приводя только ничтожную часть ихъ тамъ, гдѣ онѣ совершенно необходимы для уразумѣнія основныхъ положеній, избѣравъ при повтореніяхъ наиболѣе, по нашему мнѣнію, краткое и отчетливое изложеніе автора, мы попытались дать по возможности сжатый сводъ всего высказаннаго Хомяковымъ. При этомъ мы старались почти все изложеніе составить изъ послѣдовательнаго ряда подлинныхъ выписокъ, соединяя ихъ лишь самыми краткими переходными періодами и предпочитая нѣкоторую неизбѣжную при этомъ шероховатость пересказу своими словами того, что безъ сомнѣнія выразительнѣе въ подлинникѣ. Не сочли мы нужнымъ скрадывать и разницу въ способѣ изложенія между Записками о всемірной исторіи, Катихизисомъ и отдѣльными статьями, разницу, происходящую отъ частнаго характера каждаго изъ этихъ отдѣловъ: историческаго, догматическаго и полемическаго. И по отношенію ко вѣщной своей формѣ изложеніе является то болѣе сжатымъ, то болѣе подробнымъ. Впрочемъ у Хомякова иногда нѣсколько словъ вполне исчерпываютъ мысль. Мы просимъ также читателя

помнить, что многое въ писаніяхъ Хомякова, помимо смысла общаго, относилось и къ данному времени и слѣдовательно измѣнило свой вѣщій смыслъ теперь, черезъ полвѣка. Гдѣ это наиболѣе бросается въ глаза, мы въ выпискѣ дѣлаемъ хронологическую ссылку: но и во всемъ изложеніи не мѣшаетъ имѣть это въ виду. Всѣ выписки приводятся нами дословно съ рѣдкимъ лишь исключеніемъ вводныхъ словъ и союзовъ.

Наибольшую трудность представлялъ выборъ системы изложенія. Самый поверхностный взглядъ на собраніе сочиненій Хомякова, даже просто на ихъ оглавленіе, убѣждаетъ въ полной невозможности изложенія хронологическаго по отношенію ко времени написанія отдѣльныхъ статей. Необходимо, стало быть, расположеніе ихъ по содержанію, а такое расположеніе не можетъ не быть нѣсколько произвольнымъ и даже искусственнымъ. Этотъ упрекъ мы напередъ принимаемъ; но думаемъ, что задача изложенія дѣлаетъ эту искусственность очень несущественною. Въ самомъ дѣлѣ, наша задача—дать краткій сводъ мыслей Хомякова его же словами; при этомъ врядъ ли возможно извращеніе смысла, а стало быть то или другое расположеніе матеріала является почти безразличнымъ, лишь бы оно вело къ наиболѣе уяснительному уясненію хода мыслей автора. Чтобы ходъ этотъ постоянно былъ ясенъ и не терялся въ подробностяхъ, мы во многихъ мѣстахъ ограничиваемся лишь самыми краткими выписками. Такъ напримѣръ, въ главѣ о философіи мы приводимъ лишь основную мысль автора: ибо если начать распространять ее, то придется повторить все сказанное въ трехъ статьяхъ, а ихъ каждый можетъ прочесть самъ. Тоже относится къ вопросамъ практическимъ, затронутымъ въ нѣсколькихъ статьяхъ. Цѣль настоящаго труда—не замѣнить собою чтеніе подлинника, а лишь вызвать и облегчить его; разъ эта цѣль будетъ достигнута, избранная нами система отстунитъ уже на задній планъ *). Система же эта слѣдующая.

Основаніе всехъ воззрѣній Хомякова—его убѣжденіе религіознаго. Въ нихъ объясненіе всей его жизни, въ нихъ же исходная точка всехъ его философскихъ, историческихъ и общественныхъ взглядовъ. Человѣкъ долженъ жить (и живетъ, хотя бы даже не сознавая этого) такъ, какъ вѣриги. Съ вѣры, съ исторіи религій, съ ученія о церкви и начинается наше изложеніе, переходя затѣмъ послѣдовательно, такъ сказать, concentрическими кругами, ко всемъ областямъ дѣятельности человѣка, какъ члена семьи, народа, человѣчества. Въ поступательной жизни послѣдняго, въ исторической смѣнѣ народовъ встрѣчаемся мы съ судьбами Славянства и въ частности Россіи и заканчиваемъ наше изложеніе указаніемъ на задачи Россіи и просвѣщеннаго Русскаго человѣка въ будущемъ. Хомяковъ видѣлъ въ Русскомъ народѣ задатки осуществленія идеала христіанскаго общества: съ этимъ мы возвращаемся къ исходной точкѣ принятой нами схемы—къ вѣрѣ, какъ средоточію духовнаго существа человѣка. >

*) Для того, чтобы читатель отъ всякаго мѣста нашего изложенія могъ безъ затрудненія перейти къ соответственному мѣсту подлинника, все изложеніе снабжено ссылками. Ссылки эти проставлены на поляхъ. Римская цифра означаетъ одинъ изъ четырехъ томовъ полнаго собранія сочиненій А. С. Хомякова, Арабская—страницу, съ которой выписка начинается. Цифры гзаты для первыхъ трехъ томовъ по *второму* ихъ изданію, для четвертаго—по *первому*: I томъ—1878 года, II т.—1880 г., III т.—1882 г. и IV т.—1873 г. Чтобы не повторять текста, мы не сочли нужнымъ отмѣчать особымъ шрифтомъ свои вставки, какъ по ихъ крайней краткости, такъ и по безусловному отсутствію въ нихъ какихъ бы то ни было мыслей, не принадлежащихъ Хомякову.

ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ.

I.

Значеніе вѣры въ жизни человека. — Религіи міра при началѣ исторіи. — Два основныя религіозныя начала: начало стихійное (религія естественной необходимости) и начало духовное (религія нравственной свободы). — Ихъ столкновение, возникшее воздвигненіе и слѣпіе. — Буддизмъ. — Вѣсобщее измѣлчаніе религіи. — Ресорматоры. — Религіозное прѣданіе народа Еврейскаго. — Религіи Греціи и Рима. — Система эманаций. — Философіи. — Проповѣдь Еврейства. — Конецъ древнихъ вѣрованій. — Явленіе Мессіи. — Христіанство. — Псалмъ. — Значеніе Христіанства въ послѣдующей исторіи человечества.

III, 8. Вѣра составляетъ предѣлъ внутреннему развитію человека. Изъ ея округа онъ выйти уже не можетъ, потому что вѣра есть высшая точка всѣхъ его помысловъ, тайное условіе его желаній и дѣйствій, крайняя черта его знаній. Въ ней его будущность личная и общественная, въ ней окончательный выводъ всей полноты его существованія разумнаго и всемірнаго.

Таково значеніе Вѣры во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, съ самыхъ первыхъ ступеней человечества.

Вѣра проникаетъ все существо человека и всѣ отношенія его къ ближнему; она какъ бы невидимыми нитями или корнями охватываетъ и переплетаетъ всѣ чувства, всѣ убѣжденія, всѣ стремленія его. Она есть какъ будто лучшій воздухъ, претворяющій и измѣняющій въ немъ великое земное начало или какъ бы совершеннѣйшій свѣтъ, озаряющій всѣ его нравственныя понятія и всѣ его взгляды на другихъ людей и на внутренніе законы, связующіе его съ ними. Поэтому Вѣра есть также высшее общественное начало: ибо само общество есть ничто иное, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними.

Такова Вѣра въ высшемъ своемъ проявленіи—въ ученіи Христа, въ Откровеніи Божественномъ. Но полнота богопознанія не была присуща человечеству отъ начала его существованія.

III, 155. Невозможно рѣшительно утвердить, какая форма вѣрованія прежде всѣхъ появилась на землѣ.

Величественныя проявленія силъ природы, лучезарное и могучее солнце, вѣчно перемѣняющееся звѣздное небо въ свой чередъ служили предметами поклоненія народовъ.

III, 158. Всѣ религіи древности при первомъ мерцаніи историческаго свѣта представляются раздѣленными на три всеобъемлющіе разряда. Греція, Италія, Египеть, Сирія и южная Индія преданы идолопоклонству и многобожію; сѣверная Индія признаетъ всебожіе, но съ личностью всеобщаго самосознанія (пантеизмъ текстическій); Иранъ, Пранъ Зендскій и Китай поклоняются одному началу и источнику всего сущаго. Вѣры другихъ племенъ для насъ загадка, которая объясняется только изъ свидѣтельствъ позднѣйшихъ и изъ догадокъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ.

Дуализмъ сводится или къ единобожію (какъ въ Иранѣ, гдѣ добруму началу принадлежитъ окончательная побѣда), или ко многобожію (въ Египтѣ).

III, 530. Сравненіе вѣръ и просвѣщенія (которое зависитъ единственно отъ Вѣры и въ ней заключается, какъ все прикладное заключается въ чистой наукѣ) приводитъ насъ къ двумъ кореннымъ началамъ: къ Иранскому, то есть духовному поклоненію свободно-творящему духу или къ первобытному, высокому единобожію, и къ Кушитскому—признанію вѣчной органической необходимости, производящей въ силу логическихъ неизбѣжныхъ законовъ *).

*) Названія Кушитскій и Иранскій употреблены въ этомъ смыслѣ (какъ культурно-историческіе термины) въ первый разъ самимъ Хомяковымъ. Первое слово не требуетъ объясненія: оно взято прямо изъ книги Бытія, гдѣ именемъ Кушъ обозначена Эѳіопія, которую Хомяковъ признаетъ за колыбель Кушитства или Шиваизма. Впоследствии наука усумнилась въ древности Эѳіопской цивилизаціи; но это сомнѣніе не мѣшаетъ сущности воззрѣнія Хомякова, ибо касается только одного названія. Самостоятельно ли было просвѣщеніе Эѳіопіи, или принесено изъ Египта, въ данномъ случаѣ безразлично; ибо Хомяковъ, какъ видно изъ слѣдующей ссылки, рядомъ съ Мероэ ставилъ Фивы и во всякомъ случаѣ имѣлъ въ виду не самый тотъ или другой народъ, а присущее ему религіозное начало. Относительно второго термина необходимо также сдѣлать оговорку и имѣть ее въ виду при всемъ слѣдующемъ изложеніи. Подъ *Ираномъ* въ общемъ смыслѣ Хомяковъ разумѣлъ не одну только страну, называемую нами обыкновенно Персіей, но колыбель народовъ *Арійскихъ*, и словомъ *Иранскій* обозначалъ какъ племенные особенности всего Индоевропейскаго или Арійскаго племени, такъ и, главнымъ образомъ, присущее этой колыбели народовъ преданіе духовнаго единобожія, связывающее эти народы съ народомъ Еврейскимъ. Самое слово *Иранъ* есть, какъ известно намъ теперь, искаженное слово *Ariana*, то есть *страна Аріевъ*. Такимъ образомъ вездѣ, гдѣ слова *Иранъ* и *Иранскій* имѣютъ не одно географическое, но племенное и религіозное значеніе, подъ ними слѣдуетъ разумѣть Аріевское племя и его духовныя стихіи. Это несколько не измѣняетъ сущности мысли автора, но это постоянно нужно имѣть въ виду, дабы не смѣшавъ частнаго съ общимъ.

III, 217. Свобода и необходимость составляютъ то тайное начало, около котораго, въ разныхъ образахъ, сосредоточиваются все мысли человѣка. Въ языкѣ религій, переносящей въ невидимое небо законы, которыми управляетъ видимый міръ земли и его видимый владыка-человѣкъ, свобода выражается твореніемъ, а необходимость — рожденіемъ. Едва ли можно было найти каіе-нибудь символы болѣе вѣрные для олицетворенія этихъ отвлеченныхъ идей. Рожденіе представляетъ самому грубому уму неотъемлемую присущность необходимости, неволн, точно также какъ актъ творенія представляетъ самое живое и ясное свидѣтельство духовной свободы или, лучше сказать, воли (ибо свобода понятіе отрицательное, а воля положительное).

III, 205. Начало стихійное, служеніе чисто-вещественное, пришли съ Юга съ племенами Шивантскими, которыхъ родина Эѳіопія, Шева-Мероз *). Эта религія была одноначальная, но олицетворенная въ органической полярности и не содержала въ себѣ чуждой примѣси Брахманизма или духовности, которая болѣе или менѣе привилась къ ней въ Индіи и Сиро-Финикіи. Представителями ея были Діонизосъ (Дева-паши), Шива, Озирисъ и проч., какъ мужское начало, и Бгавани, Изиды, Милигта и другія, какъ женское начало. Первобытный ея характеръ — кроткое, но безстыдное повиновеніе всеѣмъ вещественнымъ склонностямъ. Развѣтїе религій было художественное, то есть стропильное. Колыбель ея есть колыбель зодчества пещернаго, перенесеннаго изъ троглодитской Еѳіопіи въ Египетъ и Индію, не выдавшіе его младенчества.

IV, 29. Признаніе органической полярности или ея необходимыхъ проявленій за вѣчное начало вѣчносущаго міра разрѣшается для разума въ совершенное безбожіе. Но страсти не повинуются строгому анализу разсудка. Внутренняя жажда богопоклоненія и отголоски прежнихъ религіозныхъ преданій, отверженныхъ, искаженныхъ, но не вполне забытыхъ, облекаютъ съ какою-то простодушною хитростью безутѣшную аналитическую формулу безбожія въ призракъ религій, во всебожіе. Міръ, обращенный въ Бога, получаетъ новосозданную сомкнутую личность и, такъ сказать, подобіе человѣка; въ немъ проявляется двойственность мысли и формы, или разума и вещества. Въ самыхъ

*) Путь его обозначаетъ племятъ Ойва (Сива), Діосподисъ въ Египтѣ, Ойва въ Греціи, превращенъ въ Вакха Сабейскаго, безпрестаннымъ повтореніемъ слова Саба или Шева, какъ имени мѣстностей по всемъ берегамъ Аравіи и повтореніемъ того же слова въ имени Куша, сына Хамова — Сева, Сабтаха, Себтека и Шеба; названіемъ бога Сивы въ Индіи и именемъ Целебскихъ острововъ, которые самые жители зовутъ Сабу или Себу.

нѣдрахъ божественнаго міра, управляемаго стройными законами необходимости, представляется воображенію новое божество, смыслъ всего міра, связанное съ нимъ неразрывными цѣпами, стройно-разумное, воплощенный законъ, воплощенная гармонія. — Это божество, созданное воображеніемъ въ мірѣ чисто-разсудочномъ, этотъ законъ олицетворенный и принявшій положительные очерки, это полное выраженіе вселенной, носили въ себѣ характеръ, наложенный на вселенную первоначальнымъ анализомъ, характеръ внѣшней необходимости, и были совершенно чужды всякой свободы. Религія при такомъ воззрѣніи кажется невозможною. Но такъ же какъ человѣкъ, не смотря на свое заключеніе въ оковахъ, тяготящихся на всей вселенной, можетъ дѣйствовать на видимую природу, измѣнять ея видъ и ея отношенія, давать рѣкамъ новое русло и направленіе и создавать или срывать каменные твердыни, точно такъ же онъ можетъ, всцѣпленнымъ, или по крайней мѣрѣ внѣшними орудіями, подвинуть самый центръ вселенной и посредствомъ законовъ, подмѣченныхъ или угаданныхъ имъ, овладѣть божествомъ, работою-владыкою міра. Вѣра была трансцендентальною физикою. Вотъ смыслъ всѣхъ обрядовъ, заклинаній и всей религіи Кушитской и всего великолѣпія ея храмовъ.

Одновременно и рядомъ съ внѣшнимъ, чисто-вещественнымъ поклоненіемъ Кушитства мы подмѣчаемъ другое.

III, 216. Сфинксъ при храмѣ Египетскомъ и Будда, неразлучный товарищъ Шиваизма въ южномъ Индустанѣ, эти два лица, которыхъ сходство такъ разительно по чертамъ и особенно по характеру физиономій, параллельное движеніе двухъ религій, склонность Шиваизма переходить въ ученіе о таинственномъ ничтожествѣ (таковъ крайній предѣлъ Іогизма) и склонность Буддаизма переходить въ самую грубую вещественность, приводятъ къ предположенію, что Буддаизмъ былъ основаніемъ той тайной мудрости Египта и Эѳіопіи, о которой древніе такъ много говорили, между тѣмъ какъ Шиваизмъ былъ закономъ народа.

III, 213. Буддаизмъ есть плодъ Шиваизма, его познавка, покой отъ его бурной жизни, неподвижное созерцаніе его безпорядочной и бессмысленной дѣятельности.

III, 229. Такимъ образомъ стихійное служеніе развивалось въ страстномъ и вещественномъ Шиваизмѣ, въ отвлеченномъ и созерцательномъ Буддаизмѣ и переходило всю лѣстницу человѣческихъ заблужденій, отъ служенія руководланному фетишу до торжественнаго поклоненія святынѣ небытія; но вездѣ и во всѣ эпохи сохраняло оно

одну и ту же основную мысль. Жизнь есть необходимость и необходимость, такъ сказать, ви́шняя духу мыслящему. Но этотъ духъ въ ней закованъ, и ему остается или признать ее безврекословно и служить ей, или уничтожить себя, чтобы получить свободу. Въ первомъ случаѣ добра нравственнаго нѣтъ, потому что идея добра несовмѣстна съ идеею рабства, а свобода невозможна; въ другомъ нѣтъ добра нравственнаго, потому что свобода духа возможна только въ удаленіи отъ всякаго дѣйствія, ибо дѣйствіе увлекаетъ ее въ міръ необходимости, а свобода, не проявляясь, остается въ области небытія. Таковъ смыслъ Кушитскаго ученія во всемъ его развитіи.

III, 206. Начало духовное, служеніе мысли отвлеченной (не философской, но нравственной) или изъ сѣверо-восточнаго Ирана, котораго центръ Кавказско-Аракатская твердыня. Эта религія была также одноначальною и не содержала въ себѣ никакой примѣси стихійности или полярности органической. Представителями этой религіи были Эль и Вель или Вааль, Гераклъ, Хроносъ или Тифонъ и богъ добра въ Зендавестѣ. Всѣ же эти имена суть ничто иное, какъ прилагательныя, выражающія одно и тоже понятіе. Характеръ религіи духовной есть строгое и гордое отчужденіе отъ вещественности, легко переходящее въ фанатизмъ, но возвышающее и очищающее душу отъ чувственныхъ склонностей. Развитіе ея философское и поэтическое, но не художественное. Страны, гдѣ она процвѣтала, не оставили намъ ни одного древняго памятника, и зодчество процвѣтало только при встрѣчѣ стихій Иранской и Кушитской, но оно принимало характеръ новый и чуждый своему южному началу.

Таковы были двѣ основныя религіи въ своей первобытной чистотѣ. Раздѣленные огромнымъ пространствомъ земли, онѣ въ началѣ развивались самостоятельно и независимо одна отъ другой; но постепенное расселеніе народовъ неминуемо должно было повлечь за собою ихъ соприкосновеніе, а вмѣстѣ съ ними и соприкосновеніе носимыхъ ими религіозныхъ началъ.

III, 190. Двѣ религіи, основанныя на противоположныхъ началахъ, не могутъ слиться въ мирное единство безъ упорной борьбы; но во время борьбы оба враждующія начала искажаются то излишнюю напряженностью, то взаимными уступками. Понятно, что чисто духовная вѣра должна смотрѣть на вещественность, какъ на корень всякаго зла; но таково достоинство души человѣческой, что поклонникъ стихій едва ли можетъ принять бога духовнаго за представителя злаго начала. Вѣроятно, такое мнѣніе и не могло бы родиться при здоровомъ развитіи понятій; но разумъ дѣйствуетъ свободно только при удаленіи

отъ страстей, а вражда живетъ на землѣ неконн. Чистый образъ божества, который пришелъ бы созвучіе къ душѣ всѣхъ людей, внушалъ отвращеніе и страхъ, потому что онъ казался побровителемъ племени враждебнаго, и ненависть къ людямъ переходила въ ненависть къ предмету ихъ поклоненія.

III, 199. Вражда народовъ искажала первобытную природу ихъ и бросила сѣмена, принесшія слишкомъ богатые плоды по всей землѣ. Религія, совершеннѣйшее отраженіе внутренняго строя или разстройства души, должна была подвергнуться всѣмъ вліяніямъ быта политическаго и жизни нравственной. Мысль развивается мирно и кротко, переходя изъ внутренняго созерцанія во внѣшніе образы и обряды; но, при встрѣчѣ мысли чуждой, она прекращаетъ свое творческое движеніе и вступаетъ въ борьбу наступательную или оборонительную, въ которой исчезаютъ мгновенно вся красота и гармонія ея первобытной, свободной дѣятельности. Она увлекается за разумные предѣлы своего законнаго развитія и впадаетъ въ невольную, неизбежную односторонность.—Но когда чуждая мысль представлена народомъ враждебнымъ, когда кровавыя распри заклеили всю жизнь и всѣ помыслы людей печатью взаимной ненависти, тогда уже мысли обращаются въ страсти, и одностороннее развитіе души доходитъ до изступленія кроваваго фанатизма.

Но, помимо столкновенія враждебнаго и даже при такомъ столкновеніи, встрѣчавшіяся разноначальныя религіи неминуемо дѣйствовали одна на другую и взаимно измѣнялись. Такъ совершилось вторженіе Франской стихіи въ Кушитскую религію Египта; такъ произошли смѣшанныя религіи Сиріи и Финикіи; такъ оба начала, послѣ долгой борьбы, стали рядомъ въ мифологіи древней Индіи, гдѣ къ нимъ присоединилось, примиряя ихъ, поклоненіе Вишну, Богу Вышнему,—первоначальная религія антропоморфизма, рѣдившаяся на Сѣверѣ (въ Бактріи).

IV, 40. Полярность органическая облекалась въ форму человѣкообразія; но въ этой формѣ, выбранной внутреннимъ чувствомъ, а не разумомъ, прибирающимъ символъ къ мысли съ полнымъ сознаніемъ символизма, смѣшивались (такъ же какъ въ самомъ человѣкѣ) свободная воля и логическая или вещественная необходимость. Наконецъ, вслѣдствіе человѣкообразія, мало по малу весь бытъ человѣческій съ его семейнымъ развитіемъ перешелъ въ ученіе о божествѣ. Такъ родилась и составила полная система антропоморфизма, свѣтлаго и кроткаго, но без-

смысленнаго, и черезъ цѣпь поселеній Ванно-Славянскихъ *) перешла въ Европу, гдѣ, при разныхъ обстоятельствахъ и съ разными смѣшеніями, она образовала всѣ религіи Эллады, Италіи и Скандинавіи.

Сліяніе, при посредствѣ Вишнуизма, сѣвернаго и южнаго религіознаго начала въ Индіи повело къ выдѣленію новой религіи.

IV, 173. Вишнуизмъ по своему синкретическому характеру готовъ былъ принимать всякую религіозную стихію и усвоить себѣ всевозможныя мнѣя. Онъ примирился съ Шиванствомъ, онъ принялъ въ себя Буддизмъ въ видѣ аватара (Вишну-Будда). Но не въ духѣ Индіи было оставить неразвитою основу ученія Буддическаго, и не въ духѣ Буддизма было согласиться на такую унижительную сдѣлку. Въ немъ лежало глубокое логическое понятіе о законѣ необходимости въ мірѣ проявленій; въ немъ жило высокое требованіе души человѣческой на свободу внѣ-мірную и достижимую только посредствомъ самоуничтоженія. Мысль эта и чувство могли заснуть на время при размельчаніи религіозной жизни въ Индустанѣ; исчезнуть вполнѣ они не могли: почва Индустанская была слишкомъ плодотворна, слишкомъ глубоко проникнута силами философскаго стремленія. Въ концѣ втораго тысячелѣтія до Р. Х. въ самомъ центрѣ полуострова возникъ учитель сильный духомъ и внутреннимъ убѣжденіемъ; онъ воскреслъ, пополнилъ и пустилъ въ общій ходъ тайное древнее ученіе жрецовъ Кушитскихъ. Прозваніе его осталось безсмертнымъ и почти однозначащимъ съ именемъ самаго Божества; тысячи учениковъ толпились около великаго учителя; чудныя зданія, носящія на себѣ первобытный характеръ пещернаго поклоненія, засвидѣтельствовали его торжество. Индустанъ жадно принялъ вѣру исполненную духовныхъ страстей и гордаго самоотверженія; и наконецъ, когда послѣ 14-ти-вѣковой борьбы Буддизмъ былъ изгнанъ изъ странъ При-гангесскихъ, онъ завоевалъ почти треть населенія всего земнаго шара.

Между тѣмъ первоначальное ученіе Ирана все болѣе и болѣе затемнялось въ народныхъ вѣрованіяхъ.

IV, 199. Борьба, долго продолжавшаяся съ перемежающимися успѣхами, кончилась повсемѣстнымъ синкретизмомъ, многобожіемъ и тихою войною искушеній и соблазна. Ученіе Кушитское измѣнилось, отклонив-

*) Взглядъ Хомякова на разселеніе Славянъ будетъ изложенъ ниже, при разсказѣ о судьбахъ Славянскаго племени. Здѣсь достаточно сказать, что Хомяковъ признавалъ ими Ванъ равносильнымъ имени Вендъ и присвоивалъ его Славянскому племени въ древнѣйшія времена; колыбелью же Славянства считалъ Бактрію.

иней отъ своей первоначальной, строгой логической чистоты; но, созданное разумомъ, оно всегда могло возвратиться къ своему источнику простымъ путемъ отрицанія случайностей символа и мифа. Вѣрованіе Иранское также неказилось; но оно не могло уже возсоздаться, ибо возвратъ къ нему, какъ явный плодъ произвола, не могъ носить ни характера чисто-логическаго, ни истиннаго характера безсомнительной вѣры. Побѣда была на сторонѣ Кушитовъ.

III, 327—8. Но, не смотря на неизбежное торжество ученія Кушитскаго и на постепенное паденіе Иранства, чувство нравственное никогда не могло утратить свои права на человѣческую душу, и во всѣхъ народахъ возставали богоизбранные люди, повременно призывавшіе своихъ братій къ сознанію коренной свободы и протекающаго изъ нея понятія о добрѣ. Отъ ихъ появленія зависѣли эпохи реформъ религіозныхъ, которыя замѣтны въ исторіи вѣрованій, намъ извѣстныхъ, и которыя всегда были возвратомъ къ лучшему началу. Большинство съ своею грубо-инстинктивною логикою, съ своими грубо-вещными страстями постоянно стремилось къ Кушитству; лучшие умы чувствовали призваніе высшее, на время возстановляли достоинство человѣческое, постоянно забываемое народными толпами. Таковъ былъ Шахъ-Мушъ въ Индустанѣ, таковъ былъ Зердуштъ *) въ Мидо-Бактрійской области. Но усилія человѣка могутъ возстановить только логическую и мертвую формальность понятія религіознаго. Убѣжденіе человѣка пробуждаетъ въ другихъ людяхъ только мысли, безмолвно жившія въ ихъ душѣ; формальность же понятія всегда сохраняетъ характеръ ограниченности и умствованія. Убѣжденіе, основанное на сочувствіи съ чужою мыслию, носитъ болѣе или менѣе клеймо произвола и сопровождается скрытымъ, но неотвязнымъ сомнѣніемъ. Ни въ умствованіи, ни въ убѣжденіи, основанномъ на немъ, нѣтъ ни полноты, ни жизни. Вѣра и полнота жизни религіозной неразлучны съ преданіемъ, обнимающимъ въ единствѣ своемъ мысль и бытъ, чувство и умозрѣніе. Человѣкъ не можетъ создать преданіе, и реформа, даже исправляя прежнее ученіе, суживаетъ кругъ дѣятельности духовной и разрушаетъ цѣлость и единство внутренняго и наружнаго быта.

IV, 200. Въ одной области, въ одномъ народѣ, возникшемъ на исторической памяти изъ семьи, оставившей свою При-араратскую родину, сохранилось вполнѣ Иранское преданіе, великое достояніе младенчества человѣческаго. Это преданіе получило еще высшее зна-

*) Вѣрнѣе Заратуштра, по Греческому искаженію Зороастръ.

ченіе по самой борьбѣ своей съ чуждыми ученіями, съ насиліемъ и соблазномъ. Не пзмѣняясь въ своей основѣ, оно приняло характеръ вѣры, сознающей себя, чувствующей свое духовное превосходство и презирающей всѣ другія ученія, какъ произведенія уметствующаго произвола или безумныхъ страстей. Могло ли оно исчезнуть? Несказанныя бѣдствія постигли область Іудейскую, народъ ея былъ увлеченъ въ плѣнъ, столица и царство стерты съ лица земли; но мысль нашла себѣ спасителей и союзниковъ въ сильномъ и свѣжемъ племени средняго Ирана, въ племени, сохранившемъ общее преданіе въ наибольшей чистотѣ послѣ Израиля.

Таково было состояніе человѣческихъ вѣрованій въ то время, когда древнія государства Востока обветшали, и историческая жизнь сосредоточилась на берегахъ Средиземнаго моря.

IV, 252. Сліяніе сказочнаго челоѣкообразія съ вещественно-художественнымъ символизмомъ составило основу Греческой религіи. Изъ нихъ возникла безобразная смѣсь, смѣшная въ глазахъ разума, безсильная въ смыслѣ религіозномъ. Но съ другой стороны соединеніе стихій сказочной, челоѣческой и словесной съ пробужденнымъ чувствомъ художественной гармоніи составило цѣлый новый міръ, въ которомъ сказка возвысилась до поэмы и образъ челоѣческій до своего идеала. Такимъ образомъ возникла новая религія, видимое многобожіе, въ которомъ царствовало дѣйствительно одно божество: красота въ ея высшемъ проявленіи, въ красотѣ челоѣческой. Элліиъ преклонилъ колѣна передъ самимъ собою и передъ своими возможными совершенствами, какія бы они ни были, даръ ли случая, какъ случайность членовъ, сила, долговѣчность и разумъ, или пріобрѣтенія воли, какъ свобода, власть и богатство. Поставивъ себѣ религію чисто-земную и чуждую всякаго высшаго всемірнаго смысла, онъ самъ сталъ въ отношеніи къ ней, какъ лицо дѣйствующее, а не страдательное; ибо все вообще исчезло передъ личностью, и силы челоѣческія напряглись въ стремленіи къ достиженію челоѣческаго идеала. Искусство возникло въ чудной полнотѣ, въ недосыгаемомъ совершенствѣ и въ неограниченномъ объемѣ, соединяющемъ пластическое начало Кушита съ словеснымъ началомъ Ирана. Въ Элладѣ, и только въ Элладѣ, получило оно свою независимость отъ мысли и жизни образа, прилагаемаго ко всякому содержанію, слѣдовательно свободную отъ всякаго содержанія. Пріобрѣтеніе Элліива сдѣлалось достоинствомъ цѣлаго челоѣчества.

Еще менѣе опредѣленнаго религіознаго содержанія было въ Римѣ.

IV, 377. Беспорядочный и безпредѣльный синкретизмъ создалъ для него какую-то неопредѣленную систему вѣрованія, равно чуждую началу Иранскому и началу Кушитскому. Въ немъ не только, какъ въ Греческой мнѳологїи, не было никакаго общаго начала, но не было даже постояннаго человѣкообразія. За всѣмъ тѣмъ глубокая вѣра въ нравственное достоинство пекунала пороки религіознаго безмыслія и замѣняла съ избыткомъ отсутствіе идеальной красоты, которой покланялся Эллинъ. Впрочемъ смѣшеніе многихъ разныхъ мнѳологій имѣло въ Римѣ тоже самое послѣдствіе какъ и вездѣ: торжество Кушитскаго начала необходимости, возвышеніе вещественнаго обряда надъ внутреннимъ, духовнымъ богопоклоненіемъ и обращеніе молитвы въ заклинаніе.

III, 252—3. Обѣ противоположныя религіи, необходимости и свободы, сливаясь мало по малу, измѣнялись взаимными уступками и теряли свою рѣзкую физіономію. Органическая полярность казалась неудовлетворительною и недостойною разума человѣческаго. Мнѳическій ея символъ, рожденіе, годный для младенчествуящаго ума, былъ вытѣсненъ изъ вѣрованія просвѣщеннаго. Съ другой стороны, смѣлый догматъ творенія, основанный на коренной идеѣ свободы, не могъ удержаться при синкретизмѣ; свобода не имѣетъ проявленія, ибо законъ проявленнаго есть необходимость. Вѣра могла принимать свободную волю творящаго духа за основу всего; но вѣра простодушная, основанная на твердости преданія или на искренности сознанія внутренняго, исчезаетъ при нецѣломъ сбродѣ разноначальныхъ повѣрій, также какъ и въ логическомъ построеніи отвлеченностей. Всобъемлющее требованіе ея не поддается на условныя сдѣлки; творческая безусловность ея не возсозидается систематическимъ умствованіемъ. Между грубовещественнымъ началомъ Кушитскимъ и самостоятельною духовностью Иранства изобрѣтена была средняя система, система эманацийъ, что-то неопредѣленное и безхарактерное, принимающее всякій смыслъ по желанію толкователя, не имѣющее никакаго присущаго и яснаго значенія, кромѣ значенія логической послѣдовательности, то есть необходимаго и постепеннаго развитія. Эманация есть тоже рожденіе, но съ полярностью скрытою. Въ ней было торжество начала Кушитскаго, въ формѣ нѣсколько просвѣщенной. Допущеніе нравственнаго начала при эманационной системѣ было бессмыслицею; ибо зло истекало изъ общаго источника бытія, такъ же какъ и добро, слѣдовательно, одинаково съ добромъ первобытно присутствовало въ этомъ источникѣ.—До появленія въ мірѣ новаго великаго ученія, передъ которымъ исчезли или исчезаютъ всѣ древнія вѣрованія, эманации были послѣднею сте-

пенью умственного развитія. Буддизмъ, Брахманство, Шиванизмъ Египетскій, Ваализмъ Финикійскій, Зороастровъ Мнѣраппизмъ, наконецъ даже человѣкообразная религія Эллино-Римская, все сливались и исчезали въ общей системѣ истеченія. Древняя Ассирія въ своихъ Тріадахъ, изліяніяхъ первоначальнаго Вела, Гностики въ своихъ Эонахъ, Нео-Платоникъ въ своемъ философическомъ умозрѣніи о само-бытныхъ идеяхъ, принадлежали къ одной и той же всемірной школѣ.

Ослабленіе религіозной жизни не замедлило отразиться на жизни умственной.

IV, 254. Вѣра есть крайній предѣлъ человѣческаго знанія, въ какомъ бы видѣ она ни являлась: она опредѣляетъ собою всю область мысли. Страны, въ которыхъ развитіе религіозной мысли достигло высшей степени, не могли допускать полной свободы философіи, ибо философія объясняла міръ видимый и невидимый только въ тѣхъ границахъ, которыя были предписаны ей знаніемъ религіознымъ. Въ землѣ чисто-Израильскаго преданія—Иудеѣ и въ области мало искаженнаго преданія, среднемъ Израилѣ, философія должна была оставаться на самой низшей степени. Въ земляхъ коренного Кушитства философская вѣра въ необходимость и ея полярную двойственность приняла основу логическую и способную къ логическому развитію; но въ этомъ принятіи законовъ видимаго міра за всеобщій законъ проявлялся уже произволъ, положившій оковы на всю будущую умственную жизнь. Преобладаніе чисто-вещественнаго начала, сковавшаго все духовное бытіе народовъ Кушитскихъ, должно было навсегда стѣснить развитіе чистой и свободной философіи. Племена, посвятившія все свое существованіе борьбѣ съ веществомъ и поклоненію его законамъ, осудили себя на вѣчное безмолвіе. Въ позднѣйшее время, когда Эллада дала Египту свободу мысли, изъ него могли только возникнуть Гностическія секты, бесполезно трудившіяся надъ прививкою философіи къ кореннымъ основамъ южнаго вѣрованія и терявшіяся въ темной мистикѣ произвольно создаваемыхъ эманационныхъ системъ. Буддизмъ, основанный на началѣ неопредѣленномъ, на возмущеніи нравственнаго чувства свободы противъ неоспоримой необходимости, былъ также мало способенъ къ освобожденію человѣческаго разума, какъ и самый Шиванизмъ, съ которымъ онъ находится въ неразрывной связи прямаго отрицанія, принимая его же логическія оковы. Многомысленный Индуизмъ, страна величайшаго умственного напряженія, обняла почти всю область философскихъ ученій отъ высочайшей и отвлеченнѣйшей духовности до самой грубой вещественности: нѣтъ ни одной системы, высказанной Элладой или развитой Германією, которая бы не являлась почти во всей своей

полпотѣ въ твореніяхъ великаго племени При-Гангескаго. Но такъ же какъ стремленіе искони философствующаго ума не позволило художественному чувству и сказочной словесности слиться въ одинъ цѣльный и стройный міръ искусства, такъ привычки духа, жившаго нѣкогда въ свѣтлой области безусловнаго и высокаго вѣрованія, стѣснили полную свободу философін и подчинили ее несконнымъ принятымъ началамъ, отъ которыхъ она никогда не могла отрѣшиться, даже когда отрицала ихъ. Идея Брахмы жила надъ міромъ философін Индустанской, въ какой бы формѣ онъ ни являлся, свободно-творящаго духа или всебожественнаго пантеистическаго символа, даже при допущеніи міра, какъ безконечной гармоніи чисто-вещественныхъ законовъ. Китай, возвысившій государство до значенія божества и не поклонявшійся ничему, кромѣ идеала общества логически развивавшагося изъ нравственныхъ законовъ, долженъ былъ дать философін область ограниченную, но въ тоже время возвысить мыслителей до степени религіозныхъ законодателей; ибо имъ предоставлено было уяснить тотъ идеалъ, который былъ неяснымъ кумиромъ всякаго Китайца. Конгъ-фу-Тсеу выразилъ всю сокровенную мысль Китая, и его творенія, принадлежащія философін только по характеру изложенія, по содержанію принадлежатъ вполне міру религій. Эллины поставляли божествомъ человека со всею его произволомъ, со всею его случайностями. Весь міръ долженъ былъ для него представлять то самое сліяніе случайности и произвола. Такова основа чисто-Эллинскихъ системъ, которыя болѣе или менѣе представляютъ признаки атомистической вещественности. Но голосъ Востока пробуждалъ другіе лучшіе и благороднѣйшіе помыслы: онъ звалъ человека къ сознанію его высокой духовности и познанію высшаго духа, свободнаго отъ земныхъ случайностей. Эллада слушала и свѣтлѣла мыслию. Она не могла уже возвыситься до новой, чистой вѣры, но отрывалась отъ стараго вѣрованія или по крайней мѣрѣ отъ его грубыхъ образовъ. Долго боролся свѣтъ восточнаго ученія съ мракомъ Эллинской души, огрубѣвшей въ безсмысленной своей религій. Долго бродили въ нестройномъ хаосѣ пробужденныя стихій мысли, стремясь къ примиренію въ полномъ разгулѣ илчѣмъ не скованной свободы.

Исторія въ первыхъ философскихъ системахъ Греціи еще не видитъ произведенія самой Эллады, но только воспринятіе чуждыхъ стихій.

Изученіе самаго человека и его умственныхъ способностей обозначаетъ уже проявленіе чисто-Эллинской стихіи въ философін; съ нимъ вмѣстѣ проявилось сомнѣніе во всемъ, что не вполне доступно разуму человеческому, возведеніе случайности въ достоинство силы первона-

чальной (т. е. поклоненіе факту, какъ факту, безъ вѣры въ какое бы то ни было объясненіе) и, наконецъ, безбожіе полное, рѣзкое, грубое и, при всемъ томъ имѣющее законныя права не только на оправданіе, но и на сочувствіе всѣхъ мыслителей, ибо содержало отрицаніе религіи безсмысленной и пестерпимой для просвѣщеннаго ума.

Такимъ образомъ первыя чисто-Эллинскія ученія повидимому вырываются изъ области вѣрованія; но это освобожденіе мнимое, а не дѣйствительное. Философія отрицаетъ Зевса и всю Олимпійскую братію; но она отрицаетъ только признаки Эллинскаго божества и продолжаетъ поклоняться истинному божеству Эллады — человѣку; она признаетъ права случайности, потому что эти права были дѣйствительно освящены прежнею религіею; наконецъ, она возвышаетъ и напругаетъ гордость человѣка, перенося ее только изъ области физическаго превосходства въ область умственной силы. Изъ мыслительныхъ школъ выходятъ смѣлые бойцы, удалцы слова, софисты, какъ атлеты изъ школъ гимнастическихъ. Какъ атлеты, переходятъ они изъ города въ городъ, собирая дань удивленія народнаго, вѣщаясь Олимпійскими вѣнцами, щеголяя новозобрѣтеннымъ силлогизмомъ, какъ герон Пентаэла или борьбы щеголяли новою удовкою или кулачнымъ ударомъ. Стихиі мысли бродили, повинаясь уже мѣстному закону: въ немъ должны онѣ были найти свое примиреніе.

Человѣкъ былъ, какъ сказано, истиннымъ божествомъ Эллады. Но божественность его состояла въ красотѣ, которой онъ былъ высшимъ представителемъ. Въ этомъ-то Эллинскомъ законѣ, въ этомъ характерѣ религіи заключалось разрѣшеніе философской задачи. Смелою художникъ, насытившійся всѣми обаяніями искусства, въ возрастѣ мужества гражданинъ, служившій обществу на полѣ битвы подъ Эллинскимъ вдохновеніемъ свободы и славы, Сократъ подчинилъ хаосъ философій закону стройности и гармоніи. Красота явилась царицею міра духовнаго (τὸ καλόν), какъ она была божествомъ видимаго міра. Софисты исчезли. Образованная Эллада привѣтствовала мудрость, нисшедшую съ неба.

Сократъ совершалъ великій подвигъ, котораго путь былъ ему указанъ религіею; но въ тоже время онъ уничтожалъ образы этой религіи въ ихъ безсмысленной случайности. Народъ, увѣщавшій его земное поприще вѣнцемъ мученической смерти, осудилъ его, какъ безбожника, и былъ правъ въ своемъ судѣ; но правъ по своему невѣжеству, ибо самъ не зналъ, какому божеству поклонялся. Онъ былъ правъ и потому, что просвѣтлѣніе религіи, отрывая ее отъ преданія, предавало произволу мысли; и судіи, вѣжась въ тупомъ спокойствіи глупыхъ вѣровацій, предчувствовали всѣ духовныя страданія своихъ

потомковъ, которыхъ философія лишила вѣры и боговъ. Величественная трагедія совершилась. Сократъ выпилъ чашу яда и сказалъ, что выздоравливаетъ отъ жизни (Κρίταις, принеси жертву Эскулапу); но боги Олимпа исчезли навсегда, разрѣшившись въ свои отвлеченные законы.

Начатое Сократомъ продолжается его вдохновеннымъ ученикомъ. Для Платона уже не существуютъ образы, созданные младенческою фантазіею Эллады. Въ невидимомъ небѣ онъ видитъ уже полное и совершенное отраженіе чудной гармоніи, которую слышитъ въ своей душѣ, и божество открывается передъ нимъ, какъ первообразъ духовной красоты. Никогда не подымался выше полетъ ума человѣческаго; никогда не являлось такого великолѣпнаго соединенія самаго роскошнаго воображенія, всепроникающаго разума и художественнаго чувства, просвѣтленнаго нравственными стремленіями. Эллада, расцвѣтшая въ Гомерѣ, принесла свой зрѣлый плодъ въ Платонѣ.

Но Сократовъ ученикъ черпалъ свое духовное богатство не изъ однихъ наставленій учителя. Недаромъ слышалъ онъ великое имя Заратустра и имя чистаго божества, которому онъ поклонялся, не даромъ доходили до него отзвуки ученія свѣтлаго Востока. Часто, отдѣляясь отъ пути философскаго, созидаетъ онъ начала новой религіи, которой произвольныя основы скрываются подъ человѣческою истинною вдохновеннаго искусства; часто угадываетъ онъ лучшее будущее духовнаго развитія и какъ будто оглядывается на весь міръ, прося преданія и исторической опоры для своего ясновидящаго гаданія. Но міръ ему извѣстный не давалъ отвѣта. Въ этомъ слабость его философіи и невозможность вызвать Элладу къ плодотворнѣйшей жизни. Другой вѣкъ, другое просвѣщеніе болѣе сочувствовали Платону, чѣмъ страна, создавшая его гармоническую душу.

Красота и истина неразлучны. Всякій произволъ содержитъ уже въ себѣ признаки беспилія и начала безобразія. Истина должна быть необходима и представлять явное доказательство своей необходимости. Аристотель повелъ далѣе философію въ ея разумномъ или разсудочномъ развитіи, утративъ богатство свободныхъ Платоновыхъ гаданій, но не удаляясь отъ служенія красотѣ и подчиняя весь кругъ человѣческихъ наукъ ея торжественнымъ законамъ. Таковъ крайній предѣлъ Эллинской философіи. Дальнѣйшее раздѣленіе школъ, Діогенъ, ищущій человѣка, Эпикуръ, поклоняющійся высшему благу въ видѣ гармоническаго наслажденія бытіемъ, Зепонъ, возвышающій гордость человѣка до восторженнаго поклоненія своему внутреннему совершенству, и всѣ затѣйливыя подробности позднѣйшихъ ученій заключены уже въ гениальной школѣ Сократа и его первыхъ учениковъ. Духовный подвигъ Эллады былъ совершенъ.

IV, 340. Въ Элладѣ идеаль челоѳъческій, облагораживаясь мало-по-малу и въ тоже время отвлекаясь отъ всѣхъ случайностей и отыскивая себѣ разумной (т. е. разсудочно - вѣрной) опоры, дошелъ до идеала чисто-логическаго и сосредоточился въ одномъ, въ красотѣ знанія—истинѣ. Въ Римѣ идеаль сохранилъ свою отвлеченность и остался себѣ вѣрнымъ въ отвлеченной красотѣ волн—добродѣтели.

IV, 406. Римъ далъ западному міру новую религію, религію общественнаго договора, возведеннаго въ степень безусловной святости, не требующей никакого утвержденія извнѣ, религію права; и передъ этою новою святостию, лишениою всякихъ высокнхъ требованій, но обезпечивающею вещественный бытъ во всѣхъ его развигіяхъ, смирился міръ, утратившій всякую другую, благороднѣйшую или лучшую вѣру.

IV, 410. Древнее ученіе Ирана сохранялось въ одномъ Израилѣ въ формѣ твердаго преданія, не отвергающаго требованій разума, но не требующаго себѣ основаній добытыхъ логическимъ анализомъ. Побѣдная борьба противъ притязаній Эллинскихъ во время великихъ Маккавеевъ внушила Евреямъ глубокую ненависть противъ иноплеменнаго просвѣщенія и усилила въ нихъ гордость мѣстнаго и племеннаго начала, естественное послѣдствіе Моисеева закона и явнаго превосходства религіознаго передъ всѣми другими народами. Но мало-по-малу память о борьбѣ стала изглаживаться. Чувство внутренней духовной силы, обѣщанія Мессіаническія, очевидная слабость всѣхъ Эллинскихъ (грубо-синкретическихъ) вѣрованій и преданія о скоромъ приходѣ Вождя - Спасителя открыли для Евреевъ новый кругъ дѣятельности и надежды. Историческая судьба Іудеи, перевороты внутренніе и завоеванія Эллино-Римскаго міра разсѣяли потомковъ Іакова по всему земному шару. Греція и Римъ, Африка, Малая Азія, Сирія и даже страны за-Евфратскія были наполнены Іудеями, торговцами или плѣнными, получившими ослѣдность. Ихъ многочисленныя колоніи были охотно приняты и уважены въ Египтѣ; Александрія была въ продолженіе долгаго времени городомъ болѣе Іудейскимъ, чѣмъ Египетскимъ или даже Эллинскимъ. Религія Еврейская была почти вездѣ терпима; она пользовалась особеннымъ почтеніемъ на берегахъ Нила, сильнымъ покровительствомъ въ Римѣ подъ правленіемъ великаго Кесаря, вѣроятно понявшаго (также какъ и питомецъ Аристотеля) достоинство духовной вѣры, завѣщанной первобытнымъ міромъ Ирацкимъ и скрѣпленной Моисеемъ въ неизмѣнный обрядъ. Евреи познакомились съ мыслио Эллипа, съ его образованностио, съ трудами ума челоѳъческаго,

смѣло отъискивавшего истину посредствомъ собственныхъ силъ; они узнали съ уваженіемъ вѣковой подвижъ философіи, ея разнообразныя ученія и особенно высокія гаданія Платона, отзывающіяся роднымъ Востокомъ. Душа ихъ расширилась и стала доступна любви къ человечеству. Но окружающій міръ былъ духовно-слабъ, а въ себѣ чувствовали они неистощимую силу и свѣжесть вѣчно-молодого убѣжденія. Они повяли возможность мысленнаго завоеванія, темно обозначеннаго въ писаніяхъ пророковъ, и стали проповѣдывать язычникамъ. Проповѣдь была не безуспѣшна; многіе язычники, утомленные тщетнымъ исканіемъ истины, презиравшіе заклищательные обряды религій несоединенныхъ съ вѣрою, и увлеченные величіемъ духовнаго ученія, приняли законъ Моисеевъ, иные вполнѣ, какъ ученики правды, т. е. послѣдователи строгaго закона, большая же часть какъ ученики привратныя, т. е. какъ послѣдователи закона Поева или Мозанзма безъ его обрядовъ.

Но ученіе Ирана содержало въ себѣ обѣщаніе будущаго Мессіи, находило въ немъ свою главную силу и черезъ него пробуждало сочувствіе во всѣхъ народахъ, болѣе или менѣе сохранившихъ или помнящихъ это общее преданіе первобытнаго племени. Покуда обѣщаніе признавалось еще неисполненнымъ, самый кругъ ученія содержалъ въ себѣ признающую неполноту и неудовлетворительность.

Міръ не могъ покориться.

Римская держава сомкнулась въ одно цѣлое подъ правленіемъ Августа. Торжество грубо-политическаго начала обозначило окончаніе мысленнаго подвига, совершеннаго всеобъемлющимъ умомъ Иранскаго племени въ его полномъ развитіи, и эготъ подвигъ вѣчался совершеннымъ сокрушеніемъ всѣхъ древнихъ религій. Пытливость Эллинскаго знанія нанесла смертельный ударъ безусловному поклоненію внѣшней правдѣ, въ которомъ дѣйствительно состояло все вѣрованіе Рима. Анализъ требовалъ отчета отъ всякаго мнѣнія, оправданія для всякой вѣры. Идеаль добродѣтели внѣшней, воли самосоздающей себѣ законъ, исчезалъ передъ логическимъ требованіемъ. Упорный Римлянинъ потребовалъ уму оправданія отъ самой жизни, отъ своей вооруженной руки. Судьба въ холмахъ Филиппійскихъ отвѣчала также отрицательно, какъ разумъ въ философскомъ уединеніи. Гордость воли пала. Міръ Римскій сказалъ устами Бруга: «Добродѣтель, ты пустое слово». Но и пытливое знаніе уже утратило свои надежды. Эллада спросила устами Пилата: «Что такое истина?» и не стала дожидаться отвѣта, зная по опыту вѣковъ, что отвѣта нѣтъ. Горькое отчаяніе слышно въ словѣ Римлянина, утратившаго вѣру въ добродѣтель; какая-то самодовольная гордость слышна въ словѣ Эллина, пріобрѣт-

шаго разумомъ право не вѣрять знанію и добродушно презирающаго тѣхъ, которые еще могутъ вѣрить. Но оба сошлись въ одномъ выводѣ: нѣтъ ни красоты воли—добродѣтели, ни красоты знанія—истины.

Міръ остался безъ божества.

Въ это время явился въ Іудеѣ человекъ именемъ Іисусъ, говорящій про себя, что онъ обѣщанный Мессія, Сынъ Божій, возвыщающій совершеніе древняго закона, призывающій къ покаянію, къ жизни духовной чистоты, ставящій новый законъ совершенства, законъ всеобщей любви, пренебрегающій благами земными и властію землею, обѣщающій своимъ послѣдователямъ наслѣдство безконечнаго блаженства, проповѣдующій новое ученіе объ единствѣ Божества въ трехъ образахъ Отца, Сына и Духа и возможность для человека вступить въ это единство посредствомъ отверженія своей злой и случайной личности и приобрѣтенія новой, высшей личности въ Божествѣ. Первую проповѣдь обращалъ онъ къ Евреямъ, какъ къ хранителямъ истины и какъ къ единому народу, знающему Бога; но въ то же время порицалъ ихъ родовую гордость, ихъ упованіе на свое достоинство сыновъ Авраама, ихъ тѣсную и небратолюбивую народность и униженіе вѣры до бессмысленнаго обряда. Онъ грозилъ имъ отверженіемъ за упорство и перенесеніемъ благословенія на другіе народы и, говоря постоянно въ притчахъ, нерѣдко выбиралъ иноплеменниковъ, и особенно ненавидимыхъ Евреямъ Самарянъ, въ примѣръ добродѣтелей угодныхъ Богу. Многіе ему повѣрили, особенно изъ низшаго сословія. Богатые, ученые, жрецы и вожди народа, любящіе блескъ, славу и власть земную, сперва глядѣли на него съ презрѣніемъ, потомъ съ ненавистью, когда увидѣли успѣхъ его проповѣди, и наконецъ продали его позорной казни креста. Послѣ его смерти ученики его, изъ которыхъ главные были малограмотные рыбаки, продолжали распространять его ученіе сперва въ Іудеѣ и въ колоніяхъ Еврейскихъ, потомъ въ народахъ иновѣрческихъ и вездѣ, гдѣ находили охотныхъ слушателей. Много страдали они, много терпѣли презрѣнія и преслѣдованій, но не слабѣли духомъ и ревностію, проповѣдуя слово о пришедшемъ Мессіи—Спасителѣ. Новая вѣра окрѣпла, новые законы стали управлять судьбою міра, и народы, принявшіе проповѣдь Іудейскихъ рыбаковъ, сдѣлались властителями всего земнаго шара и вождями человѣчества въ путяхъ мысли и просвѣщенія.

Исторія не судитъ объ отвлеченномъ достоинствѣ ученія, но рассматриваетъ всякое ученіе въ отношеніи къ его необходимому или разумному развитію. Поэтому она должна признать въ Христіанствѣ не только торжество ученія древне-Вранскаго (основааннаго на преданіи), но еще и окончательное его развитіе. Христіанство, замыкая

собою міръ поклоненія свободно-творящему духу и Мессіаническихъ обѣщаній, разрѣшило всѣ надежды человѣчества единымъ разумнымъ разрѣшеніемъ, отвлекая ихъ отъ всего случайнаго и не-необходимаго. Таковъ смыслъ ученія и самой жизни Іисуса: они вполнѣ независимы отъ случайностей историческихъ и отъ личнаго произвола.

Завѣтъ Іудейскаго, теперь всемірнаго, Учителя немногосложенъ: онъ заключается въ нѣсколькихъ положеніяхъ, не связанныхъ ни съ какою мѣстностью, ни съ какими внѣшними условіями. Человѣкъ такъ подобенъ Богу въ смыслѣ духовномъ, что Богъ могъ быть человѣкомъ. Такимъ образомъ высшій духъ имѣетъ въ себѣ внутреннее оправданіе своего величія, и человѣкъ получаетъ внутреннюю возможность безкопечнаго совершенства. Человѣчество освобождается отъ рабства міровыхъ случайностей и отъ жизненной тяготы собственной силою олицетвореннаго совершенства человѣческаго, и человѣкъ вступаетъ въ нѣдра Божества посредствомъ добровольнаго соединенія любви съ человѣкомъ духовно-совершеннымъ, т. е. посредствомъ преданія своей частной воли въ волю человѣко-божественную. Въ этомъ все его освобожденіе, вся его высота, вся его награда.

Міръ ученія Кушитскаго остался неприкосновеннымъ, но онъ заключился въ логику философскихъ школъ. Міръ ученія Иранскаго получилъ свой вѣнецъ въ Христіанствѣ и уже внѣ его не имѣетъ никакого смысла. Онъ весь связанъ съ идеею единаго разумнаго Мессіи. Іудеи, ожидающіе другаго, полнаго блеска и силы, облеченнаго въ пышность власти, знанія, бессмертія и всей торжествующей случайности, отрицаютъ безсознательно самую идею Мессіанскаго преданія и поэтому уже не имѣютъ никакого значенія въ историческомъ мірѣ.

Другой народъ, по преданіямъ Еврейскимъ и отчасти своимъ, братъ Израиля по крови, но менѣе чистый въ смыслѣ семейномъ или въ началѣ духовномъ, Пизмаэлиты и Есавляне, народъ безспорно сохранявшій память объ общемъ ученіи и потомъ много прилившій духовныхъ началъ отъ Евреевъ, представилъ своего Мессію нѣсколько вѣковъ послѣ народа Израильскаго. Явленіе Мугаммеда есть безспорно одно изъ самыхъ важныхъ происшествій историческихъ; но воинственный проповѣдникъ Аравіи погружаетъ снова человѣчество во все безсмысліе случайности, и эта случайность безысходна, ибо она обнимаетъ всю загробную будущность.

Мугаммедъ явился выразителемъ броженія, долго подготовлявшагося въ Аравійскомъ племени, неудовлетворенномъ ни Христіанствомъ, которое дошло до него въ своемъ Несторіанскомъ искаженіи, ни потерявшимъ смыслъ послѣ пришествія Христа Еврействомъ, ни тѣмъ мѣлѣе остатками идолопоклонства, съ которыми не могло примириться

еще жившее въ этомъ племени первоначальное Иранское преданіе единобожія.

IV, 581. Дивная прелесть увлекательнаго краснорѣчія, поэтическое слово и поэтическая вѣра въ свое призваніе, смѣлость духа, не слабѣющаго въ опасностяхъ, и дальновидность въ расчетахъ доставили скоро Мугаммеду многочисленныя толпы поклонниковъ. Его ученіе было возвеличеніе жизни народной, его гордость была гордость народная, дотолѣ оскорбленная исключительными притязаніями Израйля; его торжество должно было быть торжествомъ народнымъ. Изъ всѣхъ копцевъ Аравіи толпились дружны около новаго вождя, и вождь этотъ велъ ихъ къ войнѣ и почти всегда къ побѣдѣ и отдавалъ имъ весь плодъ своихъ побѣдъ, удерживая за собою только славу святости и вдохновенія. Скоро покорилась вся Аравія, и престарѣлый учитель передъ смертію своею уже указывалъ вооруженнымъ толпамъ своихъ учениковъ на столпу Персіи и на городъ Константино, какъ на цѣль ихъ будущихъ завоеваній.

IV, 583. Исламъ явился у Измаэлитовъ съ тѣмъ же значеніемъ, какъ Христіанство у Израйля: подобно Христіанству онъ истекалъ изъ начала Иранскаго, изъ преданія о свободно-творящемъ духѣ и о Мессіи, общаго міру. Въ немъ выражались и братство двухъ колѣнъ Авраамидовъ, и ихъ древнее соперничество. Связь его съ преданіемъ казалась даже тѣснѣе, чѣмъ связь Христіанства, и по этому самому понятію, отчего Коранъ былъ принятъ безъ исключенія всѣми семьями Аравійскими, а ученіе Апостоловъ отвергнуто большинствомъ Евреевъ. Но дѣйствительно Христіанство содержало въ себѣ окончательное развитіе началъ, заключенныхъ въ преданіи, именно возвращеніе свободы духовной посредствомъ отреченія человѣка отъ своей ограниченной личности и пріобрѣтенія новой высшей личности въ совершенномъ человѣкѣ-Мессіи, между тѣмъ какъ Исламъ былъ ничто иное, какъ произвольная реформа, впесенная въ преданіе безъ всякаго развитія его началъ. Бездна, раздѣляющая человѣка и Бога (духа созданнаго и его первобыта) удерживалась навсегда; строгость законная (разумная въ Еврействѣ, какъ въ религіи ожидающей и признающей себя за несовершенную) каменѣла въ религіи, признающей себя за совершенную и не освобождающей отъ закона; самыя обѣщанія загробнаго блаженства были заклеены безконечною прихотью случайности, и духовная природа человѣка была навсегда заключена въ цѣпи нескончаемаго рабства. Такимъ образомъ возможность развитія человѣческаго, данная ученіемъ, возникшимъ въ Іудеѣ, была уничто-

жена въ Исламизмъ, и будущая побѣда Христіанства обусловливалась уже самыми первыми началами вѣрованій, назначенныхъ на вѣковую борьбу. Съ другой стороны ученіе Мугаммеда содержало въ себѣ причины временнаго, но блистательнаго торжества. Глубокое значеніе моноистическаго преданія соединялось въ немъ съ роскошью воображенія вещественной поэзіи; высокія нравственные побужденія мinglesь съ страстями человѣческими, съ любовью къ чувственному наслажденію и воинской славѣ; ученіе было просто и доступно темному невѣжеству, чѣмъ Христіанство, котораго полный смыслъ былъ ясенъ только для немногихъ мыслителей (какъ видно изъ хода и развитія ересей); все учрежденія были вполне согласны съ бытомъ и характеромъ народовъ юго-западной Азии и сѣверной Африки; наконецъ, и это всего важнѣе, въ Исламъ идея религіозная заключала въ себѣ не только освященіе стремленій завоевательныхъ, но и обязанность завоеваній, и весь народъ вѣрующій былъ обращенъ въ постоянную и восторженную дружину. Съ Мугаммедомъ началась религіозная война, одно изъ важнѣйшихъ и едва ли не самыхъ ужасныхъ явленій въ исторіи, отвратительный обманъ, прикрывающій безчеловѣчіе войны личиною высоко-человѣческаго чувства, братолюбія и любви къ божественной истинѣ, обманъ особенно увлекательный для благороднѣйшихъ душъ и между тѣмъ уничтожающій въ самомъ корнѣ сознаніе различія между нравственнымъ добромъ и зломъ. Исламъ былъ отечествомъ для Магометанъ, и это духовное отечество признавало въ себѣ все права государства и право высшее — сдѣлаться государствомъ всемірнымъ. Такое новое, такое грозное явленіе не могло не потрясти всего міра.

IV, 585. Были во многихъ странахъ раздоры и войны, причиненныя разницею вѣрованій (напр. въ Пидіи), но это еще не религіозная война въ ея полномъ значеніи. Израиль при вступленіи въ землю Ханаанскую и Иранъ при домѣ Кеанидовъ въ своихъ военныхъ подвигахъ признаютъ себя народами святыми; но Израиль ищетъ простора для поселенія, Иранъ отбивается отъ непріятеля или завоевываетъ въ качествѣ государства, а не вѣры. Это все еще не религіозныя войны. Въ одномъ Исламѣ религія проявилась, какъ отвлеченное государство, съ правомъ и потребностью всемірнаго завоеванія.

Въ нашъ вѣкъ просвѣщеніе неудержимо завосвываетъ міръ для Христіанства, и Исламъ исчезаетъ. Оружіемъ мессіи Аравійскаго былъ мечъ, оружіемъ мессіи Еврейскаго, замкнувшаго навсегда все Иранское преданіе, было и будетъ слово.

IV, 416. Съ эпохою новорожденнаго Христіанства начинается новая эпоха исторіи, ясная, всѣмъ знакомая, обработанная безконечнымъ множествомъ писателей; но она связана съ исторіею до-христіанскою связью неразрывною, ибо слѣды прошедшаго не легко изглаживаются, и жизнь прожитая долго обуславливаетъ будущую.

Явленіе Іисуса и Его законъ содержатъ въ себѣ начало всей позднѣйшей жизни міра; но это начало развилось только черезъ нѣсколько вѣковъ, такъ что первыя столѣтія принадлежатъ еще исключительно древней исторіи. Даже и тогда, когда знамя, поднятое Константиномъ, возвѣстило торжество Еврейскаго Учителя, когда новые народы, выступивъ изъ глубины сѣверныхъ пустынь, уничтожили въ своемъ дикомъ налетѣ прежнія государства Европы и, покорившись преемникамъ Апостоловъ, создали новыя державы, донынѣ правяція судьбою человѣчества,—сѣмена добра и зла, просвѣщенія и заблужденій, брошенныя прежнимъ развитіемъ человѣческой мысли, не погибли и не остались безплодными. Римъ и Эллада, воинственная дикость Германца и тѣсный бытъ Славянской семейности имѣли столько же вліянія на исторію новѣйшую, сколько и Христіанство. Поэтому мнѣніе, высказанное ревнителями закона Іисусова въ похвалу, или его врагами въ укоръ, будто бы все развитіе Европы послѣ Константина есть ничто иное какъ жизнь и развитіе Церкви, не имѣетъ никакого основанія. Какъ укоръ оно несправедливо, ибо мерзости разврата и кровопролитія, наполняющія всю лѣтопись христіанскихъ народовъ, не находятся въ логической связи съ ученіемъ, завѣщаннымъ отъ Еврейскихъ проповѣдниковъ; какъ похвала оно нецѣпо, ибо самая похвала была бы укоромъ. Основатели Церкви ужаснулись бы своего созданія, если бы на нихъ легла отвѣтственность Европейской исторіи. Одно только можетъ и должно быть сказано объ отношеніяхъ Христіанства къ народамъ, которые его неповѣдуютъ, именно то, что оно до сихъ поръ обуславливало крайніе предѣлы ихъ развитія. Таковъ смыслъ, всякой религіи: она есть граница всего духовнаго и умственнаго міра для человѣка. Народъ, выступившій изъ границъ своего вѣрованія, создаетъ себѣ вѣрованіе новое; отрицаніе же, еще не создавшее новаго положенія, находится въ прямой зависмости отъ положенія отвергаемаго. Поэтому до нашихъ временъ Христіанство (принимаемое или отрицаемое) есть законъ всего просвѣщеннаго міра; но одно только первѣжество можетъ смѣшивать Церковь, т. е. строгое и логическое развитіе начала христіанскаго, съ обществами, признающими, но не воплощающими его.

Ц Е Р К О В Ъ.

II.

Вселенскіе соборы. — Ученіе о Церкви. — Откровеніе. — Мѣра постиженій человекомъ божественной истины и выраженія ея человѣческимъ языкомъ. — Видимый образъ Церкви. — Христіанинъ какъ членъ гражданскаго общества. — Историческія судьбы Христіанства. — Церковная и государственная жизнь Византіи.

Послѣдователи Иисуса составили собою христіанскую Церковь. Ученіе Церкви, по мѣрѣ распространенія Христіанства, выражалось Вселенскими соборами.

IV, 552. Самые соборы не опредѣляли, но высказывали мысль и вѣрованія, живущія въ церковной общинѣ: они получали значеніе свое не отъ особенныхъ формъ, не отъ вещественныхъ признаковъ власти, но отъ согласія отсутствующихъ христіанъ на неповѣданіе, утвержденное ихъ представителями, епископами или духовными лицами, сидѣвшими на соборѣ. Отъ того-то ни число присутствующихъ на соборѣ епископовъ, ни власть или согласіе императоровъ, ни согласіе старшихъ епископовъ и патріарховъ, никакая, наконецъ, вѣшняя примѣта, ничто не давало собору характера вселенскаго (т. е. общецерковнаго). Такъ, напр., на соборахъ, отвергнутыхъ Церковью, часто присутствовало такое число епископовъ, какого не бывало и на соборахъ, названныхъ Вселенскими; такъ многіе изъ нихъ были утверждены царями, многіе признаны всеми патріархами, не исключая Римскаго (ибо рѣшеніе собора Миланскаго было подписано Либеріемъ, не выдержавшимъ императорскаго гоненія). Общее мнѣніе было судьей самаго собора, а соборъ только выраженіемъ духовнаго и нравственнаго единства.)

IV, 557. Соборы отстояли для человѣчества великое ученіе, котораго благотворные плоды питали его донынѣ въ продолженіе многихъ вѣковъ, облагороживая и возвышая его помыслы и направляя его къ безконечно высокой цѣли. Объявлено было внутреннее тождество духа, Бога и человѣка въ проявленіи Мессіи. Догматъ былъ утвержденъ, и Церковь могла успокоиться; но новая страшная буря должна была ее потрясти и съ нею вмѣстѣ потрясти надолго и, можетъ-быть, ослабить навсегда Византійскую имперію. Первые вѣка Церкви были скудны обрядами и почти чужды всякой вѣшней формы поклоненія. Государственное торжество Христіанства при Константинѣ дало свободу вѣшней жизни: явились обряды, свободно созданные для выраженія жизни внутренней и внутренняго единства; духъ искусства создалъ новыя

молитвенныя дѣянія, новое христіанское зодчество, новую живопись, скудную въ отношеніи къ красотѣ пластической, богатую въ смыслѣ духовнаго выраженія, и это опять было дѣломъ Византійскаго міра. Икона сдѣлалась предметомъ любви, уваженія и почтительнаго поклоненія; въ темномъ народѣ она сдѣлалась предметомъ идолопоклонства. Противъ этого уклоненія отъ Христіанства возстали мужи сильные ревностію и духомъ, императоры прославленные побѣдными подвигами противъ иноземцевъ; но вмѣсто убѣжденія и ученія они въ дѣлѣ несправленія духовнаго вооружились властію. Сопротивленіе возбудило гордость; оскорбленная гордость выразилась жестокими гоненіями. Духовенство возстало противъ незаконнаго употребленія свѣтской власти (къ которой оно часто само беззаконно прибѣгало). Оно чувствовало себя униженнымъ и угнетеннымъ и вступилось столько же за свои житейскія выгоды, какъ и за свои церковныя права. Страсти разгорѣлись; внутренній раздоръ погубилъ силы государства; истина затемнилась въ неизбѣжномъ ожесточеніи междоусобицы. Войсво, вещественныя силы и едва ли не чистота намѣреній были на сторонѣ гонителей иконоборцевъ. Но народное убѣжденіе, право и истина были на сторонѣ гонимыхъ защитниковъ иконъ.

Надъ этимъ вѣковымъ споромъ гордо смѣялась новая наука. Смыслъ его для нея такъ же теменъ, какъ и для невѣжества прежнихъ церковныхъ историковъ. И тѣмъ и другимъ не доставало безпристрастнаго просвѣщенія. Истинное значеніе иконоборческихъ споровъ весьма важно и, достойно величія человѣческой исторіи, болѣе достойно, чѣмъ мелкія войны, мелкія побѣды дикарей надъ дикарями, которыми гордятся западная Европа и ея кровавыя лѣтописи. Иконоборецъ возставалъ противъ злоупотребленія, унижающаго Христіанство до идолопоклонства; но онъ вмѣшивалъ власть и принужденіе въ дѣло высшей человѣческой свободы, но его торжество было бы приговоромъ не надъ одиными иконами, а надъ всякимъ обрядомъ. Защитники иконъ защищали въ нихъ право человѣческой свободы, а еще болѣе право каждаго человѣка и каждой общины въ ея живомъ единствѣ выражать свою мысль и свое чувство словомъ, звукомъ и образомъ. Они побѣдили, и ихъ побѣда спасла неприкосновенность Церкви и ея вѣру въ самую себя и въ живую мысль, которая должна устранить идолопоклонство безъ всякаго виѣшняго принужденія, и поэтическую свободу обряда, и будущее художество. Таково было дѣло второго собора Никейскаго, послѣдняго изъ великихъ соборовъ.

Этимъ соборомъ кончила Византія свой духовный подвигъ, утвердивъ навсегда догматъ, наукообразное выраженіе мысли, отстоявъ обрядъ, поэтическое выраженіе жизни.

Вселенскіе соборы выразили и самое ученіе о Церкви — Церковь одна.

II, 3.] Единство Церкви слѣдуетъ необходимо изъ единства Божьяго; ибо Церковь не есть множество лицъ въ ихъ личной отдѣльности, но единство Божіей благодати, живущей во множествѣ разумныхъ твореній, покоряющихся благодати. Дается же благодать и непокорнымъ и не пользующимся ею (зарывающимъ талантъ), но они не въ Церкви. Единство же Церкви не мнимое, не иносказательное, но истинное и существенное, какъ единство многочисленныхъ членовъ въ тѣлѣ живомъ.

II, 228. Дѣйствительно Церковь—не въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ вѣрующихъ, даже не въ видимомъ собраніи вѣрующихъ, но въ духовной связи ихъ объединяющей. Церковь есть откровеніе Святаго Духа, даруемое взаимной любовью Христіанъ, той любви, которая возводитъ ихъ къ Отцу чрезъ Его воплощенное Слово, Господа нашего Іисуса. Божественное назначеніе Церкви состоитъ не только въ томъ, чтобы спасать души и совершенствовать личныя бытія: оно состоитъ еще и въ томъ, чтобы блюсти истину откровенныхъ тайнъ въ чистотѣ, неприкосновенности и полнотѣ, черезъ все поколѣнія, какъ свѣтъ, какъ мѣрило, какъ судъ.

II, 3] Церковь одна, не смотря на видимое ея дѣленіе для человека, еще живущаго на землѣ. Только въ отношеніи къ человѣку можно признавать раздѣлъ Церкви на видимую и невидимую, единство же ея есть истинное и безусловное. Живущій на землѣ, совершившій земной путь, несозданный для земнаго пути (какъ ангелы), не начавшій еще земнаго пути (будущія поколѣнія), все соединены въ одной Церкви—въ одной благодати Божіей; ибо еще неявленное твореніе Божіе для Него явно, и Богъ слышитъ молитвы и знаетъ вѣру того, кто еще не вызванъ Имъ изъ небытія къ бытію. Церковь же, тѣло Христово, проявляется и исполняется во времени, не измѣняя своего существеннаго единства и своей внутренней, благодатной жизни. Поэтому, когда говорится «Церковь видимая и невидимая», то говорится только въ отношеніи къ человѣку.

Церковь видимая или земная живетъ въ совершенномъ общеніи и единствѣ со всемъ тѣломъ церковнымъ, коего глава есть Христосъ. Она имѣетъ въ себѣ пребывающаго Христа и благодать Духа Святого во всей ихъ жизненной полнотѣ, но не въ полнотѣ ихъ проявленій; ибо творить и вѣдасть не вполнѣ, а сколько Богу угодно. Такъ какъ Церковь земная и видимая не есть еще полнота и совершеніе всей Церкви, которымъ Господь назначилъ явиться при конечномъ

судъ Своего творенія: то она творитъ и вѣдаетъ только въ своихъ предѣлахъ, не судя остальному человѣчеству (по словамъ Апостола Павла къ Коринѳянамъ) и только признавая отлученными, т. е. не принадлежащими ей, тѣхъ, которые отъ нея сами отлучаются. Остальное же человѣчество, или чуждое Церкви, или связанное съ нею узами, которыя Богъ не изволилъ ей открыть, предоставляетъ она суду великаго дня. Церковь же земная судитъ только себѣ, по благодати Духа и по свободѣ, дарованной ей черезъ Христа, призывая и все остальное человѣчество къ единству и къ усминовенію Божьему во Христѣ; но надъ неслышащими ея призыва не произноситъ приговора, зная повелѣніе своего Спасителя и Главы: «не судить чужому рабу».

II, 228. Сокровенныя связи, соединяющія земную Церковь съ остальнымъ человѣчествомъ, намъ не открыты; поэтому мы не имѣемъ ни права, ни желанія предполагать строгое осужденіе всѣхъ пребывающихъ въ видимой Церкви, тѣмъ болѣе, что такое предположеніе противорѣчило бы Божественному милосердію.

II, 4. Съ сотворенія міра пребывала Церковь земная непрерывно на землѣ и пребудетъ до совершенія всѣхъ дѣлъ Божіихъ по обѣщанію, данному ей Самимъ Богомъ. Признаки же ея суть: внутренняя святость, не позволяющая никакой примѣси лжи (ибо въ ней живетъ духъ истины) и вѣшняя неизмѣнность, ибо неизмѣненъ Хранитель и Глава ея Христосъ.

Всѣ признаки Церкви, какъ внутренніе, такъ и вѣшніе, познаются только ею самою и тѣми, которыхъ благодать призываетъ быть ея членами. Для чуждыхъ же и непризванныхъ они непонятны, ибо вѣшнее измѣненіе обряда представляется непризанному измѣненіемъ самаго Духа, прославляющагося въ обрядѣ (какъ напримѣръ, при переходѣ ветхо-завѣтной Церкви въ ново-завѣтную, или при измѣненіи обрядовъ и положеній церковныхъ со временъ апостольскихъ).—Церковь и ея члены знаютъ, внутреннимъ знаніемъ вѣры, единство и неизмѣнность своего духа, который есть духъ Божій. Вѣшніе же и непризванные видятъ и знаютъ измѣненіе вѣшнаго обряда вѣшнымъ знаніемъ, не постигающимъ внутренняго, какъ и самая неизмѣнность Божія кажется имъ измѣняемою въ измѣненіяхъ Его твореній. — Поэтому, не была и не могла быть Церковь измѣнною, помраченною или отпадшею, ибо тогда она лишилась бы духа истины. Не могло быть никакого времени, въ которое она приняла бы ложь въ свои вѣдра, въ которое бы міряне, пресвитеры и епископы подчинились предписаніямъ и ученію несогласнымъ съ ученіемъ и духомъ Христо-

вымъ. Не знаетъ Церкви и чуждъ ей тотъ, кто бы сказалъ, что могло въ ней быть такое оскудѣніе духа Христова. Частное же возстаніе противъ ложнаго ученія, съ сохраненіемъ или принятіемъ другихъ ложныхъ ученій, не есть и не могло быть дѣломъ Церкви: ибо въ ней, по ея сущности, должны были всегда быть проповѣдники и учителя и мученики, исповѣдующіе не частную истину съ примѣсю лжи, но полную и безпримѣсную истину. Церковь знаетъ не отчасти истину и отчасти ложь, а полную истину и безъ примѣси лжи. — Живущій же въ Церкви не покоряется ложному ученію, не принимаетъ таинства отъ ложнаго учителя; зная его ложнымъ, не слѣдуетъ обрядамъ ложнымъ. И Церковь не ошибается сама, ибо есть истина; не хитритъ и малодушничаетъ, ибо свята. Точно также Церковь, по своей неизмѣнности, не признаетъ ложью того, что она когда-нибудь признавала за истину; и объявивъ, общимъ соборомъ и общимъ согласіемъ, возможность ошибки въ ученіи какого-нибудь частнаго лица или какого-нибудь епископа или патріарха (какъ напр., папы Оворія на Халкидонскомъ соборѣ), она не можетъ признать, что сіе частное лицо, или епископъ, или патріархъ, или его преемники, не могли власти въ ошибку по ученію, и что они охранены отъ заблужденія какою-нибудь благодатію. Чѣмъ святилась бы земля, еслибы Церковь утратила свою святость? И гдѣ бы была истина, еслибы ея пылкій приговоръ былъ противенъ вчерашнему? Въ Церкви, то-есть въ ея членахъ, зарождаются ложныя ученія; но тогда зараженные члены отпадаютъ, составляя ересь или расколъ и не оскверняя уже собою святости церковной.

Церковь называется единою, свягою, соборною (каѳолическою и вселенскою) и апостольскою; потому что она едина и свята, потому что она принадлежитъ всему міру, а не какой-нибудь мѣстности; потому что ею святится все человѣчество и вся земля, а не одинъ какой-нибудь народъ или одна страна; потому что сущность ея состоитъ въ согласіи и въ единствѣ духа и жизни всѣхъ ея членовъ, по всей землѣ, признающихъ ее; потому, наконецъ, что въ писаніи и ученіи апостольскомъ содержится вся полнота ея вѣры, ея упованій и ея любви.

Изъ сего слѣдуетъ, что когда называется какое-нибудь общество Христіанскою Церковью мѣстною, какъ-то Греческою, Россійскою или Сирійскою, такое названіе значитъ только собраніе членовъ Церкви, живущихъ въ такой-то странѣ (Греціи, Россіи, Сиріи и т. д.) и не содержитъ въ себѣ предположенія, будто бы одна община христіанъ могла выразить ученіе церковное или дать ученію церковному догматическое толкованіе безъ согласія другихъ общинъ; еще менѣе пред-

полагается, чтобы какая-нибудь община или пастырь ея могли предписывать свое толкованіе другимъ. Благодать вѣры неотдѣльна отъ святости жизни, и ни одна община, и ни одинъ пастырь не могутъ быть признанными за хранителей всей вѣры, какъ ни одинъ пастырь, ни одна община не могутъ считаться представителями всей святости церковной. Впрочемъ, всякая община христіанская, не присвоивая себѣ права догматическаго толкованія или ученія, имѣетъ вполне право измѣнять свои обряды, вводить новыя, не вводя въ соблазнъ другія общины; напротивъ, отступая отъ своего мнѣнія и покоряясь ихъ мнѣнію, дабы то, что въ одномъ кевинно и даже похвально, не показалось виновнымъ другому, и дабы братъ не ввелъ брата въ грѣхъ сомнѣнія и раздора. Единствомъ обрядовъ церковныхъ долженъ дорожить всякій христіанинъ, ибо въ немъ видимо проявляется, даже для непросвѣщеннаго, единства духа и ученія; для просвѣщеннаго же находится источникъ радости живой и христіанской. Любовь есть вѣнецъ и слава Церкви.

II, 12. Вѣ символѣ Никео - Константинопольскомъ, исповѣдавъ свою вѣру въ Трѣипостасное Божество, Церковь исповѣдуетъ свою вѣру въ самую себя, потому что она себя признаетъ орудіемъ и сосудомъ божественной благодати и дѣла свои признаетъ за дѣла Божіи, а не за дѣла лицъ, повидимому ее составляющихъ.¹ Въ семъ исповѣданіи она показываетъ, что знаніе объ ея существованіи есть также даръ благодати, даруемой свыше и доступной только вѣрѣ, а не разуму.

Ибо какая бы мнѣ была нужда сказать: вѣрую, когда бы я зналъ? Вѣра не есть ли обличеніе невидимыхъ? Церковь же видимая не есть видимое общество христіанъ, но духъ Божій и благодать таинствъ, живущихъ въ этомъ обществѣ. Посему и видимая Церковь видима только вѣрующему, ибо для невѣрующаго таинство есть только обрядъ, и Церковь только общество. Вѣрующій, хотя глазами тѣла и разума видитъ Церковь только въ ея вѣншихъ проявленіяхъ, но сознаетъ ее духомъ въ таинствахъ и въ молитвѣ и въ богоугодныхъ дѣлахъ. Посему онъ не смѣшиваетъ ея съ обществомъ, носящимъ имя христіанъ, ибо не всякій, говорящій «Господи, Господи», дѣйствительно принадлежитъ роду избранному и сѣмени Авраамову. Вѣрою же знаетъ истинный христіанинъ, что Единая Святая Соборная, Апостольская Церковь никогда не исчезнетъ съ лица земли до послѣдняго суда всей твари, что она пребываетъ на землѣ видимо для глазъ плотскихъ и плотики мудрствующаго ума въ видимомъ обществѣ христіанъ; точно также какъ она пребываетъ видимою для глазъ вѣры въ Церкви за-

гробной, невидимой для глазъ телѣсныхъ. Вѣрою же знаетъ христіанинъ и то, что Церковь земная, хотя и невидима, всегда облечена въ видимый образъ; что не было, не могло быть и не будетъ того времени, въ которое неказались бы таинства, изсякла святость, испортилось ученіе; и что тотъ не христіанинъ, кто не можетъ сказать: гдѣ отъ самаго времени апостольскаго совершались и совершаются святая таинства, гдѣ хранилось и хранится ученіе, гдѣ возсылались и возсылаются молитвы къ престолу благодати? Святая Церковь повѣдуетъ и вѣруетъ, что никогда овцы не были лишены своего Божественнаго Пастыря, и что Церковь никогда не могла ни ошибиться по неразумію (ибо въ ней живетъ разумъ Божій), ни покориться ложнымъ ученіямъ по малодушію (ибо въ ней живетъ сила духа Божія).

II, 17. Церковь живетъ даже на землѣ не земною человѣческою жизнью, но жизнью божественною и благодатною. Посему не только каждый изъ членовъ ея, но и вся она торжественно называетъ себя Святою. Видимое ея проявленіе содержится въ таинствахъ, внутренняя же жизнь ея въ дарахъ Духа Святаго, въ вѣрѣ, надеждѣ и любви. Угнетаемая и преслѣдуемая виѣшними врагами, не разъ возмущенная и разорванная злыми страстями своихъ сыновъ, она сохранялась и сохраняется непоколебимо и неизмѣнно тамъ, гдѣ неизмѣнно хранятся таинства и духовная святость, никогда не искажается и никогда не требуетъ исправленія. Она живетъ не подъ закономъ рабства, но подъ закономъ свободы, не признаетъ надъ собою ничьей власти кромѣ собственной, ничего суда кромѣ суда вѣры (ибо разумъ ея не постигаетъ), и выражаетъ свою любовь, свою вѣру и свою надежду въ молитвахъ и обрядахъ, внушаемыхъ ей духомъ истины и благодатью Христовою. Посему, самые обряды ея, хотя и неизмѣнны (ибо созданы духомъ свободы и могутъ измѣняться по суду Церкви), никогда и ни въ какомъ случаѣ не могутъ содержать въ себѣ какую-нибудь, хотя малѣйшую примѣсь лжи или ложнаго ученія. Обряды же, еще неизмѣненные, обязательны для членовъ Церкви, ибо въ ихъ соблюденіи радость святаго единства.)

II, 199. Но крайне несправедливо думать, что Церковь требуетъ принужденнаго единства или принужденнаго послушанія; напротивъ, она гнушается того и другаго: ибо въ дѣлахъ вѣры принужденное единство есть ложь, а принужденное послушаніе есть смерть.

II, 255. Церковь зоветъ въ свои объятія все народы и въ полнотѣ несомнѣннаго упованія ожидаетъ пришествія своего Спасителя. Спокойнымъ окомъ зрѣтъ она, какъ вѣкъ за вѣкомъ, волна за волною,

гроза историческихъ тревоженій, потоки страстей и мыслей человѣческихъ клубятся и мечутся вокругъ камня, на которомъ она утверждается; зрѣть и не смущается, ибо вѣрить въ его несокрушимость. Камень этотъ — Христосъ.

II, 26. По волѣ Божіей Св. Церковь, послѣ отпаденія многихъ расколовъ и Римскаго патріаршества, сохранилась въ епархіяхъ и патріаршествахъ Греческихъ, и только тѣ общины могутъ признавать себя вполне христіанскими, которыя сохраняютъ единство съ восточными патріаршествами или вступаютъ въ сіе единство; ибо одинъ Богъ и одна Церковь, и нѣтъ въ ней ни раздора ни разногласія.

Поэтому Церковь называется Православною, или Восточною, или Греко-Россійскою; но всѣ сіи названія суть только названія временныя. Не должно обвинять Церковь въ гордости, потому что она себя называетъ Православною, ибо она же себя называетъ Святою. Когда исчезнутъ ложныя ученія, не нужно будетъ и имя Православія; ибо ложнаго Христіанства не будетъ. Когда распространится Церковь или войдетъ въ нее полнота народовъ, тогда исчезнутъ всѣ мѣстныя наименованія; ибо не связывается Церковь съ какою-нибудь мѣстностію и не хвалится какою-нибудь отдѣльною епархіею или областію, и не хранитъ послѣдства языческой гордости; но она называетъ себя Единою, Святою, Соборною и Апостольскою, зная, что ей принадлежитъ весь міръ и что никакая мѣстность не имѣетъ особаго какого-нибудь значенія, но временно только можетъ служить и служить для прославленія имени Божіаго, по Его неисповѣдимой волѣ.

II, 244. Всѣ тайны вѣры были открыты Церкви Христовой, отъ самаго ея основанія. Все внутреннее познаніе Божественнаго (въ той мѣрѣ въ какой оно доступно земному человѣчеству) было дано ей отъ начала; и всѣ эти тайны, все это познаніе, выражены были первыми Христовыми учениками, но были выражены только для Церкви и только ею могутъ быть поняты. Сами по себѣ Богъ и Божественное невыразимы, слово человѣческое не въ состояніи ни опредѣлить, ни описать ихъ; оно можетъ только возбудить въ разумѣ, т. е. въ мірѣ человѣческомъ, мысль или порядокъ мыслей, соотвѣтственныхъ реальности міра Божественнаго. Мы знаемъ, что даже въ области человѣческихъ предметовъ слова, которыми выражаются не отвлеченности, а понятія взятые изъ живой реальности (вещественной или духовной) бываютъ понятны только для людей, обладающихъ физическими органами или духовными способностями, необходимыми для ихъ пониманія; иными словами, понятны въ той мѣрѣ, въ какой составляютъ какъ бы

долю жизни самаго постигающаго субъекта. Оттого слѣпому недоступно дѣйствительное пониманіе словъ: «свѣтъ и цвѣтъ»; оттого человѣкъ, лишенный чувства красоты, не понимаетъ словъ ее выражающихъ; оттого душа, огрубѣвшая въ чувственности или погрязшая въ эгоизмѣ, слышитъ доносящіяся до нея слова любви, благоговѣнія и почтенія, но не проникаетъ въ ихъ смыслъ. Не тѣмъ ли съ бѣльшимъ основаніемъ должны мы признать, что слова, которыми выражаются понятія о мірѣ Божественномъ, могутъ быть понятны только для того, чья собственная жизнь находится въ согласіи съ реальностью этого міра? Если самыя эти понятія недоступны человѣческой мысли, пребывающей въ уединеніи своей личной немощи и порочности, а постигаются только Духомъ Божиимъ, который открываетъ ихъ нравственному единству христіанскаго общества: то естественно, что и слова, служащія имъ выраженіемъ, представляются въ своемъ реальномъ смыслѣ только тому, чья жизнь составляетъ какъ бы живую принадлежность организма Церкви.

II, 246. Человѣческое слово есть только знакъ, болѣе или менѣе условный, смыслъ котораго измѣняется не только по языкамъ, нарѣчіямъ и эпохамъ, но и по мѣрѣ развитія науки и умственной жизни людей въ вещахъ человѣческихъ. И Церковь унаслѣдовала отъ блаженныхъ Апостоловъ не слова, а наслѣдіе внутренней жизни, наслѣдіе мысли невыразимой и однако постоянно стремящейся выразиться. Слово Церкви видоизмѣняется во свидѣтельство безконечности идеи; иначе, это слово было бы не болѣе какъ вещественнымъ отголоскомъ, звучащимъ изъ вѣка въ вѣкъ, но ничего не выражающимъ кромѣ развѣ безплодности и вялости умственного труда, или даже полного его отсутствія.

Мы это видимъ съ самаго начала. Если бы таинственное и приснопоклоняемое имя «Сынъ Божій» обнимало во всей полнотѣ христіанскую идею о Томъ, Кто воплотился ради нашего спасенія, то къ чему бы придавать ему еще другое Божественное имя «Вѣчнаго Слова?» Или, если это послѣднее имя было необходимо для выраженія идеи, то почему бы ему не быть произнесеннымъ въ самомъ началѣ Евангельской проповѣди?

Читая писанія апостольскія, предшествовавшія писанію Іоанна, иногда невольно какъ бы сѣтуешь, не находя въ нихъ названія столь выразительнаго, сіяющаго въ первой строкѣ Іоаннова Евангелія. «Образъ Отца», «сіяніе славы Его» и другія подобныя выраженія, правда, открываютъ намъ ту же мысль, какая заключена и въ имени «Слово», но указываютъ ее не столь ясно. И такъ скажемъ ли мы,

что появленіемъ этого термина знаменуется прогрессъ въ развитіи Церкви? Отнюдь нѣтъ, ибо полнота церковной мысли чувствуется и въ выраженіяхъ Св. Павла; но дѣло въ томъ, что явился новый слушатель. Іудей, Римлянинъ, Грекъ-мастеровой ничего бы не поняли, если бы Св. Павелъ заговорилъ о Словѣ. Это выраженіе не пробудило бы въ ихъ представленіи никакой идеи; оно бы для нихъ не имѣло смысла. Но къ Церкви Христовой примкнулъ новый личный элементъ, новая историческая жизнь—воспитанники Греческой философіи. Выраженіе сравнительно съ прежними болѣе сжатое и болѣе ясное, но которое до той поры было бы непонятно, стало теперь возможно; Св. Іоаннъ возглашаетъ его, и ликующая Церковь повторяетъ его въ день торжественнѣйшаго изъ своихъ празднествъ. Значитъ ли это, что Церковь обрѣла наконецъ терминъ для выраженія своей мысли? Какъ! Слово, этотъ улетучивающійся звукъ, или этотъ пѣмой знакъ начертанный или отпечатанный, это нѣчто измѣняющееся и условное, это нѣчто не имѣющее ничего своего, не имѣющее даже жизни по себѣ, жизни, такъ сказать, личной, признать его за выраженіе способное обнять и опредѣлить существо Бога, Спасителя нашего, Того, Кто есть безусловная жизнь и истина? Этого и предположить нельзя. Нѣтъ, не тому радуется Церковь, что будто бы удалось ей наконецъ выразить мысль свою, а тому, что указала ясно своимъ чадамъ такую мысль, которой никакой языкъ человѣческій выразить не можетъ. Всѣ слова наши, если смѣю такъ выразиться, суть не свѣтъ Христовъ, а только тѣнь Его на землѣ. Блаженны тѣ, которымъ дано, созерцая эту тѣнь на поляхъ Іудей, угадывать небесный свѣтъ Оавора. Этотъ свѣтъ постоянно свѣтитъ для Церкви, но открывается не иначе, какъ сквозь тѣнь вещества; ибо языкъ нашъ вполне вещественъ, не только по своей формѣ, но и во всѣхъ почти корняхъ своихъ, хотя онъ и невещественъ по своему началу. Еслибы Апостолъ обращался къ инымъ слушателямъ, если бы онъ встрѣтилъ въ нихъ другую умственную подготовку, можетъ быть, онъ употребилъ бы иные выраженія.

ЧІ, 62. Вѣра всегда есть слѣдствіе откровенія опознаннаго, то есть признаннаго за откровеніе; она есть созерцаніе факта невидимаго, проявленнаго въ фактъ видимомъ; вѣра не то что вѣрованіе или убѣжденіе логическое, основанное на выводахъ, а гораздо болѣе. Она не есть актъ одной познавательной способности, отрѣшенной отъ другихъ, но актъ всѣхъ силъ разума, охваченнаго и плѣненнаго до послѣдней его глубины живою истинною откровеннаго факта. Вѣра не только мыслится или чувствуется, но, такъ сказать, и мыслится или чувствуется вмѣстѣ; словомъ—она не одно познаніе, но познаніе и жизнь.

II, 57. Духъ Божій, глаголющій священными писаніями, поучающій и освѣщающій священнымъ преданіемъ вселенской Церкви, не можетъ быть постигнутъ однимъ разумомъ. Онъ доступенъ только полнотѣ человѣческаго духа, подѣ пантіемъ благодати. Попытка проникнуть въ область вѣры и въ ея тайны, преднося передъ собою одинъ свѣтильникъ разума, есть дерзость въ глазахъ христіанина, не только преступная, но въ тоже время безумная. Только свѣтъ, съ неба сходящій и проникающій всю душу человѣка, можетъ указать ему путь; только сила, даруемая Духомъ Божиимъ, можетъ вознести его въ тѣ неприступныя высоты, гдѣ является Божество. «Только тотъ можетъ понять пророка кто самъ пророкъ», говоритъ Св. Григорій Чудотворецъ. Только само Божество можетъ уразумѣть Бога и безконечность Его премудрости. Только тотъ, кто въ себѣ носитъ живаго Христа, можетъ приблизиться къ Его престолу, не уничтожившись передъ тою славою, передъ которою самыя чистыя силы духовныя повергаются въ радостномъ трепетѣ. Только Церкви, святой и безсмертной, живому ковчегу Духа Божьяго, носящему въ себѣ Христа, своего Спасителя и Владыку, только ей одной, связанной съ Нимъ внутреннимъ и тѣснымъ единеніемъ, котораго ни мысль человѣческая не въ силахъ постигнуть, ни слово человѣческо не въ силахъ выразить, дано право и дана власть созерцать небесное величіе и проникать въ его тайны. Я говорю о Церкви въ ея цѣлости, о Церкви, по отношенію къ которой Церковь земная составляетъ нераздѣльную отъ нея часть.

1 Земная Церковь живетъ и дѣйствуетъ въ средѣ человѣческаго общества, въ составѣ государства. Черезъ это измѣняется ея видимый образъ.

I, 239. Дѣйствительно, какъ бы ни было совершенно человѣческое общество и его гражданское устройство, оно не выходитъ изъ области случайности исторической и человѣческаго несовершенства; оно само совершенствуется или падаетъ, во всякое время оставаясь далеко ниже недосягаемой высоты неизмѣнной и богоправимой Церкви.

I, 240. Каждый христіанинъ есть въ одно и тоже время гражданинъ обоихъ обществъ, совершеннаго, небеснаго (Церкви) и несовершеннаго, земнаго (Государства). Въ себѣ совмѣщаетъ онъ обязанности двухъ областей, неразрывно въ немъ соединенныхъ, и при правильной внутренней и духовной жизни переноситъ безпрестанно уроки высшей въ низшую, повинаясь обѣимъ. Строго исполняя всякій долгъ, возлагаемый на него земнымъ обществомъ, онъ въ совѣсти своей, очищенной уроками Церкви, неусыпно наблюдаетъ за каждымъ своимъ по-

ступкомъ и допрашиваетъ себя объ употребленіи всякой данной ему силы или права, дабы усмотрѣть, не оставляетъ ли пользованіе ими какого-нибудь пятна или сомнѣніи въ его душѣ или въ убѣжденіяхъ его братіи, и не лучше ли иногда воздержаться ему самому даже отъ дозволеннаго и законнаго, или нѣтъ ли наконецъ у него въ отношеніи къ его земному отечеству обязанностей, которыхъ оно еще не возлагаетъ на него. Жизнь его и слово дѣлаются въ одно время и примѣромъ, и наставленіемъ для другихъ, также какъ и онъ самъ отъ другихъ, лучшихъ, получаетъ примѣръ и наставленіе. Эта искренняя и непринужденная и безропотная бесѣда между требованіями двухъ областей въ самой душѣ человека есть тотъ великій двигатель, которымъ небесный законъ Христіанства подвигаетъ впередъ и возвышаетъ народы, принявшіе его. Конечно, въ душѣ, въ словѣ и дѣлѣ человека могутъ быть ошибки; но вѣтъ печалія и, слѣдовательно, возможности улучшеніи безъ возможности ошибки. Участь же общества гражданскаго зависитъ отъ того, какой духовный законъ признается его членами и какъ высока нравственная область, изъ которой они черпаютъ уроки для своей жизни въ отношеніи къ праву положительному. Такова причина, почему все государства не-христіанскія, какъ ни были они грозны и могущи въ свое время, исчезаютъ передъ міромъ христіанскимъ; и почему въ самомъ Христіанствѣ тѣмъ державамъ опредѣляется высшій удѣлъ, которыя полнѣе сохраняютъ его святой законъ.

Такова была судьба Христіанства и въ первой державѣ, принявшей его какъ государственную религію, въ Восточно-Римской Имперіи.

I, 217. Право и понятіе о государствѣ оставались въ тѣхъ упорныхъ формахъ, которыя были даны Римомъ. Прочна была работа вѣчнаго города. Не безъ полнаго ясновидѣнія явился онъ пророку въ истуканѣ желѣзномъ на глинныхъ ногахъ. Шатки и ненадежны были основы его величія; но логическое развитіе его настройки было сковано изъ неразрушимаго желѣза. Его юридическая цѣль охватила и сдавила жизнь Византіи. Свободная и плодотворная во всякой другой области, мысль Эллина въ области права рабски слѣдовала по пугамъ, ей указаннымъ ее учителями—законодѣдами Рима; и, не смотря на нѣкоторыя слабыя попытки позднѣйшаго законодательства, болѣе исказившаго, чѣмъ измѣнившаго стройную цѣльность законовъ, духъ закона оставался одинъ и тотъ же, и Христіанство почти не проникало въ каменный Капитолій юристовъ; тамъ жилъ и властвовалъ до конца духъ язычества.

1, 218. Все уголовное право, съ его страшными казнями, съ его свирѣпыми пытками, съ его безправственными судами и разрядами преступленій, было послѣдствомъ того Рима, который себя опредѣлялъ еще прежде отдѣленія Восточной имперіи. Точно тоже должно сказать и о всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ и о всѣхъ ихъ мертвящихъ формахъ; точно тоже обо всей общественной жизни съ ея играми, съ ея торжествами (кромѣ церковныхъ), съ ея триумфами, съ ея гордостію, съ ея самоупоеніемъ и со всею этою позолоченою ветошью языческаго міра, которая охватывала всѣ общественныя права и была узаконена государственнѣмъ правомъ. Христіанство не могло разорвать этой сплошной еѣти злыхъ и противу-христіанскихъ началъ. Оно удалилось въ душу человѣка; оно старалось улучшить его частную жизнь, оставляя въ сторонѣ его жизнь общественную и произнося только приговоръ противъ явныхъ слѣдовъ язычества: ибо самые великіе дѣятели христіанскаго ученія, воспитанные въ гражданскомъ понятіи Рима, не могли еще вполне уразумѣть ни всей лжи Римскаго общественнаго права, ни безконечно-трудной задачи общественнаго построенія на христіанскихъ началахъ. Ихъ благодѣтельная сила разбивалась о правильную и слитную кладку Римскаго зданія. Единственнымъ убѣжищемъ для нихъ осталась тишина созерцательной жизни. Лучшія, могущественнѣйшія души удалялись отъ общества, котораго не смѣли осуждать и не могли сносить. Всякое свѣтлое начало старалось спасти себя въ уединеніи. Темнѣе становились города, просіявали пустыни, и добродѣтели личныя возносились къ Богу, какъ очистительный оуміамъ, между тѣмъ какъ злобоніе общественной неправды, разврата и крови заражало государство и сквернило всю землю Византійскую.

Ей не было суждено представить исторіи и міру образецъ христіанскаго общества; но ей было дано великое дѣло уяснить вполне христіанское ученіе, и она совершила этотъ подвигъ не для себя только, но для насъ, для всего человѣчества, для всѣхъ будущихъ вѣковъ. Сама Имперія падала все ниже и ниже, истощая свои нравственныя силы въ разладѣ общественныхъ учрежденій съ нравственнымъ закономъ, признаваемымъ всеми; но въ душѣ лучшихъ ея дѣятелей и мыслителей, въ ученіи школъ духовныхъ и особенно въ святилищѣ пустынь и монастырей, хранилась до конца чистота и цѣльность просвѣтительнаго начала.

Начало это жило въ Церкви,

III.

РАЗДѢЛЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ.

Церковное единство. — Причины его нарушения. — Особенности Западных епархій. — Возвышеніе Папства. — Языческія стихіи Римскаго Католицизма. — Отдѣленіе Западной церкви отъ Восточной.

II, 48. Со времени своего основанія Апостолами Церковь была едина. Это единство, обнимавшее весь въ то время извѣстный міръ, связывавшее Британскіе острова и Испанію съ Египтомъ и Сиріею, никогда не было нарушаемо. Даже ереси не нарушали этого Божественнаго единства: онѣ носили характеръ заблужденій личныхъ, а не расколовъ цѣлыхъ областей или епархій.

Но въ духовномъ строѣ областей и епархій Западныхъ заключались начала существенно-отличныя отъ началъ Востока. Начала эти коренились во всей предшествовавшей, до-христіанской исторіи Запада, въ его религіозныхъ, племенныхъ и государственныхъ стихіяхъ.

IV, 417. Міръ Греціи, Востока и Африки былъ древнѣе Рима, богатъ собственною мыслию, свѣтелъ собственнымъ просвѣщеніемъ. Онъ покорился Риму какъ силѣ и какъ политѣйшей идеѣ политической, но въ тоже время сохранялъ духовную самобытность, уметвенное превосходство надъ Римомъ и тайное къ нему презрѣніе. Міръ Италіи, Галліи, Испаніи и позднѣе Британіи былъ Римскимъ созданіемъ. Его бѣдная и бесплодная самобытность исчезла вкорѣ. Вся жизнь и мысль Запада были даны Римомъ, а не выработаны собственною силою народовъ.

Коренныя начала западнаго міра не замедлили обнаружиться и въ Западномъ Христіанствѣ.

IV, 484. Политическія послѣдствія Аріевой смуты отзывались во всей исторіи Европы, въ продолженіе многихъ столѣтій. Раздѣленіе народа на два враждебные стана и раздоръ между духовенствомъ и дворомъ ослабили Имперію и открыли варварамъ свободный доступъ въ ея предѣлы. — Народы Германскаго племени, вторгнушіеся въ область Римскую и откинутые на Западъ влѣдствіе Гуннского напора и устоячивости Византійской, перенесли съ Востока въ область Западной имперіи, ими завоеванной, Аріанство, враждебное повопкоренному народу и его духовенству. Разрозненное духовенство, угнетенное побѣдителями, стало со дня на день болѣе обращаться къ патріаршему престолу Рима, прося отъ него опоры и защиты и плата ему за по-

кровительство безпрестанно возрастающею покорностью. Римскіе епископы, окруженные племенами Аріанскихъ завоевателей, искали съ своей стороны между завоевателями такого народа, который могъ бы сдѣлаться защитникомъ Никейскаго исповѣданія. Они нашли его въ дружинѣ Клодовика, и постоянный союзъ Римскаго духовенства отдалъ на многіе вѣка всю судьбу Западной Европы въ руки Франковъ.

Основаніемъ имперіи Карла Великаго значеніе Папства возвысилось еще болѣе, ибо папа въ этомъ случаѣ явился возстановителемъ Имперіи и наслѣдникомъ правъ древняго Рима.

IV, 704. Епископъ Римскій, какъ духовный владыка и единственный неоспоримый преемникъ апостольскаго престола на Западѣ, а еще болѣе какъ пастырь церковнаго стада въ древней міродержавной столицѣ, считался всегда почетнѣйшимъ изъ христіанскихъ епископовъ и вскорѣ былъ облеченъ общимъ признаніемъ въ званіе верховнаго судьи по дѣламъ церковнымъ во всѣхъ Западныхъ епархіяхъ.

Установленію такого взгляда способствовало различіе между воззрѣніями Восточнымъ и Западнымъ.

IV, 705. Иное было понятіе Эллина, иное Римлянина о вѣрѣ и церкви. Для Эллина, развившаго человѣческую личность до крайней степени умственнаго совершенства (какое доступно человѣку, лишенному наслѣдства, преданія) вѣра была принадлежностью лица и лицо основою Церкви. Изъ гармоническаго единства и тождества духовныхъ убѣжденій составлялось всеобщее вѣрованіе Церкви, неоспоримое и безошибочное, какъ выраженіе истины, переданной Богочеловѣкомъ Іисусомъ и постоянно вдыхаемой животворящимъ Божественнымъ Духомъ; изъ жизненнаго единства всѣхъ одповѣрующихъ лицъ составлялась внутренняя и виѣшняя жизнь Церкви, содержащей полноту земной христіанской общины и отражающей въ себѣ всемірную общину благодатныхъ духовъ. Такимъ образомъ Церковь въ глазахъ Эллина была явленіемъ міровымъ. Для Римлянина, создавшаго самое могучее изъ всѣхъ государствъ и науку права, доведенную до возможнѣйшаго совершенства логической послѣдовательности, вѣра была закономъ, а Церковь явленіемъ земнымъ, общественнымъ и государственнымъ, подчиненнымъ высшей волѣ невидимаго міра и главы его Христа, но въ тоже время требующимъ единства условнаго и видимыхъ символовъ этого правительственнаго единства. Символъ единства и постоянное выраженіе его законной власти долженъ былъ находиться въ Римскомъ епископѣ, какъ пастырѣ всемірной столицы.

IV, 706) Древній Римъ налагалъ свою печать на новое Христіанство Запада. Гордость прежней власти и прежняго утраченнаго величія была наслѣдствомъ, отъ котораго не могли отказаться ни Римляне позднѣйшей эпохи, ни ихъ духовные пастыри. Но кромѣ этой своекорыстной и эгоистической страсти, неволью заражавшей лучшихъ и достойнѣйшихъ владыкъ Римскаго престола, должно еще признать другую причину ихъ односторонняго понятія о Церкви, менѣе предосудительную въ нравственномъ отношеніи, но еще болѣе гибельную въ своихъ послѣдствіяхъ, ибо она заключалась не въ личныхъ страстяхъ папъ, или Римлянъ, или жителей одной Италіи, но въ направленіи всего умственнаго развитія на Западѣ. Эта причина была ничто иное, какъ односторонность самаго Западнаго просвѣщенія. Оно не было произведеніемъ самобытной дѣятельности туземной мысли, пробужденной къ многостороннимъ проявленіямъ дѣйствіемъ собственной исторической судьбы или вліяніемъ чуждаго просвѣщенія. Темный Западъ еще не призналъ въ себѣ своей собственной мысли. Онъ принялъ просвѣщеніе пассивно, но не какъ живую силу, пробуждающую внутренній духъ человѣка, а какъ готовый плодъ чужой жизни; онъ принялъ его въ самой грубой и вѣншей его формѣ, въ формѣ общественнаго быта и государственнаго закона. Галлы, Иберцы, Британцы и нѣкоторыя Германскія семьи сплосу Римскаго меча были заключены въ просвѣщеніе; кромѣ нѣкоторыхъ началъ безполезнаго и общественнаго художества они узнали отъ него и полюбили только выгоды правильнаго гражданскаго быта и логику государственной полиціи, и вся ихъ скудная умственная дѣятельность была заключена въ темномъ стремленіи къ новому развитію права. Эта дѣятельность, убитая въ отношеніи къ жизни государственной и гражданской Германскимъ завоеваніемъ, обратилась на единственное еще свободное поприще—Церковь, которая сама являлась имъ въ видѣ государства, единственнаго ими признапаго проявленія человѣческой мысли.

Поэтому главная задача Западнаго міра, главное его требованіе, выразившееся въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, были построение Церкви въ государственную форму. Одинакова была важность соборовъ на Востокѣ и на Западѣ, но значеніе ихъ было различно. (На Востокѣ, они были только выраженіемъ общаго мнѣнія. Рѣшенія ихъ (кромѣ частныхъ положеній объ обрядѣ или порядкѣ церковномъ) были изложеніемъ общихъ началъ вѣры въ строгой опредѣленности догматической логики или изложеніемъ общихъ преданій. Сознаніе всей общины, принимающей это изложеніе и признающей его полное согласіе съ преданіемъ и вѣрою уже существующею, но до тѣхъ поръ неопредѣленною и логически неясною, доставляло собору всю его силу и

неоспоримость для будущихъ вѣковъ. На Западѣ тѣже соборы облечены были общимъ мнѣніемъ въ правительственныя права, не подлежащія никакому суду, и рѣшенія ихъ имѣли силу сами по себѣ, независимо отъ повѣрки общины. На Востокѣ слово соборовъ было свидѣтельствомъ, на Западѣ—приговоромъ.)

Но случайность соборовъ, ихъ невозможность въ обыкновенное время и постоянная необходимость правленія для Церкви, создаваемой какъ государственное общество, должны были привести къ убѣжденію въ существованіи власти видимой и всегда присущей для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, возникающихъ въ видимой и духовной жизни Церкви, а престолъ всемірной столицы и верховнаго Апостола казался самымъ естественнымъ хранителемъ этой необходимой власти. Такимъ образомъ самая сущность просвѣщенія, завѣщаннаго Римомъ всѣмъ своимъ Западнымъ областямъ, должна была по необходимости обратить Церковь въ духовное государство и облечь папъ, почти безъ ихъ воли, въ то царственное значеніе, котораго они достигли въ десятомъ, одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкахъ.

Въ складѣ Западно-христіанскихъ воззрѣній сказалось начало несравненно болѣе древнее.

IV, 956. Христіанство было продолженіемъ и конечнымъ заключеніемъ преданія о свободно-творящемъ духѣ и свободѣ духовной. Его торжество нанесло, повидимому, рѣшительный ударъ Кушитскимъ религіямъ, поклоненію органической необходимости, въ какой бы формѣ она ни являлась, и всѣмъ религіямъ, основаннымъ на условномъ умствованіи или условной символизациі; но трудно было сохранить неприкосновенною его первоначальную строгость и чистоту въ волненіяхъ жизни государственной, утвержденной на условіяхъ вольныхъ или невольныхъ и въ движеніяхъ мысли, черпающей матеріалы своихъ познаній изъ наукъ, выработанныхъ міромъ, вполне принадлежавшимъ системѣ Кушитской. Западные народы, появивъ самую Церковь какъ государство вѣры, ввели прежнія начала въ самыя нѣдра ученія, которое приняли отъ первыхъ проповѣдниковъ Христіанства. Цѣльность свободнаго духа была разбита раціонализмомъ, скрытымъ подъ формою юридическою. Не человекъ-христіанинъ уже былъ точкою отправленія общей мысли, не изъ согласія внутренняго всѣхъ христіанъ образовалась Церковь (видимый и земной отдѣлъ Церкви всемірной): нѣтъ, Церковь земная получала самостоятельность и власть. Христіане являлись какъ подданные, покорные рѣшеніямъ этой власти. Представители Церкви отдѣлялись естественно отъ ея подданныхъ и должны были получить названіе соответствующее своему новому значенію — церковниковъ (*Ecclesiastici*) въ отличіе отъ народа (*Laici*).

Иерархія могла замкнуться или въ видѣ постоянного собора чиновниковъ земной Церкви, рѣшающихъ все вопросы объ ея коренныхъ законахъ (догматахъ вѣры), или въ лицѣ правителя. Первые соборы, имѣвшіе на Востокѣ значеніе съѣзда избранныхъ отъ всего христіанскаго міра, объявляющихъ общее убѣжденіе съ общаго согласія, имѣли въ глазахъ Запада значеніе законодательныхъ собраній, неподчиненныхъ никакому суду народнаго мнѣнія. Такова была первая эпоха. Раствореніе союза съ Востокомъ, убѣжденіе, что явное разногласіе, происходящее постоянно во всехъ соборныхъ совѣщаніяхъ и примиряемое согласіемъ повидимому условнымъ, было противно понятію о безусловной истинѣ рѣшеній; наконецъ, несомнѣнно признанное превосходство папскаго престола привели Западную общину въ ея вторую эпоху, передавъ всю власть законодательную папѣ. Востокъ предполагалъ и предполагаетъ до сихъ поръ вдохновеніе свыше непосылаемое всей церковной общинѣ, вслѣдствіе ея богоугодной жизни и ея свободной полноты. Западъ, предположивъ сначала законодательное право въ собраніяхъ совѣщательныхъ, передалъ это право одному епископу, владыкѣ древнѣйшаго и почтеннѣйшаго изъ Западныхъ престоловъ, и облекъ его въ исключительную боговдохновенность, не имѣющую ничего общаго со всеми другими жизненными явленіями въ немъ или въ церковномъ обществѣ. Онъ сдѣлался Божіимъ намѣстникомъ на землѣ, былъ признанъ въ этомъ качествѣ, и такое опредѣленіе видимой главы всей Церкви опредѣлило весь характеръ Римскаго Католицизма.

Церковь стала виѣшностью для ея подданныхъ и виѣшностью даже для ея чиновниковъ (въ отношеніи къ ихъ человечеству), какъ всякое государство. Религія, идея вполнѣ Римская, какъ и самое слово, стала на мѣсто вѣры. Нравственный законъ получилъ значеніе обязанности, обуславливающей право, а не закона или нормы, нераздѣльной съ сущностью или внутреннимъ опредѣленіемъ духа. Дѣло получило значеніе подвига, а не плода естественнаго, возникающаго изъ глубины душевной; грѣхъ сдѣлался проступкомъ, а не порчею внутреннею или ея признакомъ; отпаденіе отъ общины церковной наказаніемъ, а не послѣдствіемъ сознанаго разлада; обрядъ службою, а не естественнымъ выраженіемъ живаго единства, высказывающаго въ художественныхъ образахъ свою общую жизнь; вѣра сама—виѣшнымъ званіемъ, приобретаемымъ или непосылаемымъ (пбо для науки эти два предположенія даютъ одинакіе выводы, оставляя вѣру въ категоріяхъ логическаго разсудка). Изъ этой теоріи, существовавшей издавна, но выказывавшей себя все болѣе и болѣе, возникли, какъ законныя послѣдствія, понятія о правѣ и заслугѣ сверхъ права и объ уплатѣ долга, накопляющагося отъ нарушеній обязанностей, излишкомъ

заслугъ своихъ или чужихъ и пр. Жертва получила значеніе очистительной силы; молитва, совершаемая общепародно на языкъ непонятномъ для народа, получила значеніе таинеманическое или заклинательное съ сплосю принудительною для высшаго міра. Преданіе, отрываясь отъ писанія (которое есть ни что иное какъ записанное преданіе и вскорѣ было отнято отъ мірянъ), сдѣлалось въ полнотѣ своей привилегіею іерархія и уже не развитіемъ преданія древнѣйшаго (писанія), но его дополненіемъ. Такимъ образомъ, въ дѣйствіе медленныхъ измѣненій и постепеннаго развитія, совершившихъ всею Западною міромъ подъ предводительствомъ Италіи, Христіанство приняло въ себя почти все стихіи древняго Кунигства: условность въ ея государственной формѣ, заклинательный характеръ дѣла и молитвы и таинеманизмъ вѣншнаго образа. Таковъ былъ характеръ Западной Церкви, когда ея глава почувствовала зрѣлость всехъ ея силъ и когда стихія Италійская потребовала и получила первое и правительственное мѣсто между всеми новыми народами, составившими Романо-германскую область, или признавшими ея мысленное державство.

Но еще единство Запада съ Востокомъ не было открыто нарушено.

Поводъ къ разрыву данъ былъ Испаніею.

IV, 712. Въ спорѣ между духовенствомъ Испанскимъ и Аріанами желаніе возвеличить второе лицо въ Божествѣ, отвергаемое Готами-Аріанами, заставило искать всехъ возможныхъ доказательствъ единосущности Сына и Отца и воспользоваться слабыми указаніями отцевъ, говорившихъ о двойственномъ происхожденіи Духа. Грубыя и вѣншія понятія богослововъ крайняго Запада не достаточны были для различенія между вѣншнимъ проявленіемъ и внутреннимъ дѣйствіемъ въ Божествѣ. Крайнее невѣжество того времени, доказанное многими свидѣтельствами, особенно же въ отношеніи къ Греческой церковной словесности, усилило ошибку.

На Толедскомъ соборѣ въ VII-мъ столѣтіи послѣ Р. Х. сдѣлано было извѣстное прибавленіе «и отъ Сына» къ изложенію вѣры или символу Никео-Константинопольскому. Мало по малу это прибавленіе стало вкрадываться во все общины Запада, особенно же южной Галліи. Побѣды Аравиганъ и паденіе царства Вестъ-Готскаго не остановили распространенія новаго исповѣданія. Ослабленіе Восточной имперіи, до половины завоеванной Мусульманами, удаляло воспоминаніе объ ней; возрастающая сила Запада въ первую эпоху Карловинговъ, т. е. при дѣдѣ и отцѣ Карла Великаго, увеличивала самоувѣренность и гордость Германо-Романскихъ областей; наконецъ, бѣгство многихъ

изъ Испанскихъ духовныхъ людей въ южную Галлію, потомъ завоеванія Франковъ въ Испаніи и, такъ сказать, сліяніе двухъ народовъ. Франческаго и Гого-Романскаго, ускорили принятіе символа Толедскаго почти во всемъ Западѣ. Невольное стремленіе всѣхъ было только выражено Испаніею прежде другихъ; оно должно было отозваться вездѣ, гдѣ лежали тѣже начала готовыя, хотя еще и не выразившіяся. На всемъ Западѣ была таже чисто-вѣщная жизнь, таже неспособность оторваться отъ нея и углубиться во внутренній смыслъ философско-догматическихъ опредѣленій. Наконецъ, двуначальность Запада во всѣхъ отношеніяхъ, важность факта въ мірѣ созданномъ случайнымъ условіемъ завоеванія, и преобладающее значеніе данныхъ въ Римскомъ правѣ (единственной основѣ всей западной мысли) заставляли невольно перенести ту же самую двуначальность земную въ мірѣ невидимый и признавать происхожденіе жизненнаго сознанія (Духа) не отъ мысли одной, но отъ первобытной мысли (Отца) и отъ перваго ея проявленія или факта (Сына). Это несознанное стремленіе увлекало всѣхъ.

Когда прибавленіе къ символу было отдано на судъ папѣ, онъ отвергъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что не слѣдуетъ нарушать постановленія собора, запретившаго всякое измѣненіе въ символѣ, вѣроятно же по той причинѣ, что предчувствовалъ и боялся разрыва съ Востокомъ. Западные общины настаивали и грозилась отторженіемъ отъ Римскаго престола, ибо понятіе о правахъ его были еще слабы. Устрашенный, и можетъ быть отчасти убѣжденный, папа допустилъ новое исповѣданіе, но не какъ обязательное. Его преемникъ, нуждаясь въ Греческой помощи, снова готовъ былъ рѣшительно отвергнуть перемѣну въ символѣ и, желая дать Востоку явное доказательство своего Православія, велѣлъ выставить въ главномъ Римскомъ соборѣ Никео-Константинопольское исповѣданіе въ его неизмѣнной формѣ. Но неудержимое стремленіе Запада къ самостоятельности духовной должно было принести свои плоды.

Измѣненный символъ вошелъ въ общее употребленіе на Западѣ не вельдствіе соборнаго рѣшенія или торжественнаго признанія, но вельдствіе общаго согласія, обратившагося въ обычай и одобреннаго Римскимъ епископомъ.

Папы, нескоро согласившіеся на измѣненіе символа, утвердили наконецъ перемѣну собственною властію своею. По характеру мысли они не могли не соглашаться съ остальнымъ Западомъ; но притязаніямъ на первое мѣсто въ церковномъ правленіи они не могли подвергнуть приговора своего суду тѣхъ епископовъ, отъ которыхъ они наименѣе могли ожидать согласія на подчиненность. Такимъ образомъ разрывъ уже былъ дѣйствительно совершенъ, хотя современники и современные жѣгописцы какъ будто еще не подозрѣвали его.

Около половины IX-го вѣка возшелъ на Римскій престолъ Николай I-й, властитель честолюбивый и коварный, но понимавшій всю важность своего историческаго поприща, одаренный смѣлостью, которая не боялась никакой борьбы, и умомъ, который могъ преодолѣть всякія препятствія. Римъ уже чувствовалъ свое призваніе и изготавлялъ свои орудія. Собраны были всѣ свидѣтельства о правахъ и преимуществахъ, данныхъ императорами епископамъ древней столицы, всѣ рѣшенія частныхъ и помѣстныхъ или вселенскихъ соборовъ, подтверждающія ихъ притязанія. Временному и случайному дано значеніе постояннаго и всеобщаго; исключительному или спорному значеніе несомнѣннаго и правомѣрнаго; наконецъ, для пополненія еще недостающихъ основъ и подпоръ будущаго церковно-государственнаго зданія, допущено и составлено множество подлоговъ въ видѣ данныхъ, епископскихъ приговоровъ или императорскихъ постановленій. Иное было сдѣлано вслѣдствіе темныхъ преданій и слуховъ, иное вслѣдствіе общаго мнѣнія о правахъ папскихъ, иное въ согласіи съ памятниками подлинными, но дурно понятыми, иное на перекоръ всѣмъ свидѣтельствамъ древнимъ; но все принято съ равной вѣрою невѣжествомъ тогдашняго вѣка и всеобщимъ желаніемъ утвердить Церковь, дать ей независимость и поручить ей духовной охранѣ правду и права человѣческія, нагло попираемыя мѣстными правительствами. Папы и духовенство Італіи, въ которой Греки и Восточная Церковь утратили всѣ свои владѣнія и силу, допускали и очевидно поощряли эту неслышную, но грозную работу церковныхъ правовѣдовъ. Такъ въ числѣ множества другихъ подлоговъ было составлено извѣстное собраніе лже-Исидоровыхъ декреталій, управлявшее всею Западною Европою въ продолженіи многихъ столѣтій. Предшественники Николая приготовили оружіе, но не смѣли еще пользоваться имъ; Николай I-й не побоялся ни рѣшительной борьбы, ни опаснаго орудія. Развратъ дома Карловинговъ и слабодушіе епископовъ, соглашавшихся на нарушеніе церковныхъ правилъ, дали ему случай напасть на сохранившіеся еще остатки независимаго высшаго духовенства въ земляхъ при-Рейнскихъ, и одержать полную побѣду, утвердившую на всегда папскую власть въ дѣлахъ духовныхъ на всемъ Западѣ; ибо позднѣйшія попытки епископовъ на самостоятельность и на возстановленіе своихъ прежнихъ правъ не заслуживаютъ никакого вниманія: это уже слабыя возстанія области покоренной и утратившей начала жизни. Общее мнѣніе, обычай и логическое развитіе всѣхъ церковно-правительственныхъ началъ рѣшили навсегда споръ въ пользу папскаго престола. Упрочивая власть свою на Западѣ, Николай I-й хотѣлъ ее распространить и на Востокъ. Онъ воспользовался раздорами Константинопольской епархіи,

которая одна изъ всѣхъ первенствующихъ епархій не пала еще въ руки Аравитянъ, и незаконнымъ выборомъ Фотія на патріаршій престолъ при жизни законнаго патріарха Игнатія. Торжество и тутъ клонилось на сторону смѣлаго и хитраго папы. Восточные епископы признали судъ его; часть новообращенныхъ Славянскихъ земель отошла отъ Константинополя къ Риму; императоры готовы были покориться Римскому духовному владыкѣ. Но Фотій перенесъ споръ изъ области сомнительныхъ юридическихъ вопросовъ, въ которыхъ ослабѣвшая Византія могла уступить побѣду могущественному Западу, въ область догматовъ, гдѣ никакая уступка не была возможнаю, и все перемѣнилось: Западныя нововведенія осуждены, древнее преданіе и выраженія символа удержаны, власть Рима отвергнута, Славянскія области возвращены Цареградской епархіи, самостоятельность и независимость Востока сохранены; разрывъ Восточной Церкви и папскаго престола обнаруженъ и утвержденъ навсегда: ибо позднѣйшая ссора патріарха Керулларія съ преемниками Николая была уже неизбѣжнымъ слѣдствіемъ объявленнаго при Фотіи разногласія въ опредѣленіи догматовъ. Міръ Церкви раздѣлился, духовное единство расторгнуто. Уцѣлѣвшій Востокъ укрѣпился приобрѣтеніемъ безконечной страны Славянской; Западъ, замкнувшійся въ своей отдѣльности, быстро пошелъ путемъ своего неизбѣжнаго развитія.

IV.

ЗАПАДНЫЯ ИСПОВѢДАНІЯ.

Латинство и Протестанство. — Отношеніе Западнаго Христіанства къ Церкви. — Западная философія. — Борьба между Латинствомъ и Протестантствомъ. — Торжество невѣрія. — Отношеніе Церкви къ Западнымъ исповѣданіямъ. — Церковная полемика.

I, 148. Христіанство, въ полнотѣ своего Божественнаго ученія, представляло идеи единства и свободы, неразрывно соединенныя въ нравственномъ законѣ взаимной любви. Юридическій характеръ Римскаго міра не могъ понять этого закона: для него единство и свобода явились силами противоположными другъ другу, антагонистическими между собою; изъ двухъ началъ высшихъ показалось ему, по необходимости, единство, и онъ пожертвовалъ ему свободой. Таково было вліяніе Римской стихіи. Стихія Германская, противная Римской, удержала бы за собою другое начало, но этого быть не могло: она сама являлась въ Западной Европѣ завоевательницею, насильницею. Вслѣдствіе своего положенія она приняла въ себя тоже начало, которое принимала Римская стихія вслѣдствіе своего внутренняго характера.

И такъ Западная Европа развивалась не подъ вліяніемъ Христіанства, но подъ вліяніемъ Латинства, т. е. Христіанства односторонне - понятнаго, какъ законъ ви́шняго единства. Тотъ, кто понимаетъ исторію, можетъ легко усмотрѣть постепенное развитіе этого начала въ идеѣ Всехристіанства (*tota Christianitas*), понятнаго какъ государство, въ борьбѣ императоровъ и папъ, въ крестовыхъ походахъ, въ военно-монашескихъ орденахъ, въ принятіи одного церковно-дипломатическаго изыска (Латинскаго), и т. д. Онъ увидитъ, что и вся жизнь Запада была проникнута этимъ началомъ и развивалась въ полной зависимости отъ него, въ іерархіи феодальной, въ аристократизмѣ, въ понятіи о правѣ, въ понятіи о государственной власти, и т. д.

Таковъ былъ первый періодъ Западной исторіи; второй былъ періодомъ реакціи. Односторонность Латинства вызвала противодѣйствіе, и мало по малу, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, послѣ долгой борьбы, наступилъ періодъ Протестантства, односторонняго какъ и Латинство, но односторонняго въ направленіи противоположномъ первому: ибо Протестантство удерживало идею свободы и приносило ей въ жертву идею единства. Иначе и быть не могло, ибо примиреніе было невозможно для Запада, воспитаннаго началомъ Латинства, подъ условіями завоеванія Германскаго и юридической формальности Римской. Вся новая исторія Европы принадлежитъ Протестантству, даже въ земляхъ, сльвущихъ за Католическія. Какъ идея единства Латинскаго была ви́шняя, такъ и идея свободы Протестантской была ви́шнейшею; ибо свобода, отрѣшенная отъ идеи разумнаго содержанія, есть понятіе чисто-отрицательное и слѣдовательно ви́шнее. Протестантство удерживалось въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ отъ совершеннаго самоуничтоженія только посредствомъ произвольныхъ условій; но оно носило въ себѣ сѣмена своей собственной гибели, и этимъ сѣменамъ надобно было по необходимости развиться. Они развились. Въ области религіи догматической Протестантство исчезло и перешло въ неопредѣленность философскаго мышленія, т. е. философскаго скепсиса; въ области жизни общественной оно перешло въ то состояніе безпредѣльнаго броженія, которымъ потрясенъ Западный міръ. Произвольныя условія не могли устоять ни противъ требованій разумной критики, ни противъ личныхъ страстей; ибо условіе произвольное не можетъ заключать въ самомъ себѣ собственнаго освященія: оно можетъ только освящаться извнѣ, а всякое начало освящающее было уже уничтожено Протестантствомъ. Въ наше время судъ исторіи совершается и совершится надъ Латинствомъ и Протестантствомъ. Таковъ смыслъ современнаго движенія.

Первые шаги Протестантства, казалось, обѣщали обновленіе церковной жизни.

I, 210. Проснулась надежда основать убѣжденія человѣка на началахъ высшихъ, чѣмъ раціонализмъ и юридическая формальность; проснулась надежда найти спасеніе въ томъ духовномъ мірѣ, который Создателемъ положенъ въ основу обновленному человѣчеству. Очищающимъ громомъ прогремѣли надъ Европейскимъ Западомъ торжественные звуки Слова Божія, почти умолкнувшіе въ продолженіе болѣе чѣмъ столѣтія; порывъ пламенной вѣры и дѣйтельной любви оживилъ всѣ нравственныя силы. Свѣжее и бодрое Протестантство, полное юныхъ мечтаній и какой-то строгой поэзіи, облагородило личность человѣка и влило новую кровь даже въ истощенныя жилы одряхлѣвшаго Латинства. Нестройное разложеніе остановилось, но не надолго.

Самое Протестантство было плодомъ раціональнаго направленія. Его формы, его строго-логическій ходъ были торжествомъ раціонализма, выступавшаго впередъ явно и сознательно изъ Римскаго ученія, въ которомъ онъ заключался безсознательно и тайно. Его подвигъ сдѣлался яснѣе, послѣдовательнѣе и строже. Скоро разорваны были пеленки, въ которыхъ еще скрывалось его дѣтство, и Фейербахи нашего времени начали свою разрушительную работу въ лицѣ Цвингліевъ и Карштатовъ XVI-го вѣка. Это поняли уже первые Римскіе противники Протестантства; они сказали правду въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ, но они не сознали и сознать не могли, что одно-сторонняя разсудочность реформаторовъ была ничто иное, какъ развитіе начала, завѣщаннаго Римомъ и возвращеннаго Палествою. Въ науку духовную Протестанты не внесли ничего новаго и живаго; это было невозможно. Они не возстановили и, вслѣдствіе своего умственного воспитанія, не могли возстановить той цѣльности и полноты, которыя составляютъ сущность Христіанства и которыя утрачены были на Западѣ съ самаго времени его отпаденія. Они приняли всю одно-сторонность мысли, которую застали преобладающею и властвующею; они приняли всѣ ея опредѣленія, отрицая только приложенія опредѣленій, ими же допущенныхъ; и, разорвавъ поневолѣ цѣпь преданія, они наложили на искусственное зданіе своихъ новыхъ исповѣданій неизгладимую печать юридическаго утилитарства или разсудочной полезности, возведенной въ законъ всего духовнаго міра.

Источникъ обоехъ Западныхъ исповѣданій (раціонализмъ) все болѣе и болѣе обнаруживается въ ихъ взаимной борьбѣ.

II, 75. Критика серьезная, хотя сухая и недостаточная, ученость обширная, но расплывающаяся по недостатку внутренняго единства, строгость прямодушная и трезвая, достойная первыхъ вѣковъ Церкви, при узкости воззрѣній, замкнутыхъ въ предѣлахъ индивидуализма;

пламенные порывы, въ которыхъ какъ будто слышится признаніе ихъ неудовлетворительности и безнадёжности когда либо обрѣсти удовлетвореніе; постоянный недостатокъ глубины, едва замаскированный полупрозрачнымъ туманомъ произвольнаго мистицизма; любовь къ истинѣ при безсиліи понять ее въ ея живой реальности; словомъ, раціонализмъ въ идеализмъ — такова доля Протестантовъ. Сравнительно бѣдшая шпрота воззрѣній, далеко впрочемъ недостаточная для истиннаго Христіанства; краснорѣчіе блистательное, но слишкомъ часто согрѣваемое страстью; поступъ величавая, но всегда театральная; критика почти всегда поверхностная, хватающаяся за слова и мало проникающая въ понятія; эффектный призракъ единства, при отсутствіи единства дѣйствительнаго; какая-то особенная ограниченность религіозныхъ требованій, никогда не дерзающихъ подниматься высоко и потому легко находящихъ себѣ дешевыя удовлетворенія; какая-то очень перовная глубина, скрывающая свои отмычки тучами софизмовъ; сердечная, искренняя любовь къ порядку внѣшнему при неуваженіи къ истинѣ, то есть къ порядку внутреннему: словомъ, раціонализмъ въ матеріализмъ — такова доля Латинянъ.

Среднее положеніе между двумя господствующими западными исповѣданіями занимаетъ Англичанство. Искренніе люди въ немъ колеблются между двумя крайностями и, наконецъ, начинаютъ обращать взгляды свои на Востокъ.

Но западному христіанину, даже самому ревностному и искреннему въ своей личной вѣрѣ, не легко отречься отъ вѣковыхъ заблужденій и понять жизнь Церкви и отношеніе къ ней каждаго отдѣльнаго вѣрующаго.

II, 115. Песчинка, дѣйствительно, не получаетъ новаго бытія отъ груды, въ которую забросилъ ее случай: таковъ человѣкъ въ Протестанствѣ. Кириничъ, уложенный въ стѣнѣ, нисколько не измѣняется и не улучшается отъ мѣста, назначеннаго ему наугольникомъ каменьщика: таковъ человѣкъ въ Романизмѣ. Но всякая частица вещества, усвоенная живымъ тѣломъ, дѣлается неотъемлемою частью его организма и сама получаетъ отъ него новый смыслъ и новую жизнь: таковъ человѣкъ въ Церкви, въ тѣлѣ Христовомъ, органическое основаніе котораго есть любовь. Очевидно, люди Запада не могутъ ни понять ся, ни участвовать въ ней, не отрекшись отъ раскола, который есть ея отрицаніе: ибо Латинянинъ думаетъ о такомъ единствѣ Церкви, при которомъ не остается слѣдовъ свободы христіанина, а Протестантъ держится такой свободы, при которой совершенно исчезаетъ единство Церкви. Единство, какъ понимаютъ его Латиняне, есть Церковь безъ

христіанина; свобода, какъ понимаютъ ее Протестанты, есть христіанинъ безъ Церкви. Мы же исповѣдуемъ Церковь единую и свободную. Она пребываетъ единою, хотя у нея нѣтъ офиціального представителя ея единства, и свободною, хотя свобода не обнаруживается разъединеніемъ ея членовъ. Эта Церковь, позволю себѣ выразиться словами Апостола, есть соблазнъ для іудействующихъ Латинянъ и юродство для эллипствующихъ Протестантовъ; для насъ же она есть откровеніе безконечной Божіей премудрости и милости на землѣ.

Чтобы вполнѣ опредѣлить отношеніе Церкви къ Латинству и Протестантству, необходимо прослѣдить послѣднее въ его продолженіи—Германской философіи, и въ конечномъ выводѣ—певѣринъ.

Протестантство, подчинившее область вѣры логическому разсудку, слѣдовательно заключавшее раціонализмъ въ самой своей основѣ, было исходною точкою Германской философіи.

I, 300. Реформа разрушила внутреннее спокойствіе человѣческаго духа въ Германіи, подкопавъ не только вѣру, основанную на односторонности авторитета, но самое чувство вѣры, брошенной производству частной критики. Правда, цѣлый рядъ ученій, болѣе или менѣе удачныхъ, старался возстановить это нарушенное спокойствіе духа посредствомъ произвольныхъ сдѣлокъ между безусловною, узаконенною критикою и условной религіею; но ума человѣческаго не обманешь навсегда. Германія смутно сознавала въ себѣ полное отсутствіе религіи и переносила мало-по-малу въ нѣдра философіи все требованія, на которыя до тѣхъ поръ отвѣчала вѣра. Кантъ былъ прямымъ и необходимымъ продолжателемъ Лютера.

Философская школа неуклонно продолжала свое дѣло.

I, 273. Кругъ отвлеченнаго, чисто-разсудочнаго мышленія ею обойденъ и очерченъ, законы его опредѣлены строго и отчетливо, и опредѣлены для всего человѣчества и для всѣхъ временъ.

Но въ чемъ же состояла односторонность и, слѣдовательно, ограниченность самой школы?... Она состояла въ томъ, что философія разсудка считала себя философіею разума.

I, 291. Кратчайшее выраженіе задачи Германіи есть «*возсозданіе нѣмальнаго разума (т. е. духа) изъ понктій разсудка*».

I, 293. Чтобъ увидѣть разомъ весь путь, пройденный школою отъ Канта до Гегеля, достаточно одного примѣра. Начальникъ школы говорилъ: «Вещи (предмета) мы не можемъ знать въ ней самой». Довершитель школы говоритъ: «Вещь (предметъ) въ себѣ самой не существуетъ; она существуетъ только въ знаніи (понятіи)».

I, 296. Общая ошибка всей школы, еще не ясно выдающаяся въ ея основателѣ Кантѣ и рѣзко характеризующая ея довершителя Гегеля, состоитъ въ томъ, что она постоянно принимаетъ движеніе понятія въ личномъ пониманіи за тождественное съ движеніемъ самой дѣйствительности (всей реальности). Пути понятія и реальности дѣйствительно тождественны, но тождественны, какъ лѣстница одна и таже для восходящаго и нисходящаго. Путь тотъ же, да движеніе диаметрально противоположно. Для понятія вещь создается, и потому она есть или можетъ быть; въ реальности же она есть, и потому она создается или можетъ быть признана.

I, 274. Мы можемъ сказать, что мы перелопатили Нѣмецкую философію, ибо поняли ея односторонность не смутнымъ пониманіемъ неудовлетвореннаго духа, но яснымъ сознаніемъ разума. Діалектическое развитіе Кантовой школы не отражаетъ вполнѣ познаваемого (объекта), ибо отражаетъ его безъ его дѣйствительности. Она не только не есть философія всецѣлаго разума, но она даже и не есть философія проявленнаго (объективнаго) разума; ее должно признать наукою діалектическаго разсудка (аналитическаго разума), и въ этомъ смыслѣ она есть великій и безсмертный памятникъ человѣческаго гения.

Философскій раціонализмъ Гегеля породилъ матеріализмъ его учениковъ.

I, 312. Оба же, и раціонализмъ чистый, и матеріализмъ, суть не что иное, какъ двѣ стороны одной и той же системы, которую слѣдуетъ назвать системою *нечесаріанизма*, иначе безвольности.

Одновременно и рядомъ съ работою философской мысли продолжается борьба между Латинствомъ и Протестантствомъ.

II, 75. Въ каждую минуту каждая изъ воюющихъ сторонъ можетъ похвалиться блистательною побѣдой; и между тѣмъ обѣ оказываются постоянно разбитыми, а поле битвы остается за невѣріемъ. Оно бы давно и окончательно имъ овладѣло, еслибы потребность вѣры не заставляла многихъ закрывать глаза передъ непоследовательностью религій, принятой ими по невозможности безъ нея обойтись, и еслибы также потребность не заставляла держаться разъ принятой религій даже тѣхъ, которые серьезно въ нее не вѣрують.

II, 144. Окончательное торжество религіознаго скептицизма еще не наступило; но и въ настоящее время можно утвердительно сказать обо всей Западной Европѣ, что у нея нѣтъ никакой религій, хотя она и не смѣетъ еще признаться въ этомъ себѣ самой.

II, 145. Кажется, мы дали бы самое точное опредѣленіе настоящаго состоянія, сказавъ, что Латинская идея *религии* превозмогла надъ Христіанскою идеею *вѣры*, чего доселѣ не замѣчаютъ. Міръ утратилъ вѣру и хочетъ имѣть религію, какую-нибудь; онъ требуетъ религіи вообще. Поэтому только въ безвѣріи и можно теперь встрѣтить неподдѣльную искренность, и замѣчательно, что обыкновенно нападаютъ на безвѣріе не за то, что оно отвергаетъ вѣру (въ чемъ однако заключается его вина, а за то, что оно дѣлаетъ это откровенно, то-есть за его честность и благородство.

II, 146. II религіозный махіавеллизмъ правительствъ, и шаткая религіозность отдѣльныхъ лицъ видятъ передъ собою, въ близкомъ будущемъ, угрожающее лицо торжествующаго безвѣрія.

Таково современное религіозное состояніе Запада. Отношеніе къ нему Церкви вполне опредѣленно.

Царство избрѣло унію.

II, 70. Романизмъ можетъ допустить такое сліяніе, но Церковь не знаетъ сдѣлокъ въ догматахъ и въ вѣрѣ. Она требуетъ единства полного, не менѣе; за то она даетъ въ обмѣнъ равенство полное; ибо знаетъ братство, но не знаетъ подданства. Итакъ, сближеніе невозможно безъ полного отреченія со стороны Римлянъ отъ заблужденія, длившагося болѣе десяти вѣковъ. Но не могъ ли бы соборъ закрыть бездну, отдѣляющую Римскій расколъ отъ Церкви? Нѣтъ, ибо тогда только можно будетъ созвать соборъ, когда предварительно закроется эта бездна.

II, 72. Соборъ дотолѣ невозможенъ, пока Западный міръ, вернувшись къ самой идее собора, не осудитъ напередъ своего посягательства на *соборность* и всѣхъ истекшихъ отсюда послѣдствій, иначе: пока не вернется къ первобытному символу и не подчинитъ своего мішнія, которымъ символъ былъ поврежденъ, суду вселенской вѣры. Однимъ словомъ, когда будетъ ясно понятъ и осужденъ раціонализмъ, ставящій на мѣсто взаимной любви гарантію челоуѣческаго разума или иную: тогда, и только тогда, соборъ будетъ возможенъ. И такъ, не соборъ закроетъ пропасть; она должна быть закрыта, прежде чѣмъ соборъ соберется. Одинъ Богъ знаетъ часъ, предоставленный для торжества истины надъ извращеніемъ людей, или надъ ихъ немощью. Этотъ часъ наступитъ, мы въ этомъ не сомнѣваемся; а до тѣхъ поръ, открыто ли выступаетъ раціонализмъ, какъ въ реформѣ, или подъ личиною, какъ въ Папизмѣ, Церковь будетъ относиться къ нему одинаково: съ состраданіемъ, жалтѣя о заблужденіи и ожидая обращенія; но другаго рода отношеній къ обѣимъ половинамъ Западнаго раскола у Церкви не можетъ и быть.

Православные богословы вели и ведутъ съ Западомъ полемику.

II, 384. Полемика—дѣло частныхъ лицъ и никогда не можетъ имѣть церковнаго, соборнаго значенія. Но каждый членъ Церкви обязанъ, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, разъяснять и проповѣдывать церковную истину.

II, 32. Какъ откровеніе Божественной истины на землѣ, будучи предназначено, по самому существу своему, сдѣлаться общимъ отечествомъ для всѣхъ людей, Церковь ни одному изъ чадъ своихъ не разрѣшаетъ молчанія передъ клеветою, противъ нея направленною и клонящеюся къ извращенію ея догматовъ или ея началъ. Область государства—земля и вещество; его оружіе—мечъ вещественный. Единственная область Церкви—душа; единственный мечъ, которымъ она можетъ пользоваться, который и врагами ея можетъ быть съ нѣкоторымъ успѣхомъ противъ нея обращаемъ, есть слово. Поэтому, каждый изъ членовъ Церкви не только можетъ по праву, но несетъ обязанность отвѣчать на клеветы, которымъ она подвергается. Молчаніе въ этомъ случаѣ было бы преступленіемъ не только по отношенію къ тѣмъ, которые пользуются счастіемъ принадлежать къ Церкви, но также, и въ еще большей степени, по отношенію къ тѣмъ, которые могли бы удостоиться того же счастья, еслибы ложныя представленія не отклоняли ихъ отъ истины. Всякій христіанинъ, когда до него доходятъ нападки противъ вѣры, имъ исповѣдуемой, обязанъ, въ мѣру своихъ познаній, оборонять ее, не выжидая особаго на то уполномочія: ибо у Церкви нѣтъ официальныхъ адвокатовъ.

II, 332. Выступая на полемическое поприще, вѣрующій не долженъ бояться за православность своей мысли. Если мы приняли духъ Евангелія, то слова наши будутъ согласны съ текстами; если же нѣтъ, то и тексты мы приведемъ и поймемъ криво.

V.

ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Земной удѣлъ христіанина. — Общеніе молитвы. — Отношеніе человека къ ближнимъ, — Семья.

Для того чтобы не отклониться отъ истины, чтобы мыслить и учить по христіански, нужно прежде всего по христіански жить.

I, 238. Въ Церкви ученіе не отдѣляется отъ жизни. Ученіе живетъ, и жизнь учитъ.

II, 61. Всякое слово, внушенное чувствомъ истинно-христіанской любви, живой вѣры или надежды, есть ученіе; всякое дѣло, запечатлѣнное Духомъ Божиимъ, есть урокъ; всякая христіанская жизнь есть образецъ

и примѣръ. Мученикъ, умирающій за истину, судья, судящій въ правду (не ради людей, а ради самого Бога), пахарь, въ скромномъ трудѣ постоянно возносящійся мыслію къ своему Создателю, живутъ и умираютъ для поученія братьевъ, а встрѣтятся въ томъ нужда — Духъ Божій вложитъ въ ихъ уста слова мудрости, какихъ не найдетъ ученый и богословъ.

Но прежде всего вѣрующій долженъ пребывать въ общеніи молитвы съ братьями по вѣрѣ.

II, 21. Никто не можетъ надѣяться на свою молитву, и всякій моляся проситъ всю Церковь о заступленіи, не такъ какъ будто бы сомнѣвался въ заступничествѣ единого ходатая Христа, но въ увѣренности, что вся Церковь всегда молится за всѣхъ своихъ членовъ.

II, 123. Мы молимся, потому что не можемъ не молиться, и эта молитва всѣхъ о каждомъ и каждого о всѣхъ, постоянно испрашиваемая и постоянно даруемая, умоляющая и торжествующая въ то же время, всегда во имя Христа нашего Спасителя обращаемая къ Его Отцу и Богу, есть какъ бы кровь, обращающаяся въ тѣлѣ Церкви: она ея жизнь и выраженіе ея жизни, она глаголъ ея любви, вѣчное дыханіе Духа Божія.

Истина Божественнаго откровенія и сила любви, дѣйствующая въ каждомъ изъ членовъ Церкви, должны проявляться и проявляются въ отношеніяхъ человѣка къ ближнимъ. Ближайшее поприще, ближайшій кругъ дѣятельности человѣка и христіанина—семья. Въ ней прежде всего находитъ человѣкъ приложеніе присущаго ему чувства любви.

I, 597. Любовь, какъ требованіе притязательное и себялюбивое, любовь ставящая цѣль въ лицѣ любящемъ, есть еще неотгрѣшившійся эгоизмъ. Она можетъ, какъ и всякая другая страсть, доходить до изступленія, разгораться до безумія, опьянять до бѣшенства. Но въ этой степени она не имѣетъ еще ни благородства, ни нравственнаго достоинства. Какое бы ни было ея напряженіе, она не заслуживаетъ еще имени любви.—Истинная любовь имѣетъ иное, высшее значеніе. Предметъ любимый уже не есть средство: онъ дѣлается цѣлію, и любящій уравниваетъ его съ собою, если не ставитъ выше себя; иначе сказать, признавая его уже не средствомъ, а цѣлію, онъ переноситъ на него свои собственные права, часть своей собственной жизни, ради его, а не ради самого себя. Таково опредѣленіе истинной, человѣческой любви: она по необходимости заключаетъ уже въ себѣ понятіе духовнаго самопожертвованія. Безъ сомнѣнія всякая дѣятельность исходитъ отъ человѣка, отъ его внутреннихъ требованій, и слѣдовательно имѣетъ въ себѣ характеръ эгоистическій; но въ любви она перехо-

доть на высшую степень, на степень *самоотрицающагося эгоизма*. Отъ того-то и только отъ того любовь есть нравственнѣйшее чувство, къ какому только способно духовное существо, высшее, къ чему только можетъ стремиться человѣкъ. Если есть какая нибудь обязанность въ стремленіи къ совершенству, если есть какое нибудь благородство въ человѣчествѣ, если есть наконецъ какая нибудь истина въ понятіяхъ о нравственности и добрѣ: очевидно, что любовь есть тотъ высшій законъ, которымъ должны опредѣляться отношенія человѣка къ человѣку вообще, или лица разумнаго ко всему роду своему. Но этотъ законъ, всѣмъ подлежащій, многихъ къ себѣ привлекающій, исполнимъ для весьма малаго числа избранныхъ душъ. Таково внутреннее тяготѣніе эгоизма и сравнительная слабость добрыхъ началъ. Человѣкъ стремящійся къ исполненію высокаго закона, котораго красоту онъ сознаетъ, и не находящій въ себѣ достаточной силы, ищетъ для осуществленія его (хотя въ тѣсныхъ предѣлахъ) пособія ви́шняго. Это ви́шнее пособіе находитъ онъ въ земномъ счастьи, доставляемомъ ему союзомъ съ лицомъ другаго пола, вслѣдствіе того первоначальнаго закона, который раздѣлилъ родъ человѣческій на двѣ половины, взаимно пополняющія другъ друга, какъ въ вещественномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Счастіе само не есть цѣль союза, но пособіе грубому человѣческому эгоизму для полнѣйшаго осуществленія высшаго закона любви, принимающей чужую человѣческую личность не средствомъ наслажденія, а цѣлюю полнѣйшей нравственной жизни. Изъ союза, представляющаго въ четъ типъ самого рода человѣческаго, возникаетъ для нея цѣлый новый міръ, такъ сказать новый родъ человѣческій, въ семьѣ, и кровная, естественная связь придаетъ слабости человѣческой столько силъ, что она доходитъ (хотя, повторяю, въ тѣсныхъ предѣлахъ) до самоотрицанія эгоизма, то есть до искренней, истинной и дѣятельной любви. Изъ того самаго понятно, что тѣ немногіе, которые могутъ жить для закона дѣятельной всечеловѣческой любви безъ всякаго ви́шняго пособія, были бы не правы, вступая въ союзъ безполезный для высшей цѣли ихъ жизни: ибо личность, съ которою бы они сочетались, не была бы для нихъ цѣлюю, но поставлена бы была на унижительную (и возвратно унижающую) степень средства къ наслажденію или къ такъ называемому счастью. То что возвышаетъ среднихъ было бы паденіемъ для высшихъ. Самая семья была бы стѣсненіемъ ихъ всечеловѣческой любви. Но таже самая семья есть тотъ кругъ, въ которомъ для людей обыкновенныхъ, то есть почти для всего человѣчества, осуществляется, воспитывается и развивается истинная человѣческая любовь, тотъ кругъ, въ которомъ она переходитъ изъ отвлеченнаго повятія и безсильнаго стремленія въ живое и дѣйстви-

тельное проявленіе. Очевидно, что всякое нарушеніе этой семейной святости есть нарушеніе самого закона любви. Изъ дѣтяхъ оживаетъ и, такъ сказать, успокоивается взаимная любовь родителей, и конечно не преувеличено бы было сказать, что они въ своихъ дѣтяхъ любятъ каждый не самого себя, а другъ друга. Въ тоже время взаимная любовь родителей и дѣтей представляетъ типъ той высокой человѣческой любви, которая въ родѣ человѣческомъ соединяетъ поколѣніе съ поколѣніемъ, а разрывъ между родителями, уничтожая связь ихъ съ дѣтьми, представляетъ безобразное и безнравственное явленіе разрыва между человѣческими поколѣніями; а не должно забывать, что внутренняя нравственность каждаго поколѣнія заключается по преимуществу въ той любви и въ тѣхъ надеждахъ, которыя она обращаетъ на поколѣніе грядущее. — И такъ нарушеніе святости семейной есть нарушеніе всѣхъ законовъ любви человѣческой.

Таково значеніе брака и семьи общечеловѣческое. Оно еще болѣе возвышается въ ученіи Церкви.

II, 16. Благодать Божія, благословляющая пресмщенность поколѣній во временномъ существованіи рода человѣческаго, и святое соединеніе мужа и жены для образованія семьи, есть даръ таинственный, налагающій на пріемлющихъ его высокую обязанность взаимной любви и духовную святость, чрезъ которую грѣшное и вещественное облекается въ праведность и чистоту.

За предѣлами тѣснаго круга семейнаго человѣку представляется широкій кругъ единоплеменный — народъ, состоящій изъ множества семей. Въ составѣ народа задачи и обязанности человѣка иныя, болѣе сложныя.

VI.

НАРОДНОСТЬ.

Народная личность. — Народность въ искусствѣ и наукѣ. — Общество и государство. — Двѣ основныя общественныя силы. Народы завоевательные и народы земледѣльческіе.

I, 38. Каждый народъ представляетъ такое же живое лицо, какъ и каждый человѣкъ, и внутренняя его жизнь есть ничто иное, какъ развитіе какого нибудь нравственнаго или умственнаго начала, осуществляемаго обществомъ, такого начала, которое опредѣляетъ судьбу государствъ, возвышая и укрѣпляя ихъ присушею въ немъ истиною, или убивая присушею въ немъ ложью.

Начало это является намъ въ вѣрѣ народной.

III, 131. Мѣра просвѣщенія, характеръ просвѣщенія и источники его опредѣляются вѣрою, характеромъ и источникомъ вѣры.

| Народный характеръ отражается въ искусствѣ и наукѣ.

I, 74. До сихъ поръ, сколько ни было въ мірѣ замѣчательныхъ художественныхъ явленій, все они носили явный отпечатокъ тѣхъ народовъ, въ которыхъ возникли; все они были полны тою жизнью, которая дала имъ начало и содержаніе. Египетъ и Индія, Эллада и Римъ, Италия, Испанія и Голландія, каждая изъ нихъ дала образовательнымъ искусствамъ свой особый характеръ. Памятникъ въ глазахъ историка - критика возстановляетъ исторію (разумѣется умственную, а не фактическую) исчезнувшаго народа также ясно, какъ и письменное свидѣтельство.

| II, 75. Не изъ ума одного возникаетъ искусство. Оно не есть произведеніе одинокой личности и ея эгоистической разсудочности. Въ немъ сосредоточивается и выражается полнота человѣческой жизни съ ея просвѣщеніемъ, волею и вѣрованіемъ. Художникъ не творитъ собственною своею силою: духовная сила народа творитъ въ художникѣ. Поэтому очевидно, что всякое искусство должно быть и не можетъ не быть народнымъ. Оно есть цвѣтъ духа живаго, восходящаго до сознанія, или образъ самосознающей жизни.

| Тоже и съ наукою.

I, 77. Достиженіе истины сопряжено съ безконечными ошибками и заблужденіями, и недѣла была бы надежда народа, который бы обѣщавъ себѣ науку совершенно свободную отъ односторонности и отъ всякаго самообольщенія.

Народъ-общество создаетъ государство.

Дѣятельность человѣка личная, общественная и государственная существенно различны между собою.

I, 746. Между первою и послѣднею, т. е. между частною и государственною, лежала бы бездна, если бы эта бездна не была наполнена общественною дѣятельностію. Въ цѣломъ мірѣ сфера дѣятельности частной одинакова и одинаково безцѣтна: для нея совершенно все равно, какое государство ее охраняетъ и обезпечиваетъ, только бы охраняло и обезпечивало. Не такова дѣятельность общественная. Выходи изъ жизни частной, она выражаетъ все отгѣнки, все особенности земли и народа и обуславливаетъ государство, дѣлая его такимъ, а не инымъ; она даетъ ему право, она налагаетъ на него обязанность быть самостоятельнымъ, выдѣлиться изъ другихъ государствъ. Съ ея уничтоженіемъ, еслибы такое уничтоженіе было возможно, государство теряетъ всю свою силу; оно падаетъ и не можетъ не падать, потому что не имѣетъ причины быть, потому что, какъ я сказалъ, собственно-личная дѣятельность всегда равнодушна къ охраняющему ее госу-

дарству, лишь бы охраняло ее. Она должна пасть по справедливости, потому что человекъ, лишенный одного изъ законныхъ своихъ наслѣдій (жизни общественной), будетъ естественно примыкать къ какому-нибудь другому государству, въ которомъ онъ свое наслѣдіе находитъ вполне: ибо, въ своей частной дѣятельности, человекъ есть лицо только опекаемое или оберегаемое; въ жизни же общественной—онъ зиждитель, и въ извѣстной мѣрѣ дѣятель и творецъ историческихъ судебъ. Свято и высоко значеніе дѣятельности государственной. Государство, высшее выраженіе живаго народнаго творчества, охраняетъ его отъ всякаго внѣшняго насилія, отъ всякаго внутренняго временнаго потрясенія, могущаго нарушить его законный и правильный ходъ. Безъ него область дѣятельности общественной была бы невозможна; ибо она была бы беззащитною передъ напоромъ другихъ народовъ, вооруженныхъ государственными силами, и невозможною внутри самой себя, потому что, по несовершенству человеческому, она бы постоянно нарушалась всякими личными злыми страстями, требующими принудительной силы для своего укрощенія, между тѣмъ какъ сама область общественной дѣятельности, по своему коренному характеру, есть только область мысли, мира и добровольнаго согласія. И такъ, говорю я, свято и высоко призваніе государства, хранящаго жизнь общественную и обуславливающаго ее возможность. Какъ живой органической покровъ обхватываетъ оно ее, укрѣпляя и защищая отъ всякой внѣшней невзгоды, растетъ съ нею, видоизмѣняясь, расширяясь и прилаживаясь къ ея росту и къ ея внутреннимъ видоизмѣненіямъ. Чѣмъ болѣе въ немъ мудрости и знанія своихъ собственныхъ выгодъ и своего собственнаго значенія, съ тѣмъ болѣею чуткостью слышитъ оно, съ тѣмъ болѣею ясностью видитъ оно все разнообразіе жизни общественной, съ тѣмъ болѣею гибкостью прилаживается оно къ ея формамъ и къ ея историческому росту, обхватывая ее какъ бы живою броней и постоянно укрѣпляясь ея живыми силами. Таково отношеніе государства къ жизни общественной, государства въ его нормальномъ и здоровомъ развитіи. Исторія учитъ насъ, что въ болѣзненныхъ явленіяхъ, предшествующихъ паденію народовъ, эта дѣятельность извращается и ищетъ какого-то развитія отдѣльнаго, враждебнаго народной жизни и, слѣдовательно, невозможнаго. Живой покровъ обращается въ какую-то сухую скорлупу, толстѣетъ и повидному крѣпнеть отъ оскудѣнія и засыханія внутренняго живаго ядра; но въ тоже время онъ дѣйствительно засыхаетъ, дряхлѣетъ и, наконецъ, рассыпается при малѣйшемъ ударѣ. Это какой-то историческій свинецъ, наполненный прахомъ сгнившаго народа.

Есть народная гордость, есть народное смиреніе.

I, 8. Смиреніе человѣка, также какъ и смиреніе народа, могутъ имѣть два значенія совершенно противоположныя. Человѣкъ или народъ сознаетъ святость и величіе закона нравственнаго или духовнаго, которому подчиняетъ онъ свое существованіе; но въ тоже время признаетъ, что этотъ законъ проявленъ имъ въ жизни недостаточно или дурно, что его личные страсти и личные слабости испортили прекрасное и святое дѣло. Такое смиреніе велико, такое признаніе возвышаетъ и укрѣпляетъ духъ, такое самоосужденіе внушаетъ невольное уваженіе другимъ людямъ и другимъ народамъ. Но не таково смиреніе человѣка или народа, который сознается не только въ собственномъ безсиліи, но въ безсиліи или неполнотѣ нравственнаго или духовнаго закона, лежащаго въ основѣ его жизни. Это не смиреніе, а отреченіе. Человѣкъ разрываетъ всѣ связи съ своей прошедшей жизнью, онъ перестаетъ быть самимъ собою; а если онъ говоритъ отъ имени народа, то уже тѣмъ самымъ онъ отъ народа отрывается.

I, 127. Всякое общество находится въ постоянномъ движеніи; иногда это движеніе быстро и поражаетъ глаза даже не слишкомъ опытнаго наблюдателя, иногда крайне медленно и едва уловимо самымъ внимательнымъ наблюденіемъ. Полный застой невозможенъ, движеніе необходимо; но когда оно не есть успѣхъ, оно есть паденіе. Таковъ всеобщій законъ. Правильное и усиленное движеніе разумнаго общества состоитъ изъ двухъ разнородныхъ, но стройныхъ и согласныхъ силъ. Одна изъ нихъ основная, коренная, принадлежащая всему составу, всей прошлой исторіи общества, есть сила жизни, самобытно развивающаяся изъ своихъ началъ, изъ своихъ органическихъ основъ; другая, разумная сила личностей, основанная на силѣ общественной, живая только ея жизнью, есть сила никогда ничего не создающая и не стремящаяся что нибудь создать, но постоянно приносящая трудъ общаго развитія, не позволяющая ему перейти въ слѣноту мертвеннаго инстинкта или вдаваться къ безразсудную односторонность. Обѣ силы необходимы; но вторая, сознательная и разсудочная, должна быть связана живою и любящею вѣрою съ первою силою жизни и творчества. Если прервана связь вѣры и любви, наступаютъ раздоръ и борьба.)

Рѣзко различаются народы завоевательные и земледѣльческіе.

III, 106. Народы завоевательные, по первоначальному своему характеру, сохраняютъ навсегда чувство гордости личной и презрѣніе не только ко всему побѣжденному, но и ко всему чуждому. Таковъ Монголецъ, таковъ былъ Кельтъ, таковъ Турокъ. Это чувство презрѣ-

нія къ чужому долго сохраняютъ народность ихъ. Побѣдители, они угнетаютъ поработенныхъ и не смѣиваются съ ними; побѣжденные, они упорно прогивяга въліянію побѣдителей и хранятъ въ душѣ инстинкты, зарожденныя въ нихъ вѣками старинной славы.

Народы земледѣльческіе ближе къ общечеловѣческимъ началамъ. На нихъ не дѣйствовало гордое волшебство побѣды; они не видали у ногъ своихъ поверженныхъ враговъ, обращенныхъ въ рабство закономъ меча, и не привыкли считать себя выше своихъ братьевъ, другихъ людей. Отъ этого они воспріимчивѣе ко всему чуждому. Имъ недоступно чувство аристократическаго презрѣнія къ другимъ племенамъ, но все человѣческое находитъ въ нихъ созвучіе и сочувствіе.

VII.

ЧЕЛОВѢЧЕСТВО.

Смѣна народовъ въ исторіи.—Задачи исторической науки.—Общій характеръ народовъ древности.—Купиты и Ираццы.

Возвышаясь надъ дѣленіемъ народнымъ и надъ болѣе широкимъ дѣленіемъ, племеннымъ, человѣкъ сознаетъ себя членомъ великой семьи народовъ, иначе—человѣчества. Изучая его исторію, онъ видитъ, какъ постепенно, въ теченіе вѣковъ, на историческомъ поприщѣ одинъ народъ смѣнялся другимъ, и доходитъ до разумѣнія задачъ и призванія того народа, къ которому принадлежитъ самъ. Смѣна народовъ въ исторіи міра открываетъ намъ смыслъ поступательной дѣятельности всего человѣчества. Но чтобы угадывать этотъ смыслъ, историкъ долженъ уметь различать существенное отъ второстепеннаго.

IV, 660. И въ самомъ историческомъ мірѣ многія явленія (быть можетъ большая часть явленій) ничтожны, обречены забвенію и достойны его; но они выносятся изъ бездны прошедшаго, выдвигаются на поприще историческое, получаютъ смыслъ, значеніе и право на безсмертіе отъ тѣхъ центровъ живой мысли и слова, отъ тѣхъ двигателей просвѣщенія, съ которыми находятся въ случайномъ прикосновеніи. Только то имѣетъ право на память человѣческую, что оставило по себѣ слѣды, что подвинуло впередъ родъ человѣческій по путямъ науки или преданія, что не только жило, но и живетъ и будетъ жить. Исторія Монголовъ погибла съ ними и отзывается только въ ея вліяніи на Россію, Персію или Индустанъ; но она входитъ въ исторію человѣчества только какъ рассказъ о бурѣ, разрушившей половину города, входитъ въ исторію города.

III, 29. Не дѣла лицъ, не судьбы народовъ, но общее дѣло, судьба жизни всего человѣчества, составляютъ истинный предметъ исторіи,

Говоря отвлеченно, мы скажемъ, что мы, мелкая частица рода человѣческаго, видимъ развитіе своей души, своей внутренней жизни во внѣшней жизни милліоновъ людей на всемъ пространствѣ земнаго шара. Тутъ уже имена дѣлаются случайностями, и только духовный смыслъ общихъ движеній и проявленій получаетъ истинную важность. Говоря практически, мы скажемъ, что въ исторіи мы ищемъ самаго начала человѣческаго рода, въ надеждѣ найти ясное слово объ его первоначальномъ братствѣ и общемъ источникѣ.

III, 531. Взглядъ на древнее разсѣяніе семей и древнее расселеніе человѣческаго рода, на стройное, многозначительное и духовно-живое строеніе первобытнаго языка, на безконечное пространство пустынь, пройденное первыми обитателями земли, на безпредѣльность морей, переплытыхъ основателями первыхъ за-океаническихъ колоній, на тождество религій, обрядовъ и символовъ съ одного края земли до другаго, представляетъ неоспоримое свидѣтельство о великомъ просвѣщеніи, всемірномъ общеніи и умственной дѣятельности временъ доисторическихъ, о позднѣйшемъ искаженіи всѣхъ духовныхъ началъ, объ одичаніи человѣчества и о печальномъ значеніи такъ-называемыхъ героическихъ вѣковъ, когда борьба незаконныхъ и буйныхъ силъ поглотила въ себѣ всѣ великія преданія древности, всю жизнь мысли, всѣ начала общенія и всю разумную дѣятельность народовъ. Зародышъ этого зла очевидно въ той странѣ, которой слава открываетъ рядъ историческихъ вѣковъ—въ странѣ Кушитовъ, ранѣе всѣхъ забывшихъ все чисто-человѣческое и замѣнившихъ это древнее начало началомъ новымъ, условно-логическимъ и вещественно-образованнымъ.

III, 69. Мы безпрестанно слышимъ: какъ могла младенчествующая механика поднять громады камней, предъ которыми усовершенствованная наука признаетъ свое беспліе? Какъ могли слабыя суда древней торговли переплывать бурныя моря и покорять волны океана безъ компаса, безъ знанія географіи, почти безъ астрономіи? Какъ могло такое чудное развитіе философской мысли ознаменовать первые шаги человѣческаго ума? — Мы не должны и не можемъ измѣрять по себѣ вѣка глубокой древности. [Семья человѣческая, развившаяся отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, чуждая ихъ знаніямъ и страстямъ, ограничивала всю свою дѣятельность какою-нибудь одною цѣлію, опредѣленною характеромъ мѣстности, нуждою, первоначальною прихотью, вѣрованіемъ или внутреннимъ строемъ ума.] Какъ ребенокъ поощренный неожиданною удачей случайнаго опыта, народъ стремился всѣми силами своего воображенія по начатому пути. Самолюбіе разгаралось отъ успѣха, и холодный разумъ наполнялся всѣмъ жаромъ, всею энергіею страсти. Тогда еще жили народы жизнью общою: не писанными

законами, не мертвымъ обычаемъ, не хитростью политическаго устройства связаны были между собою лица составлявшія общества, но единствомъ мысли, воли и быта. Словомъ, *смыслъ человѣчскій* было не слово, а дѣло. Кровное родство связывало людей, родство физиономіи, внутренней организаціи, жизни тѣлесной и духовной. Гдѣ же теперь можемъ мы пайти мѣрило для могучихъ явленій этой эпохи? Мы должны понять, что теперь строить Левъ X или Людовикъ XIV, что теперь путешествуютъ Кукъ или Лаперузъ; а что тогда пирамида строилась во всемъ Египтѣ, путешествіе предпринималось всей Финикіей, задача философіи разрѣшалась во всемъ Индустанѣ (сѣверномъ), задача правленія была помысломъ всего Китая. Каждый народъ имѣлъ свою исключительную страсть, и для достиженія своей цѣли (будь она физическая или умственная) народъ возставалъ какъ мужъ одинъ. Вся поэзія, весь разумъ, все радости Кушита были въ томъ, что онъ землю разрѣзывалъ рѣками, выкапывалъ моря, поднималъ горы на воздухъ и покорялъ рѣзцу упрямую твердость порфировъ и базальтовъ. За то старый Вавилонъ, котораго стѣны были выше теперешнихъ башенъ, а башни остались сказочнымъ преданіемъ всего человѣчества, Вавилонъ помнилъ, что онъ построенъ Нимродомъ Кушитомъ. За то южный Индустанъ, страна, въ которой пещеры роскошнѣе самыхъ богатыхъ храмовъ и дворцовъ, и въ которой цѣлые города высѣчены въ камиѣ безумной фантазіей забытаго народа, южный Индустанъ напоминаетъ намъ въ имени Мизоръ градостроительнаго Мизра, брата Кушева. За то вездѣ, гдѣ храмъ или обелискъ, или пещера ужасають васъ какимъ-то буйствомъ исполинскихъ размѣровъ, вы говорите: это слѣдъ Кушита, вдавившійся въ камень, это рука Кушита, разсѣкавшая горы. Жизнь, счастье, любовь, все для Финикійца было въ борьбѣ съ волнами. Напрасно бы мы стали спрашивать, какой цѣли онъ ищетъ за моремъ, какихъ богатствъ ожидаетъ въ награду за труды, зачѣмъ онъ цѣлые четыре года своей жизни посвящаетъ на обходъ горящихъ береговъ Африки? Онъ переплываетъ моря, потому что онъ не можетъ жить не переплывши ихъ, и Эринъ населяется его колоніями, бури мыса Доброй Надежды щадятъ корабли его, а монеты Финикійскія зарываются въ глубину пустынь Американскихъ, чтобы изумить несмѣлое воображеніе людей XIX вѣка. Китайъ въ отношеніи науки государственной то же, что Финикія въ мореходствѣ и Египетъ въ зодчествѣ. Раскройте его лѣтопись, взгляните на духъ его древнихъ философовъ, на характеръ его литературы, и вы поймете тридцативѣковое существованіе имперіи. Нужна поэзія, чтобы узнать исторію; нужно чувство художественной, то-есть чисто-человѣческой нити, чтобы угадать могу-

щество односторонней энергіи, одушевлявшей миллионы людей. Односторонность народовъ — вотъ разгадка древности и ея чудесь.

III, 527. Гораздо прежде народовъ Мидо-Бактрійскихъ вышли Кушиты на поприще исторіи. Ограничивъ просвѣщеніе свое знаніемъ видимаго и чувственнаго, поставивъ законъ необходимости и вещественнаго организма на мѣсто свободнаго духа, оторвавшись отъ великихъ преданій древности и утративъ чистоту слова вмѣстѣ со святостью мысли, они сосредоточили всѣ способности ума къ достиженію одной цѣли, къ созданію жизни удобной и привольной; условная жизнь создала условную форму общины, и возникли государства. Строго-логическое развитіе данныхъ, избранныхъ развратомъ произвола, дало твердость и вѣшнюю гармонію нововозникшимъ державамъ. Одностороннее направленіе просвѣщенія достигло развитія колоссальнаго въ художествахъ и въ стройномъ употребленіи совокупныхъ силъ человѣческихъ. Гордое сознаніе своего могущества и презрѣніе ко всѣмъ другимъ семьямъ, хранящимъ простой бытъ младенчествующихъ общинъ, подвинуло Кушитовъ на Иранъ. Созданный ими, возсталъ Вавилонъ на берегахъ Евфрата, и далѣе, все далѣе на Сѣверъ, подвигался ихъ торжествующія дружины, налагая тяжкія цѣпи на побѣжденныхъ, воздвигая неприступныя твердыни въ покоренныхъ земляхъ, созидавая великолѣпныя столицы въ дѣвственной красотѣ пустынь, сокрушая все силою своего вещественнаго знанія и условной совокупности, соблазняя всѣхъ искушеніемъ своей роскоши и вещественныхъ наслажденій. Все далѣе и далѣе подвигался потокъ, до Чернаго моря, до Кавказа и Каспія, до Бактріи и Гималаи. Но въ безсильномъ Иранѣ были духъ жизни и слово, хранящее послѣдство мысли, и еще неискаженное преданіе, завѣщанное человѣку древними его родоначальниками. Угнетеніе вызвало борьбу. Борьба вызвала дремлющія силы. Могущество, основанное на началахъ условныхъ, но лишенное внутренняго плодотворнаго содержанія, пало передъ взрывомъ племенъ, сохранившихъ еще простоту безыскусственной жизни и чистоту неспорченной вѣры. Духъ восторжествовалъ надъ веществомъ, и племя Иранское овладѣло миромъ. Прошли вѣка, и его власть не слабѣетъ, и въ его рукахъ судьба человѣчества. Потомки пожинаютъ плодъ заслугъ своихъ предковъ, заслугъ, выказанныхъ и засвидѣтельствованныхъ неизмѣнностью слова. Величіе Ирана не дѣло случая и условныхъ обстоятельствъ. Оно есть необходимое и прямое проявленіе духовныхъ силъ, жившихъ въ немъ искони, и награда за то, что изъ всѣхъ семей человѣческихъ онъ долѣе всѣхъ сохранялъ чувство человѣческаго достоинства и человѣческаго братства, чувство, къ несчастію, утраченное Иранцами въ упоеніи ихъ побѣдъ и вызванное снова, но уже не собственною силою ихъ разума.

Иранцы

Таково значеніе Ирана, и если-которая побудь изъ его семей, долѣе всѣхъ хранившая преданія семейнаго быта и потому самому позднѣе всѣхъ проявившаяся въ дѣятельности исторической, чище всѣхъ (кроме одной, замкнувшей себя въ касту) охранявшая наследство слова и тѣмъ самымъ свидѣтельствующая о сохраненіи духовнаго начала, если эта семья возстала внезапно въ изумительномъ величіи, сокрушая всѣ преграды, обнимая владѣніями своими неизмѣримыя пространства, возрастая со дня на день въ могущество и власти,— наука не должна признавать этого величія за несправедливую игру слѣпаго случая, не должна роптать на судьбу или завистливо клеветать на возведенную общину. Тайна ея торжествъ заключается въ ея словѣ. Сила внѣшняя есть плодъ силы внутренней, пространство владѣній и вещественное могущество суть проявленія могучаго мысленнаго начала, и въ многолюдствѣ племени (математическомъ превосходствѣ надъ другими) живетъ свидѣтельство о духѣ братства, общенія и любви. Да не забудется это чисто-человѣческое значеніе, чтобы не упала великая семья! Да не утратятъ счастливые потомки вѣнца, заслуженнаго ихъ многострадавшими предками!

VIII.

Славянство.—Древнее разселеніе Славянъ. — Судьбы ихъ въ новое время. — Возрожденіе Славянства.

Колыбель Славянскаго племени—Бактрія *). Тамъ, въ началѣ историческихъ вѣковъ, является намъ Славянская семья народовъ.

Она составляла часть Ирана, семью Вановъ или Вендовъ, многочислѣннѣйшую изъ всѣхъ его семей, менѣе всѣхъ искаженную военными столкновеніями съ завоевательными Хамитами и отъ этого болѣе всѣхъ сохранившую черты первоначальнаго быта. Прежде всѣхъ выслала она колоніи свои на Сѣверо-Западъ, сильнѣе всѣхъ дѣйствовала она на древнемъ Востокѣ; но въ политическихъ переворотахъ первобытнаго Ирана она еще не жила отдѣльною жизнью, а только какъ членъ великаго семейнаго союза.

Племена Сѣверо-Индійское и Славянское раздѣлились въ одномъ и томъ же возрастѣ, на одной и той же высотѣ общечеловѣческаго

*) Мы не вводимъ здѣсь подлинныхъ выписокъ въ подтвержденіе этого взгляда Хомякова какъ въ виду многочисленности отдѣльныхъ замѣтокъ въ „Запискахъ о всемирной исторіи“, посвященныхъ его доказательству, такъ и вслѣдствіе сравнительной частности вопроса по отношенію нити изложенія.

корня. Это подтверждается близкимъ сходствомъ языковъ Санскритскаго и Славянскаго *).

Со своей первоначальной родины Славянское племя постепенно распространялось къ Западу.

III, 432. Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыр-Дарьи и Инда до Дуары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра все измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной, въ многочислѣннѣйшей изъ отраслей Иранскихъ, продолжалась древняя жизнь молодого человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ мифическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колосса—мысль Индустанская и бытъ Славянскій: братья, которые обличаютъ братство свое полнымъ тождествомъ формъ словесныхъ и логически стройнымъ ихъ развитіемъ изъ общихъ корней.

Поселенія Славянъ отмѣчены однимъ общимъ характеромъ.

*) III. 34. Геній языковъ Славянскаго и Санскритскаго, *доминанты* въ звукахъ такъ ясно сходны между собою или, лучше сказать, такъ явно одни и тѣже, что братство ихъ такъ же мало подвержено сомнѣнію, какъ братство Эллинскаго и Римскаго языковъ. Ихъ можно скорѣе назвать паричіями, чѣмъ языками. Для разрѣшенія этого вопроса пословица: *людская мова, морская волна*, болѣе значитъ, чѣмъ десятки томовъ для человѣка, которому не чужды звуки Старо-Индійскихъ языковъ. Волнообразный ходъ, металлическій звукъ, преобладающее *а*, все въ нихъ общее; для Русскаго Санскритскія слова *звучатъ* знакомо, и онъ удивляется не тому, что такъ много встрѣчается словъ понятныхъ, но тому, что такъ много словъ ему неизвѣстныхъ въ языкѣ, столь родномъ по характеру. *Мысль, умъ, знаніе, видѣніе, ать, семь*, все слова коренныя, все звуки, въ которые облечено внутреннее сознаніе человѣка, одинаковы въ Санскритѣ и Славянскомъ.

Хомяковъ составилъ и напечаталъ цѣлый сравнительный словарь Русскихъ словъ съ Санскритскими.

III, 53. Гдѣ Венды (люди водные), тутъ корабли, тутъ дерзость мореходца, тутъ предприимчивая торговля, тутъ морскою разбой, тутъ суда не каботажныя, не береговыя, а крутобокія, гордо высящіяся надъ водою, удивляющія Римлянъ, готовыя на борьбу съ океаномъ. И это не разсѣянныя племена, безъ связи и сношеній между собою, а цѣпь неразрывная, обхватывающая половину Европы.

III, 508. Таковы были искони Славяне, древніе просвѣтителі Европы, долгіе страдальцы чужеплеменнаго своеволія, Брахманы Запада, но Брахманы не мудрствовавшіе, а бытовые, не сплотившіеся нигдѣ въ жреческую касту, не образовавшіе нигдѣ сильнаго государства, но хранившіе въ формѣ мелкихъ общинъ или большихъ семей преданія и обычаи человѣческіе, принесенные ими изъ своей Иранской колыбели. Осужденные на тысячелѣтнія страданія, вознагражденные позднимъ величіемъ, они могли бы роптать на свою трагическую судьбу, если бы на нихъ не лежала вина человѣкообразной вѣры и искаженія высокой духовности Иранской, исчезнувшей передъ сказочными вымыслами и житейскимъ направленіемъ Славянскаго ума *).

*) Знаменательны имена, присвоенныя отъ начала Славянскому племени.

III, 496. Въ наше время, когда люди сохраняютъ имена, данныя имъ безотвѣтному дѣтству и народы носятъ бессмысленныя прозвища, переданныя отъ поколѣній въ поколѣнію, не смотря на совершенное измѣненіе жизни и языка, собственное имя вообще уже ничего не значить. Не такъ было въ глубокой древности, точно также какъ и въ народахъ, живущихъ до сихъ поръ въ безыскусственной дикости. Тамъ прозвище и имя дѣйствительно опредѣляютъ характеръ лицъ и опредѣляли характеръ народа. Человѣкъ, избирающій свое имя, соглашается его съ тѣмъ качествомъ, которымъ онъ отличается; а по естественному самолюбію, ему кажется, что то качество, которымъ онъ отличается, есть лучшее и высшее изъ качествъ человѣческихъ. Онъ или дѣйствительно обладаетъ имъ, или имѣетъ призваніе на него; но во всякомъ случаѣ въ его имени виденъ его идеалъ человѣческаго совершенства.

III, 497. Вѣроятнѣйшая этимологія слова *Венды* или *Вулинъ* есть *вода* (иначе *вода* или *венда*). Разсматривая Славянъ, какъ великую отрасль единобожниковъ и духовно-клонниковъ Иранцевъ, мы легко можемъ уже понять, что вода и огонь были собственно приняты первыми просвѣщенными предками Иранскаго племени за великіе символы великаго духа, и что при раздѣленіи семей особенное направленіе мысли избрало у западно-Иранцевъ *огонь*, а у Славянъ *воду* за преимущественное изображеніе божества. Наконецъ, съ паденіемъ религіозныхъ понятій и съ огрубѣніемъ челоѣчества, символъ мало по-малу заступилъ мѣсто творческаго духа, и племя приняло имя отъ обоготворенной стихіи.

Еще замѣчательнѣе другое прозвище племени—*Славяне*.

III, 498. Глаголь *смытъ*, существительное *слово*, вотъ корни названія *Славяны*. Мы уже сказали, что въ старину всякій народъ заключалъ въ свое имя свой идеалъ человѣческаго совершенства. Восточно-Иранское племя раздѣлилось на двѣ отрасли: одно, по имени Божественнаго духа, радующагося бытію (*бъ* и *рама*), приняло прозвище *Брахманы* (по искаженію *Брахманы*), т. е. людей духовныхъ; другое отъ высшего изображенія понятія, отъ единственнаго орудія общительности, *слова*, приняло прозвище людей говорящихъ, то есть мирныхъ, общительныхъ, выражающихъ мысленныя сло-

Славянское племя всегда и вездѣ было вѣрно своимъ кореннымъ началамъ. Въ пору несравненно болѣе позднюю, одинъ Славянскій народъ отклонился отъ нихъ.

I, 486. Войниственная семья Ляховъ, болѣе другихъ принявшая въ себя примѣсь иноземныхъ стихій (Кельтовъ и Сарматовъ) и вмѣстѣ съ ними характеръ аристократическихъ дружинъ, подпала вполнѣ влиянію Римскаго духовенства и слѣдовательно Западнаго міра, отъ котораго она получила свое одностороннее направленіе. Не поневолѣ, не вслѣдствіе насилія, согласилась Польша примкнуть къ Германіи, унизиться до состоянія вассала и сдѣлаться орудіемъ Римскаго и Германскаго властолюбія, но по внутреннему сочувствію высшаго сословія, еще долго стыдившагося Славянскаго имени и гордившагося названіемъ завоевателей-Сарматовъ. Католицизмъ, чуждый остальнымъ Славянскимъ семьямъ, нашелъ въ Польшѣ или, лучше сказать, въ ея правительственныхъ дружинахъ, ревностныхъ и въ тоже время обманутыхъ поборыковъ. За всѣмъ тѣмъ это ложное и не-Славянское направленіе Польши зависѣло не столько отъ кореннаго племени Ляховъ, сколько отъ иноземныхъ стихій, овладѣвшихъ имъ. Оно рѣшило историческую судьбу Польши, но само должно исчезнуть въ ней по мѣрѣ усиленія истинно-народнаго и чисто-Славянскаго характера.

III, 97. Славяне, коренные сгарижлы всей Европы, градостроители и землепашцы, вытѣснены были или порабощены Кельтами и Германцами-завоевателями.

Вся западная половина Европы была потеряна для Славянства. Въ однихъ мѣстностяхъ Славяне, подъ напоромъ иноплемennыхъ стихій, утратили свой языкъ, въ другихъ сохранились на степенн племени подвластнаго или угнетеннаго. И вотъ, въ недавнее время, началось возрожденіе Славянства.

Починъ ему положила наука, археологія.

I, 512. Она явилась силою живою и плодотворною, пробудила много сердечныхъ сочувствій, которыя до тѣхъ поръ не были сознаны и глохли въ мертвомъ забвеніи; возобновила много источниковъ, занесенныхъ и засыпанныхъ чужеземными наносами. Чехъ и Словакъ, Хорватъ и Сербъ почувствовали себя родными братьями-Славянами; съ радостнымъ удивленіемъ видѣли они, что чѣмъ далѣе углублялись въ древность, тѣмъ болѣе сближались они другъ съ другомъ и въ характерѣ памят-

вомъ невещественное сокровище мысли. Оно назвало свои правительственныя или судебныя собранія *Виче* (отъ чего Польское *вицниа*) или *Римъ* (отъ чего Римское республика), оно назвало себя народомъ *Славянскимъ*. Такова основа его исторіи, таковъ духъ въ немъ тайно живущій, такова разгадка его братства съ Индустаномъ и неприкосновенности его словеснаго достоянія.

никовъ, и въ языкѣ, и въ обычаяхъ. Какая-то память общей жизни укрѣпляла и оживляла многострадавшія поколѣнія; какая-то теплота общаго гнѣзда согрѣвала сердца, охладѣвшія въ разъединенномъ бытѣ. Шире и благороднѣе стали помыслы, тверже воля, утѣшительнѣе будущность. Важнѣе же всего та истина, добытая изъ археологическихъ изслѣдованій, истина, еще не всѣми сознаваемая и даже многими отрицаемая съ ожесточеннымъ упорствомъ, что вѣра Православная была первою воспитательницею молодыхъ племенъ Славянскихъ, и что отступничество отъ нея нанесло первый и самый жестокий ударъ ихъ народной самобытности. Полное и живое сознаніе этой истины будетъ великимъ шагомъ впередъ. Оно не минуетъ. Богатые плоды уже добыты наукою для современныхъ Славянъ, но впереди можно смѣло ожидать жатвы еще богатѣйшей.

I, 488. Долго страдавшій, но окончательно спасенный въ роковой борьбѣ, болѣе или менѣе во всѣхъ своихъ общинахъ некаженный чуждою примѣсью, но нигдѣ не заклеянный насльдственной печатью преступленія и несправедливаго стяжанія, Славянскій міръ хранить для человѣчества, если не зародышъ, то возможность обновленія.

IX.

Р О С С І Я.

Значеніе Россіи для Славянства.—Коренныя особенности Русскаго народа.—Его отношеніе къ Христіанству.—Участіе Церкви въ созданіи Русскаго государства.—Значеніе Москвы.—Дружина. — Воярство.—Сословность.—Начало общинное и начало личное — Народная исключительность.—Сторонники новизны.—Петръ Великій.—Формализмъ въ Русской жизни.—Отчужденіе Русскаго образованнаго общества отъ Русской старины и Русской народности.

Одинъ изъ Славянскихъ народовъ сложился въ великое государственное цѣлое. Въ немъ, хотя еще и далеко отъ полнаго осуществленія, но уже отчасти осуществляются задатки и чаянія всего Славянскаго племени. Поэтому Русское дѣло—Славянское дѣло; ростъ Россіи—ростъ Славянства; побѣда Россіи—побѣда Славянской идеи въ мірѣ. Исконныя стихіи Славянства, присущія Русскому народу: чистота семейнаго начала, крѣпость общинной связи, простота земледѣльческаго быта, древность градостроительства, предприимчивость торговли, всѣ эти признаки, вездѣ сопутствующіе Славянскому племени, ясно различаются при самомъ началѣ Русской исторіи. Но всего ярче выступаетъ одна ея особенность.

I, 231. Другія земли новѣйшей Европы въ своей цѣлости созданы вещественною силою завоеванія и завоевательныхъ пле-

мень, принявшихъ въ послѣдствіи христіанскую вѣру. Наша старая Русь создана самымъ Христіанствомъ. Таково сознаніе св. Нестора; таково сознаніе св. Іларіона, пророчески провидѣвшаго призваніе Русской земли; таково же сознаніе и перваго изъ извѣстныхъ намъ поклонниковъ нашихъ въ Іерусалимѣ, гдѣ, передъ гробомъ Спасителя, онъ соединяетъ въ одну молитву всю святую Русь и всѣхъ ея князей. Всѣ прочія связи, рыхлыя и некрѣпкія сами по себѣ, получали крѣпость и освященіе отъ одной этой неразрушимой связи. Но, опредѣливъ значеніе христіанской вѣры въ ея дѣйствіи на Русскую землю, еще надобно ясно понять отношеніе Русскаго народа къ вѣрѣ христіанской. Какое-то глубокое отвращеніе отъ древняго своего язычества замѣтно въ народахъ Славянскихъ, кромѣ Поморія, гдѣ вражда народная произвела вражду противъ Христіанства. Казалось, что не проповѣдь истины искала Славянь, а Славяне искали проповѣди лжи. Такое движеніе умовъ замѣтно по рассказамъ лѣтописцевъ не въ одной Русской землѣ, а въ Моравіи и Чехіи, въ Болгаріи и Козаріи (которой населеніе было по большей части Славянское), и въ Польшѣ. Но самое это движеніе, указывая на скрытый анализъ прежнихъ, отвергаемыхъ вѣрованій, принадлежало, по вѣроятности, сравнительно-образованнѣйшей части народа, оставляя большую часть его въ тупомъ равнодушіи, смѣшанномъ съ безсмысленнымъ суевѣріемъ, остаткомъ переродившагося или умершаго вѣрованія. Таковъ отчасти былъ ходъ умовъ въ мірѣ Элліино-Римскомъ, особенно на Западѣ, въ которомъ сѣла долѣе чуждались Христіанства, чѣмъ города (отъ того и слово рагані—селяне); таковъ, вѣроятно, былъ ходъ ума и въ другихъ странахъ при паденіи древнихъ религій передъ требованіемъ разума. Разумно вступали Ольга, Владимиръ, дружина и старцы градскіе въ нѣдра Православія. Съ дѣтскимъ спокойствіемъ слѣдовала за ними большая часть земской общины, управляемая болѣе довѣріемъ къ людямъ, чѣмъ вѣрою въ высокое и сознаніе начало христіанской истины. Быть можетъ, мѣстами являлось нѣкоторое принужденіе, противное Христіанству (какъ видно изъ словъ св. Іларіона и Новгородской поговорки: «Путята крестилъ огнемъ, а Добрыня мечемъ»); но, безъ сомнѣнія, вообще введеніе Православія не сопровождалось жестокостью, какъ во многихъ Германскихъ областяхъ. За всѣмъ тѣмъ безпристрастная критика должна признать, что земля Русская въ большей части своего населенія приняла болѣе обрядъ церковный, чѣмъ духовную вѣру и разумное исповѣданіе Церкви. Этому находимъ мы ясныя доказательства въ памятникахъ нашей духовной словесности и законодательства, въ жалобахъ на языческіе обряды, какъ напр. на поклоненіе роду и рожаницѣ, на отсутствіе брака во многихъ обла-

стяхъ (въ которыхъ сельскіе жители замѣняли прогулкою около куста церковное благословеніе, считая его нужнымъ только для бояръ и князей) и на развратъ нравовъ, оставшійся, какъ наследство языческаго міра (такъ напримѣръ, обычный развратъ, о которомъ свидѣтельствуется уже преподобный Песторъ, сохранялся въ землѣ Вятчей и Радимичей неизмѣннымъ до нашего времени и прекращенъ весьма недавно мудрою мѣрою правительства). Эти жалобы имѣютъ особый характеръ. Это не жалобы на порокъ личный, на буйство страсти, на неисполненіе закона, котораго святость человѣкъ признаётъ, но строгости котораго онъ покоряться не хочетъ: нѣтъ, это жалобы на отсутствіе закона, на тупое невѣжество, на совершенное неразуміе коренныхъ основъ Христіанства, и многія изъ нихъ принадлежатъ эпохѣ весьма поздней. Къ равнодушному и холодному вступленію въ церковное общество должно прибавить недостатокъ въ проповѣдникахъ Слова Божія въ первое время, а въ послѣдствіи недостатокъ въ письменныхъ его памятникахъ, которыхъ несправность и часто грубыя ошибки свидѣлствуютъ о непониманіи и о весьма слабомъ желаніи ихъ понимать. Наконецъ, страшные погромы Татаръ, уничтоживъ множество книгъ и раскидавъ народъ, имѣли послѣдствіемъ явное увеличеніе дикости и невѣжества.

I, 233. Недостатокъ христіанскаго просвѣщенія, скрывавшійся за христіанскимъ обрядомъ, выступилъ наружу при первыхъ попыткахъ книжнаго исправленія уже при Максимѣ Грекѣ (хотя онъ страдалъ по другимъ причинамъ) и въ послѣдствіи произвелъ тѣ старообрядческіе расколы, которыхъ появленіе принадлежитъ XVII-му вѣку, а корень таится въ глубочайшей древности и въ особенностяхъ распространенія Христіанства въ Россіи. Однимъ изъ яснѣйшихъ доказательствъ такого мнѣнія можно почитать и то обстоятельство, что въ Россіи самыя явные и сильные остатки язычества и его повѣрій совпадаютъ съ тѣми мѣстностями, въ которыхъ сильнѣе распространено старообрядство, и что эти мѣстности удалены отъ древнихъ и живыхъ средоточій, въ которыхъ первоначально проповѣдывалось Слово Божіе просвѣтителями Русской земли.

I, 763. Первый расколъ былъ расколъ обрядовой. Отъ чего возникъ онъ и въ чемъ состоялъ? Церковный обрядъ утверждается и опредѣляется іерархіею, но не безъ содѣйствія всей Церкви, не безъ сочувствія и требованія отъ мірянъ: обрядъ есть въ тоже время обычай. Когда въ Россіи іерархія въ XVII столѣтіи замѣтила порчу обряда и приступила къ его исправленію, она, съ одной стороны, нѣсколько забыла про эти права свободы мірянъ, а съ другой забыла, что сама она участвовала въ порчѣ, терпѣла ее, поощряла и благо-

словляла. Она безспорно была права въ своихъ намѣреніяхъ, но не права въ пути, который избрала. Въ дѣло исправленія обычая она вступила не убѣжденіемъ, медленно создающимъ новый лучшій обычай, а властью всегда враждебной обычаю и всегда оскорбительной для умственной свободы. Часть Русскаго народа стала за старый обрядъ, за старый обычай и какъ будто за дѣйствительное право. Такъ создался первый, обрядовой расколъ. Но, отправляясь, можетъ быть, отъ идеи свободы, и въ тоже время заключаясь въ обрядъ, онъ обратился въ обрядовое рабство. На этомъ духъ Русскаго человѣка остановиться не могъ. Наступило время полнѣйшаго отчужденія, какъ будто вторая эпоха раскола; но это еще ошибка: кажущееся отрицаніе остается въ полномъ рабствѣ обряда у безпоповщины. Черезъ нѣсколько времени, можетъ быть, вслѣдствіе толчка случайнаго, онъ возсталъ противъ этого рабства и, какъ всякой бунтъ, разрушая цѣпи односторонности его сковавшія, онъ впалъ въ другую односторонность, въ другую крайность: въ полное отрицаніе обрядства. Это расколъ Духоборческой или Молоканской. Грустно всякое разъединеніе, всякое заблужденіе. Но въ первыхъ, быть можетъ, эти печальныя явленія всегда сопровождаютъ всякое развитіе сознанія; во вторыхъ, нельзя не замѣтить, что Молоканская ересь какъ будто бы подготавливаетъ сознательный возвратъ раскола къ Православію. Таково по крайней мѣрѣ указаніе, которое мы находимъ въ прекрасной пѣснѣ о бракѣ, нѣкогда признаваемомъ за грѣхъ у безпоповщины и вновь признаваемомъ за союзъ святой въ духовномъ смыслѣ у нѣкоторыхъ Молоканъ (хотя извѣстно, что онъ другими вовсе отвергается). Но, какъ уже сказано, путь пройденный расколомъ, какъ онъ ни великъ, далеко не охватываетъ области Русскаго духа въ его стремленіи къ Божественной истинѣ. Православный также горячо любитъ обряды, какъ самый страстный старообрядецъ, но эта любовь свѣтла и свободна. Православный также стремится къ созерцанію духовному, какъ Молоканъ, но онъ не отрицаетъ обряда, и ему не нужно его отрицать, потому что онъ никогда не былъ его рабомъ. Сквозь прозрачный покровъ обряда, видимо соединяющаго всѣхъ, онъ слышитъ, онъ чувствуетъ его духовный смыслъ, только облеченный, такъ сказать, во всецерковный образъ. Намъ нечего стыдиться нашего раскола. Отъ дикой энергіи морельщика до поэтическаго стремленія къ созерцанію Божественной правды у Молокана, онъ всетаки достоинъ великаго народа и могъ бы внушить почтеніе иноземцу; но, какъ я уже сказалъ, онъ далеко не обнимаетъ всего богатства Русской мысли. Того, что заключается въ краткомъ и величавомъ спокойствіи православнаго духа, того, можетъ быть, не угадалъ бы и наблюдатель далеко не поверхностный; но энергія, которая скры-

вается въ этомъ покоѣ, высказалась въ старообрядцѣ - морельщикѣ, а глубина угадывается, хотя не измѣряется, поэзіею духоборства.

I, 253. Большая часть сельскихъ общинъ приняла вѣру Христову съ тихимъ и немудрствующимъ, но за то нѣсколько равнодушнымъ довѣріемъ къ своимъ центральнымъ представителямъ, городовымъ старцамъ и боярамъ, слѣдую и въ этомъ общему правилу: «что городъ положитъ, на томъ и пригороды станутъ». Обращеніе было болѣе обрядовое, чѣмъ разумное; но духъ Христіанства проникъ сельскій міръ, сосудъ готовый къ его принятію; и развилъ въ высокой и до тѣхъ поръ невиданной степени общежительное начало и добродѣтели, сопровождающія его.

I, 220. Не - многотребовательно просвѣтительное начало одно-стороннее и раздвоенное въ самомъ себѣ: оно развивается легко даже и при сильныхъ препонахъ, и тѣмъ легче, чѣмъ опредѣленіе его односторонность. Преобладающая сторона его увлекаетъ своею логикою все силы душевныя человѣка или общества въ извѣстное направленіе до тѣхъ поръ, пока оно само не дойдетъ до крайняго своего предѣла, при которомъ обличаются его неполнота и неразуміе: тогда наступаетъ минута паденія, всегда быстро слѣдующая за минутою полного, повидимому, торжества. Не таковы свойства начала цѣльнаго и всесторонняго: самая его полнота и стройность требуютъ отъ общества или человѣка соответствующей стройности и полноты. Условное свободнѣе развивается въ исторіи, чѣмъ живое и органическое; разсудокъ въ человѣкѣ зрѣетъ гораздо легче, чѣмъ разумъ. Просвѣтительное начало, сохраненное для насъ Византійскими мыслителями, требовало для быстраго и полного своего развитія такихъ условий цѣльности и стройности въ жизни общественной, которыхъ еще нигдѣ не встрѣчалось; достигнуть же ихъ можно бы было только при такой независимости отъ вліяній внѣшнихъ, которыя невозможны на землѣ ни одному народу, всегда стѣсняемому и совращаемому съ пути силою и напоромъ другихъ народовъ. Россія не имѣла этой цѣльности съ самого начала, а къ достиженію ея встрѣтила и должна была встрѣтить препятствія неодолимые. Она — не островъ среди хранительной защиты моря, но была земля, со всѣхъ сторонъ открытая и беззащитная по слабости своихъ естественныхъ границъ и со всѣхъ сторонъ искони окруженная народами, не знающими мира въ себѣ и потому всегда готовыми посягнуть на миръ другихъ.

Силы Русскихъ людей должны были прежде всего направиться на созданіе крѣпкаго государства, которое могло бы защищать Русскіе предѣлы отъ вещественныхъ захватовъ сосѣдей.

II въ этомъ дѣлѣ починъ положенъ былъ Церковью.

I, 236. Церковь создала единство Русской земли или дала прочность случайности Олегова дѣла. Церковь возстановила это единство, нарушенное междоусобіями. Она дала перевѣсъ Руси Московской надъ Литвою, въ которой язычество нѣсколько времени боролось съ Христіанствомъ, и Латинство, наконецъ, взяло верхъ надъ древнею народною вѣрою. Но и въ Великой Руси дѣйствіе просвѣтительнаго начала церковнаго было обусловлено и во многомъ измѣнено отзывами эпохи прошедшей и обстоятельствами эпохи современной. Съ тѣхъ поръ какъ св. митрополитъ Петръ изрекъ пророческое благословеніе надъ Москвою, она стала видимо стремиться къ совокупленію всей Руси подъ державное единство князей своихъ. Опытъ прошлаго времени доказалъ, что духовное начало еще не настолько развито было въ народѣ, чтобы прочное единство и внутренній миръ могли уцѣлѣть при независимости областей. Удѣлы должны были пасть. Какія бы ни были средства, употребленныя потомками Даніила, какая бы ни была ихъ нравственность въ жизни частной или дѣйствіяхъ общественныхъ — цѣль, къ которой стремились они сами и ихъ молодая область, была законна; ибо съ ней была связана возможность спасенія Русской земли отъ униженной и бѣдственной подчиненности Татарамъ и отъ напора Литвы.

I, 744. Выступила на историческое поприще Москва. Подъ свой стяг стянула она мало-по-малу всю Великую Русь; въ ней узнали свою силу наши предки, Русскіе прежнихъ вѣковъ. До Москвы Русь могла быть порабощена, Русскій народъ могъ быть потоптанъ иноземцемъ; въ Москвѣ узнали мы волю Божию, что этой Русской земли никому не сокрушить, этого Русскаго народа никому не сломать. Слово Московское сдѣлалось общимъ Русскимъ словомъ. Такое единство не было случайностью, не было чѣмъ-то наложеннымъ извнѣ. Не даромъ рядъ земскихъ соборовъ обозначилъ эпоху Московскаго единодержавія. Какая бы ни была форма и какъ ни было часто или рѣдко повтореніе соборовъ, Москва была признана, въ широкоемъ смыслѣ слова, городомъ земскаго собора, то-есть городомъ земскаго сосредоточенія. Таково свидѣтельство Исторіи. Когда пресѣлся родъ Грознаго какъ бы въ наказаніе за его кровавыя казни, когда Промыслъ позволилъ Россіи впасть въ бездну почти безпримѣрныхъ бѣдствій какъ бы за то, что она могла произвести такого владыку: первымъ сознаниемъ Россіи было, что ей нуженъ царь... Но Москва взята... Зачѣмъ измѣняется временно сознаніе народное? Зачѣмъ земля, которая такъ глубоко чувствовала потребность въ единомъ царѣ, не приступаетъ къ выбору? Зачѣмъ ополченія городовъ низовыхъ и всѣхъ другихъ, поднявшихся за свободу великой родины, зачѣмъ забываютъ они свою

задачу? Зачѣмъ не созываются земцы въ какую-нибудь свободную еще область? Отвѣтъ простой—Москва въ рукахъ врага: нѣтъ города для великаго собора, и выборъ царя еще невозможенъ. Къ Москвѣ, къ ея освобожденію, какъ къ необходимому условію будущаго единства, обращаются всѣ силы Русской земли, и только на ея освобожденномъ пепелищѣ выбираютъ царя, для котораго уже приготовленъ городъ собора, городъ мысленнаго сосредоточенія земли. Вотъ почему Московское слово стало обще-Русскимъ словомъ и почему Москва сдѣлалась его, всѣми признаннымъ, центромъ. Такъ въ теченіе XVII-го вѣка царилъ царь и державствовала Москва, одинаково избранный и признанный волею всей земли Русской.

I, 237. Стягъ Московскій долженъ былъ стянуть всю Русь около себя, чтобы побѣда могла вѣнчать кровавую борьбу на Куликовомъ полѣ и чтобы плоды побѣды не могли быть снова утрачены. Духовенство, обращаясь къ христіанскому чувству народнаго единства, постоянно стремилось къ единенію подъ державною рукою Москвы. Епископы, иноки, пустынники обращали все свое вліяніе и всю силу своихъ убѣжденій къ этой цѣли, и какъ ни темно было понятіе значительной части народа о вѣрѣ, въ немъ было то христіанское смиреніе, которое любило голосъ своихъ пастырей и охотно слѣдовало ихъ призыву. Московскіе святители трудились не даромъ. Св. Митрополитъ Алексій и основатель Троицкой Лавры Св. Сергій, великіе подвижники міра духовнаго, болѣе содѣйствовали единенію Русской земли, чѣмъ вся хитрая политика Симеоновъ, Дмитріевъ и Іоанновъ. Слово церковнаго увѣщанія умирало страсти, которыя возстали бы противъ насилія; оно умирало страсти, которыя были часто раздражаемы неправдою и коварствомъ.

Такимъ образомъ Церковь и народъ создали царскую власть.

I, 99. Въ исторіи нашей Руси идея единства общиннаго лежала всегда, какъ основной камень всѣхъ общественныхъ понятій; но долго происходила борьба мелкихъ общинъ съ идеею великой общины. Наконецъ, идея единства великой общины восторжествовала послѣ кровавыхъ смутъ ополченіемъ всей Руси за Москву и избраніемъ царя, молодаго Михаила. Тогда обнаружилось, что единство, казавшееся слѣдствіемъ исторической случайности при царяхъ Рюриковичахъ, было дѣйствительно дѣломъ Русской земли.

II, 36. И вотъ, когда послѣ многихъ крушеній и бѣдствій Русскій народъ общимъ совѣтомъ избралъ Михаила Романова своимъ наследственнымъ государемъ, народъ вручилъ своему избраннику всю власть, какою облеченъ былъ самъ, во всѣхъ ея видахъ.

Вокругъ князей, олицетворявшихъ собою единство всей Русской земли, стояла дружина. Первоначально она представляла собою лишь случайный наборъ отдѣльныхъ лицъ, служившихъ отдѣльному князю. Однако и этотъ, повидному, зыбкій и подвижной элементъ послужилъ къ установленію государственнаго единства.

1, 222. Эта кочевая обще-Русская дружина много содѣйствовала скрѣпленію всей Руси въ одно могучее цѣлое, потому что была вообще чужда областному эгоизму, много била и страдала за землю Русскую, много помогла спасительному возвышенію князей Московскихъ (хотя впослѣдствіи и подверглась страшнымъ гоненіямъ ихъ грознаго потомка Іоанна); но едва ли при ней была возможность той стройности и цѣльности, которой требовало для своего развитія начало разумнаго и цѣльнаго просвѣщенія; ибо въ ней были уже допущены раздвоеніе и внутренній разладъ общественной жизни, и вредныя ихъ вліянія были только сдержаны крѣпостью еще свѣжей земской жизни и кроткою силою общаго христіанскаго чувства. Но зло не могло оставаться безъ послѣдствій. Дружина не принадлежала области и вольно служила князю. Такимъ образомъ въ ней существовала съ самаго начала крайность личной отдѣленности, которая должна была воздѣйствовать на весь ходъ общественнаго развитія. Чуждая мѣстной общины, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе независимая отъ нея, чѣмъ самъ князь, она не имѣла нигдѣ корня и по необходимости стремилась сомкнуться въ самой себѣ, въ порядокъ самостоятельный и отдѣльный отъ всего общества. Таковъ законъ всѣхъ отдѣльныхъ личностей, не связанныхъ съ внутренними силами какой нибудь народной жизни. Этому закону на Западѣ, при ослабленіи центральной власти, слѣдовала дружина аллодіальная и создала изъ себя новую, въ себѣ замкнутую систему феодальности. Дружина въ старой Руси окончательно образовалась въ странную и нигдѣ невиданную систему мѣстничества, которой основами служили, съ одной стороны, служебный разрядъ, съ другой—родовая лѣстница, и обѣ основы были одинаково чужды общей земской жизни. Земщина не мѣстничалась. Правда, что сами общины, т. е. города и части городовъ, считались старшинствомъ другъ съ другомъ; но въ этихъ притязаніяхъ является только память о нѣкогда бывшей политической зависимости или объ исторической древности, и все-таки нѣтъ ничего общаго съ мѣстничествомъ. Грозный Іоаннъ Четвертый сокрушилъ послѣднія притязанія дружины на независимость, а кочеваніе дружины кончилось ея водвореніемъ когда она получила выгодную осѣдность, связанную съ другою осѣдлостью, предписанною земской стихіи. Необходимое и въ тоже время странное явленіе этой дружины въ Русской исторіи не вполне послѣ-

довано наукою; но нельзя не замѣтить его соотвѣтствія съ другимъ явленіемъ, нѣсколько подобнымъ ему. Славянское племя, вообще самое мирное изъ всѣхъ племенъ Европы, одно только и произело быть казачій, быть исключительно воинственный и которому нигдѣ нѣтъ вполне соотвѣтствующаго. Русскій бытъ, изстари по преимуществу общинный, произвелъ дружину, въ которой личная отдѣленность была доведена до крайности и узаконена и которая, не имѣя съ землею никакихъ общихъ началъ, скрѣпила себя, наконецъ, искусственнымъ сочлененіемъ мѣстничества, уничтожая окончательно личность и обращая ее въ нумеръ. Такое раздвоеніе съ землею не могло оставаться безъ страшнаго вліянія на общую жизнь; такая полная Китайская формальность въ землѣ, крѣпкой только живыми своими началами, не могла не производить самыхъ гибельныхъ послѣдствій. Система, открывавшая путь всякому заѣзжему иноземцу (и множество изъ нихъ воспользовалось этимъ правомъ заѣзда) и преграждавшая путь всякому сыну родной земли, должна была мертвить общую жизнь и вносить въ нее безпрестанно или начала чуждыя или зародыши костенѣнія и смерти. Русская исторія представляетъ слишкомъ много свидѣтельствъ этой истинѣ. Русская сила, предводимая не высокими доблестями воинскими, а высокими мѣстничествами нумерами, слишкомъ часто гибла въ борьбѣ съ слабѣйшими изъ своихъ враговъ, чтобы можно было отрицать вредное вліяніе мѣстнической формальности или отдѣленія самостоятельной и личной дружины отъ естественнаго строя Русскаго народнаго быта. Вредная въ полномъ развитіи своей самобытности, вредная даже въ своемъ паденіи, она, безспорно, во многомъ задержала и остановила успѣхъ той образованности, къ которой наша старая Русь была призвана. Въ ея присутствіи то высокое просвѣтительное начало цѣльности, жизни и общенія, которое сохранили для насъ святыя дѣятели и мыслители Православнаго Востока, не могло приносить полныхъ и скорыхъ плодовъ.

Но сословность не свойственна Русскому духу. Западный Европеецъ не можетъ отказаться отъ личной гордости, въ формѣ ли сословной или племенной.

III, 107. Для васъ, старыхъ Славянъ, мирныхъ труженниковъ земли, такая гордость непонятна. Словакъ почти всегда говоритъ свободно по мадыарски и по нѣмецки. Русскій смотритъ на всѣ народы, замежеванные въ безконечныя границы Сѣвернаго Царства, какъ на братьевъ своихъ, и даже Сибиряки на своихъ вечернихъ бесѣдахъ часто употребляютъ языкъ кочевыхъ сосѣдей своихъ, Якутовъ и Бурятъ. Лихой казакъ Кавказа беретъ жену изъ аула Чеченскаго, крестьянинъ же-

нится на Татарскѣ или Мордовскѣ, и Россія называетъ своею славою и радостию правнука Негра Ганнибала, тогда какъ свободолюбивые проповѣдники равенства въ Америкѣ отказали бы ему въ правѣ гражданства и даже брака на бѣлолицой дочери прачки Нѣмецкой или Англійскаго мясника. Я знаю, что нашимъ западнымъ сосѣдямъ смиреніе наше кажется униженіемъ; я знаю, что даже многіе изъ моихъ соотечественниковъ желали бы видѣть въ насъ начала аристократическія и родовую гордость Германскую, надѣясь найти въ нихъ защиту отъ вліянія иноземнаго и будущее развитіе гражданской свободы (на манеръ Англіиской) и проч. и проч. Но чуждая стихія не срастется съ духовнымъ складомъ Славянскимъ. Мы будемъ, какъ всегда и были, демократами между прочихъ семей Европы; мы будемъ представителями чисто-человѣческаго начала, благословляющаго всякое племя на жизнь вольную и развитіе самобытное. Законы могутъ создать у насъ на время родовое дворянство, можетъ быть, и родовое боярство, могутъ учредить у насъ маіоратство и право семейнаго первородства; ложное направленіе народности въ литературѣ можетъ раздувать въ насъ слабую искру гордости и вселять безумную мечту первенства нашего передъ нашею братією, сыновьями той же великой семьи. Все это возможно; но невозможно въ насъ вселить то чувство, тотъ ладъ и строй души, изъ котораго развиваются маіоратство, и аристократія, и родовое чванство, и презрѣніе къ людямъ и народамъ. Это невозможно, этого не будетъ. Грядущее покажетъ, кому предоставлено стать впереди всеобщаго движенія; но если есть какая-нибудь истина въ братствѣ человѣческомъ, если чувство любви и правды и добра не призракъ, а сила живая и не умирающая, зародышъ будущей жизни міровой—не Германецъ, аристократъ и завоеватель, а Славянинъ, труженикъ и разnochинецъ, призывается къ плодотворному подвигу и великому служенію.

Личность въ древней Руси не теряла своего значенія.

I, 153. Жизненная сила всего древняго Русскаго общества, несмотря на тревоженія его и на внутренній трудъ общины, сильнѣвшихся слиться въ одну великую Русскую общину, долго не подавляла разумнаго развитія личности. Пути мысли были свободны, все человѣческое было доступно человѣку (разумѣется, по мѣрѣ его знаній и умственныхъ силъ). Быть можетъ, перевѣсъ перваго, т. е. общественнаго начала, былъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ слѣдовало, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, предшествовавшихъ скрѣпленію государства, и вслѣдствіе внѣшнихъ грозъ (Татарской и Литовской), требовавшихъ сосредоточенія и напряженія общественныхъ силъ для отпора; но

область личной мысли была еще довольно обширна. Стихія народная не враждовала съ обще-человѣческимъ даже тогда, когда обще-человѣческое приходило къ намъ съ клеймомъ иноземнымъ. Доказательствомъ тому служить знаніе иностранныхъ языковъ и особенно похвала этому знанію, призваніе иностранныхъ художниковъ, охотное сближеніе съ иноземцами даже духовнаго званія, вліяніе западнаго искусства на Новгородскую иконопись, пріятіе многихъ западныхъ сказокъ, знакомство съ Нѣмецкими сагами изъ круга Нибелунговъ (какъ видно изъ Новгородскаго лѣтописца), наконецъ, сочувствіе съ явленіями западнаго міра, отчасти заслуживающими этого сочувствія (напримѣръ, съ крестовыми походами) и многое другое. Кажется, подозрительность и вражда къ западной мысли стали проявляться съ нѣкоторою силою послѣ Флорентинскаго собора и Латинскаго насилія въ Русскихъ областяхъ, тогда подвластныхъ Польшѣ. Развилась онѣ вполнѣ вслѣдствіе безумной и глубокой ненависти къ Русскимъ людямъ, доказанной Швеціею и купечествомъ и баронствомъ при Балтійскимъ; болѣе же всего вслѣдствіе вражды и лукавства Польскихъ магнатовъ и Латинскаго духовенства. Мало по малу народная стихія стала являться исключительною и враждебною ко всему иноземному. Область духа человѣческаго была стѣснена; но такое стѣсненіе, противное, какъ истинѣ человѣческой, такъ и требованіямъ духа Русскаго и кореннымъ основамъ его внутренней жизни, должно было произвести сопротивленіе, доходящее до противоположной крайности. Борьба 1612 года была не только борьбою государственною и политическою, но и борьбою духовною. Европейзмъ съ его зломъ и добромъ, съ его соблазнами и истиною, являлся въ Россіи въ образѣ Польской партіи. Салтыковы и ихъ товарищи были представителями западной мысли. Правда, въ нравственномъ отношеніи они не заслуживали уваженія. Иначе и быть не могло; нравственно - низкія души легче другихъ отрываются отъ святыни народной жизни. Правда, люди желавшіе измѣнить старину были въ то же время измѣнниками отечеству, но это только была историческая случайность въ ихъ положеніи. Въ сущности же ихъ направленіе, произведенное случайнымъ ожесточеніемъ народного начала, стѣнявшаго свободу мысли человѣческой, было не совсѣмъ неправо. Сила Русскаго духа восторжествовала: Москва освобождена, Русскій царь на престолѣ; но требованіе мысли, возстающей противъ стѣснительнаго деспотизма обычаевъ и стихій мѣстныхъ, не осталось безъ представителей. Худшая сторона его выражалась въ такихъ людяхъ, какъ развратный бѣглець и клеветникъ Котошихинъ, или какъ Хворостининъ, который говорилъ, что «Русской людъ такъ глупъ, что съ нимъ жить нельзя»; но лучшая сторона того же требованія находила

сочувствіе въ лучшихъ и благороднѣйшихъ душахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оно должно было получить со временемъ свои законныя права; быть можетъ, оно должно было впасть въ крайность, потому что было вызвано противоположною крайностью. Какъ бы то ни было, оно нашло себѣ представителя, давшего ему полный перевѣсъ и быструю побѣду. Этотъ представитель, одинъ изъ могущественнѣйшихъ умовъ и едва ли не сильнѣйшая воля, какія представляетъ намъ лѣтопись народовъ, былъ Петръ. Какъ бы строго ни судила его будущая исторія (и безспорно, много тяжелыхъ обвиненій падеть на его память), она признаетъ, что направленіе, котораго онъ былъ представителемъ, не было совершенно неправымъ; оно сдѣлалось неправымъ только въ своемъ торжествѣ, а это торжество было полно и совершенно. Ничего говорить, что всѣ Котошихины, Хворостинины и Салтыковы бросились съ жадностью по слѣдамъ Петра, рады-радехоньки тому, что освободились отъ тяжелыхъ требованій и нравственныхъ законовъ духа народнаго, что они, такъ сказать, могли расплясаться въ Русскій постъ. Та доля правды, которая заключалась въ торжествующемъ протестѣ Петра, увлекла многихъ и лучшихъ; окончательно же соблазнъ житейскій увлекъ всѣхъ.

I, 180. Трудно сказать, чего именно хотѣлъ Петръ и сознавалъ ли онъ послѣдствія своего дѣла. По всѣмъ вѣроятностямъ, онъ искалъ пробужденія Русскаго ума. Многие изъ его современниковъ, можетъ быть, самые достойные его понимать, не поняли его. Петръ вводилъ къ намъ Европейскую науку; черезъ это онъ вводилъ къ намъ всю жизнь Европы. Таково было необходимое послѣдствіе его дѣла, но въ этомъ отношеніи онъ былъ небезсознательнъ. Его борьба была съ цѣлою, нѣсколько закоснѣвшею жизнію, и онъ боролся съ нею во всѣхъ ея направленіяхъ. Онъ вводилъ всѣ формы Запада, всѣ, даже самыя неразумныя; онъ искажалъ многое, чего бы не долженъ былъ касаться; онъ искажалъ прекрасный языкъ Русскій, онъ искажалъ самое свое благородное имя, коверкая его въ Голландскую форму Питеръ; но ему это было необходимо. Онъ хотѣлъ потрясти вѣковой сонъ, онъ хотѣлъ пробудить спящую Русскую мысль посредствомъ болѣзненнаго потрясенія.—Этотъ судъ не строгъ. Человѣкъ боролся, и въ борьбѣ разгорѣлись страсти, и онъ увлекся тѣмъ нетерпѣніемъ, которое такъ естественно историческимъ дѣятелямъ, которое такъ естественно всякому человѣку при встрѣчѣ съ препонами въ подвигѣ, который онъ считаетъ добрымъ.

Медленно и лѣниво развились сѣмена мысли, перенесенной съ Запада; еще бы медленнѣе развились они, если бы изъ самыхъ нѣдръ Россіи не выросъ гениальный простолюдинъ Ломоносовъ. Но быстро

и почти мгновенно разрослись другіе плоды дѣль Петровыхъ, плоды той несчастной формы, въ которую облакалъ онъ или въ которую, можетъ быть, облеклась мысль, которою онъ хотѣлъ обогатить насъ. Наука, т. е. анализъ, по сущности своей вездѣ одинъ и тотъ же; его законы одни для всѣхъ земель, для всѣхъ временъ; но синтезъ, который его сопровождаетъ, измѣняется съ мѣстностями и со временемъ. Тотъ, кто не понимаетъ внутренней связи, всегда существующей между анализомъ и синтезомъ, изъ котораго онъ возникаетъ, впадаетъ въ жалкую ошибку. Въ Россіи эта ошибка достигла громадныхъ, почти невѣроятныхъ размѣровъ. Сознательно введены были къ намъ однимъ человѣкомъ всѣ формы Запада, всѣ вышніе образы его жизни; безсознательно схватились мы именно за эти формы и за эти образы, вслѣдствіе ли тщеславія, или подражательности, или личныхъ выгодъ, или слабости, естественной всѣмъ людямъ, принимать охотно все, что можетъ ихъ отличить отъ другихъ людей, получившихъ въ жизни менѣе счастливый удѣлъ, и поставить ихъ, по видимому, выше ихъ братьевъ. Формы, облакающія просвѣщеніе, приняты были нами за самое просвѣщеніе.

Формализмъ вторгся въ Русскую жизнь, а формализмъ мертваго все.

I, 64. Огстраивая дѣятельность духовную и самобытность свободной мысли и теплаго чувства, всегда надѣясь найти средства обойтись безъ нихъ и часто обманывая людей своими обѣщаніями, онъ погружаетъ мало по малу своихъ суевѣрныхъ поклонниковъ въ тяжелый и безчувственный сонъ, изъ котораго они или вовсе не просыпаются, впадая въ совершенное омертвѣніе, или просыпаются горькими, доводито-насмѣшливыми и въ тоже время самодовольными скептиками, утратившими вѣру въ формулу, также какъ и въ жизнь, въ общество, также какъ въ людей.

Въ жизни Русскаго народа произошелъ разрывъ.

I, 56. Жизнь сопротивлялась вліянію иноземнаго или, такъ сказать, колониальнаго начала только своею неподвижностью; примаго же вліянія на него не имѣла, развѣ только тѣмъ, что имѣла ему тѣснѣе сродниться и слиться окончательно съ какою нибудь изъ Западныхъ народностей. Просвѣщеніе же дѣйствовало постоянно, признавая жизнь или, лучше сказать, составъ народный за грубый матеріалъ, подлежащій обработкѣ для того, чтобы вышло изъ него что-нибудь дѣльное и разумное. Оно дѣйствительно не признавало Россіи существующею, а только имѣющею существовать. Вся эта громада, которая уже такъ много имѣла и будетъ всегда такъ много имѣть вліянія на судьбу

человѣчества, являлась ему какимъ-то случайнымъ скопленіемъ человѣческихъ единицъ, связанныхъ или сбитыхъ въ одно цѣлое виѣшними и случайными дѣйствителями; жизни же внутренней и спльной, разумной и духовной, создавшей ее, оно какъ будто бы и не предполагало; а когда и предполагало, то принимало за какое-то хаотическое броженіе, которому изрекало приговоръ въ словѣ презрѣнія или насмѣшки. Разумѣется, эти понятія, эти приговоры никогда не облекались въ опредѣленный образъ и, такъ сказать, въ формальныя рѣшенія; ихъ должно искать въ общемъ ходѣ образованности и въ каждой ея подробности. Случайно и безсознательно вырвавшіяся слова часто яснѣе выказываютъ мысль, чѣмъ обдуманый и обсужденный приговоръ; въ нихъ всегда менѣе лицемѣрія, болѣе искренняго чувства, и часто болѣе общаго мнѣнія, чѣмъ личнаго. А такими словами наполнена вся наша словесность отъ Земледѣльческой Газеты, которая частехонько представляетъ Русскаго крестьянина какимъ-то бессмысленнымъ и почти безсловеснымъ животнымъ, до пзыщѣйшихъ выраженій нашего общества, которое великодушно допускаетъ въ Русскомъ человѣкѣ умъ, понятливость, смысленность и нѣкоторое добродушіе, впрочемъ безъ всякихъ убѣжденій и разумныхъ началъ, т. е. порядочные матеріалы для будущаго человѣка, а все-таки еще не человѣка. Такими же словами богатъ нашъ общественный разговоръ, отъ бесѣды мелкаго чиновника, питающаго глубочайшее презрѣніе къ бородачу, до тѣхъ недосигаемыхъ круговъ и салоновъ, гдѣ патріотическая любовь списходительно собирается приготовить для души того же бородача духовное и умственное содержаніе, котораго она еще до сихъ поръ лишена, а для его жизни вещественное благополучіе по повѣйшимъ иностраннымъ образцамъ. Это не частныя ошибки, это мнѣніе общее, болѣе или менѣе ясно выговаривающееся; но если бы принимать это и за частныя ошибки, то должно помнить, что есть заблужденія частныя, которыя возможны только при извѣстномъ заблужденіи общества.

1, 156. Это духовное рабство передъ Западнымъ міромъ, этотъ ожесточенный антагонизмъ противъ Русской земли, разсмотрѣнные въ продолженіе цѣлаго столѣтія, представляютъ весьма любопытное и поучительное явленіе. Отрицаніе всего Русскаго, отъ названій до обычаевъ, отъ мелочныхъ подробностей одежды до существенныхъ основъ жизни, доходило до крайнихъ предѣловъ возможности. Въ немъ проявлялась какая-то страсть, какая-то комическая восторженность, обличающая въ одно время величайшую умственную скудость и совершеннѣйшее самодовольствіе. Конечно, эти крайности, повидимому, принадлежатъ болѣе первому періоду нашей европеизаціи, чѣмъ послѣд-

нему; но послѣдній, при болѣе безстрастіи, заключаетъ въ себѣ болѣе презрѣніе и полнѣйшее отрпцаніе всего народнаго.

Русское образованное общество отстало отъ всякаго преданія, отъ всякаго живого обычая.

I, 164. Обычай весь состоитъ изъ бытовыхъ мелочей; но кто же изъ насъ не признается, что обычай не существуетъ для насъ, и что нашъ вѣчно пзмѣняющійся бытъ даже неспособенъ обратиться въ обычай? Прошедшаго для насъ нѣтъ, вчерашній день—старина, а недавнее время пудры, шитыхъ камзоловъ и фижмъ—едвали уже не Египетская древность. Рѣдкая семья знаетъ что-нибудь про своего прапрадѣда, кромѣ того, что онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ дикаря въ глазахъ своихъ образованныхъ правнуковъ. Знали-ли бы что-нибудь Шереметевы про уваженіе народа къ Шереметеву, современнику Грознаго, или Карамышевы про подвиги своего предка, если бы не потрудились народная пѣснь сохранить память объ нихъ, прибавивъ, разумѣется, и небывалыя дѣла? У насъ есть юноши, недавно вышедшіе изъ школы, потомъ юноши, трудящіеся въ жизни, болѣе или менѣе, по своему школьному направленію или по инстинкту современныхъ мыслей, потомъ есть юноши сѣдые, потомъ юноши дряхлые, а старцевъ у насъ нѣтъ. Старчество предполагаетъ преданіе, не преданіе разсказа, а преданіе обычая. Мы всегда повѣнькіе съ иголочки; старива у народа. Это должно бы намъ внушить уваженіе; но у насъ не только нѣтъ обычая, не только нѣтъ быта, могущаго перейти въ обычай, но нѣтъ и уваженія къ нему. Всякая наша личная прихоть, а еще болѣе всякая полудѣтская мечта о какомъ-нибудь улучшеніи, выдуманная нашимъ мелкимъ разсудкомъ, даютъ намъ право отсрачивать или нарушить всякій обычай народный, какой бы онъ ни былъ общій, какой бы онъ ни былъ древній.

Х.

ЗАДАЧИ ПРОСВѢЩЕННЫХЪ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ И БУДУЩЕЕ РОССИИ.

Возвратъ къ началамъ Русской народной жизни.—Возрожденіе Русскаго просвѣщенія. — Словесность, пластика, музыка. — Археологія. — Общественное воспитаніе.— Надежда на будущее.

Оглянемся же на самихъ себя.

I. 85. Вопросъ въ томъ, будемъ-ли мы, въ то время, когда жизненное начало Руси будетъ крѣпнуть и процвѣтать, только сухимъ и безплоднымъ хворостомъ, мѣшающимъ новому прозябанію?

Это сомнѣніе въ самихъ себѣ, это тайное чувство своей мертвенности давно уже высказывалось во многихъ и лучшихъ представи-

теляхъ нашего просвѣщенія. Скорбѣя о себѣ и о всемъ, что ихъ окружало въ обществѣ, они часто оглядывались съ утѣшительною, но неясною надеждою на ту великую Русь, отъ которой они чувствовали себя оторванными. Я могъ бы это показать въ послѣднихъ твореніяхъ Пушкина; но ни въ комъ болѣзненное сознаніе своего одиночества и своего безсилія не высказалось такъ ясно, какъ въ Лермонтовѣ. къ несчастію, или не дожившемъ до сознанія, что безжизненность есть принадлежность общества, а не Русской земли, или отвергавшемъ сознаніе по личной гордости, свойственной его молодости и обществу, окружавшему его.

I, 31. Жизненное начало утрачено нами, но оно утрачено только нами. принявшими ложное полужизніе по ложнымъ путямъ. Это жизненное начало существуетъ еще цѣло, крѣпко и неприкосновенно въ нашей великой Руси (т. е. Великой, Малой и Бѣлой), не смотря на наши долги заблужденія и на наши, къ несчастію, бесполезныя усилія привить свою мертвенность къ ея живому тѣлу. То, что было, поросло быльемъ, и если бы намъ приходилось отыскать свою жизнь въ прошломъ, конечно мы бы ея никогда не отыскали и не воссоздали; ибо созданіе или воссозданіе жизни ничтожными силами одиночныхъ разсудковъ было бы явленіемъ противнымъ всѣмъ законамъ духовнаго міра. Этому могли вѣрить нѣсколько дѣтей-студентовъ въ Германіи и нѣсколько дѣтей-стариковъ во Франціи, да могутъ въ этомъ видѣ вѣрить нѣсколько дѣтей-соціалистовъ всякаго возраста по всей Европѣ; но не повѣритъ никто, кто сколько-нибудь изучилъ исторію человѣчества, или не утратилъ въ душѣ своей хотя темное чутье человѣческихъ истинъ. Жизнь наша цѣла и крѣпка. Она сохранена, какъ неприкосновенный залогъ, тою многострадавшею Русью, которая не приняла еще въ себя нашего скуднаго полупросвѣщенія. Эту жизнь мы можемъ возстановить въ себѣ; стоитъ только ее полюбить искреннею любовію. Разумъ и наука приводятъ насъ къ ясному сознанію необходимости этого внутренняго преобразованія, но я не считаю его слишкомъ легкимъ ни для каждаго изъ насъ, ни для всѣхъ. Гордые привычки нашей разсыпной, одиночной жизни держатъ каждаго изъ насъ въ своихъ оковахъ. Правственное обновленіе—нелегкое дѣло. Конечно, каждый не только согласенъ полюбить тѣ свѣтлыя жизненныя стихіи, которые сохранились на Руси, и ту Русь, которая ихъ сохранила, но даже готовъ думать и увѣрять, что онъ любитъ ихъ всею душою. Можетъ быть даже, эта любовь дѣйствительно существуетъ въ насъ; но она существуетъ, какъ любовь къ Неграмъ, къ Готтептотамъ и Индѣйцамъ существуетъ въ добромъ Англичанинѣ, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ въ своемъ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ и съ надеждою

на роль, если не настоящихъ, то будущихъ благодѣтелей. Такая любовь ничтожна, скажу болѣе, она отчасти пагубна. Отъ этого самообольщенія трудно, но необходимо должно отказаться; ибо не мы приносимъ высшее Русской землѣ, но высшее должны отъ нея принять.

Мы приносимъ только кое-какія знанія, легко пріобрѣтаемыя личнымъ трудомъ каждаго не совсѣмъ тупоумнаго человѣка; принять же должны жпзненную силу, плодъ вѣковъ исторіи и цѣльности народнаго духа. Таковъ голосъ добросовѣтнаго анализа. Поэтому, чтобы любовь была истинною, она должна быть смиренною. Точно также какъ въ наукѣ человѣкъ поступаетъ сперва въ нижніе разряды учениковъ и подвигается мало по малу впередъ, все болѣе и болѣе отстраняя отъ себя прихоти своего личнаго произвола и подчиняясь общимъ законамъ человѣческаго разума: такъ и человѣку, желающему усвоить себѣ или развить въ себѣ скрытую жизненную силу, должно принести въ жертву самолюбіе своей личности для того, чтобы проникнуть въ тайну жизни общей и соединиться съ нею живымъ органическимъ соединеніемъ. Это дѣло не мгновенія и не дня, а цѣлаго существованія; ибо, какъ великій Шиллеръ сказалъ въ другомъ смыслѣ, «жизнь покупается только жизнію»:

Denn setzet Ihr nicht das Leben ein,
Nie wird Euch das Leben gewonnen sein.

Нашъ возвратъ къ этой утраченной жизни нелегокъ.

Мы оторвались отъ нея сначала отчасти безсознательно, отчасти поневолѣ; мы измѣнили себѣ, измѣняя ей; потомъ замкнулись въ гордости своего мелкаго знанія, какъ колонія Европейскихъ эклектиковъ, брошенная въ страну дикарей; потомъ, какъ всякая Европейская колонія во всѣхъ частяхъ свѣта, мы приняли на себя характеръ завоевательный, конечно съ самыми благодѣтельными намѣреніями, но безъ возможности исполнить ихъ, безъ сознанія ясной цѣли, къ которой стремились, и безъ того превосходства духа, который, по крайнему мѣрѣ, часто служитъ нѣкоторымъ оправданіемъ завоеванію. Слѣдствіемъ этихъ отношеній были, какъ я сказалъ, борьба и полускрытая вражда: съ одной стороны подозрѣніе, слишкомъ оправданное; съ другой ничѣмъ неоправданное презрѣніе. Эти чувства могутъ исчезнуть только при нравственномъ измѣненіи въ насъ самихъ. Жизнь, нами долго оскорбляемая, нелегко и нескоро можетъ свыкнуться съ нами. Обмануть ее мнимымъ примиреніемъ невозможно, потому что она не имѣетъ и не можетъ имѣть личныхъ представителей; да и во всякомъ случаѣ цѣль не могла бы быть достигнута обманомъ. Дѣло наше — возрожденіе жизненныхъ началъ въ самихъ себѣ; слѣдовательно оно

можетъ быть исполнено только искреннею переменною нашего внутренняго существованія.

I, 98. Общеніе заключается не въ простомъ размѣнѣ понятій, не въ холодномъ и не въ эгоистическомъ размѣнѣ услугъ, не въ сухомъ уваженіи къ чужому праву, всегда оговаривающемъ уваженіе къ своимъ собственнымъ правамъ, но въ живомъ размѣнѣ не понятій однихъ, но чувствъ, въ общеніи воли, въ раздѣленіи не только горя (ибо состраданіе—чувство слишкомъ обыкновенное), но и радости жизненной. Только такого рода общеніе можетъ возвратить насъ къ началамъ жизни, нами утраченной, и привести насъ изъ состоянія безнародной отвлеченности и мертвой самодовольной разсудочности къ полному участію въ особенностяхъ, характеръ и фізіономіи народа. Наши школьническія полузнанія развились бы до науки и развили бы науку, внеся въ нее великія и до сихъ поръ ей чуждыя начала, отличающія насъ отъ Западнаго міра съ его Латино-протестантскою односторонностію, съ его историческимъ раздвоеніемъ. Въ нашемъ бытѣ отозвалось бы то единство, которое лежало искони въ понятіи Славянской общины и которое заключается не въ идеѣ дружиннаго договора Германскаго или формальнаго права Римскаго (т. е. правды вѣшной), но въ понятіи естественнаго и нравственнаго братства и внутренней правды.

I, 99. Для того, чтобы оживились наука, бытъ и художество, чтобы изъ соединенія знанія и жизни возникло просвѣщеніе, мы должны слиться съ жизнью Русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая и такъ сказать, обряднымъ единствомъ, какъ средствомъ къ достиженію единства истиннаго, и еще болѣе, какъ вѣднимъ его образомъ.

I, 100. Тонкія, невидимыя струны, связывающія душу Русскаго человѣка съ его землею и народомъ, не подлежатъ разсудочному анализу. Можетъ быть, нельзя доказать, чтобы Русская пѣсня была лучше Итальянской баркароллы или тарантеллы, но она иначе отзывается въ Русскомъ ухѣ, глубже потрясаетъ Русское сердце. Точно также для Русскаго глаза особенно пріятны образы, окружавшіе его дѣтство и встрѣчавшіе его взглядъ на свободѣ сельскаго простора. Только въ живомъ общеніи съ народомъ выходитъ человѣкъ изъ мертвнаго одиночества эгоистическаго существованія и получаетъ значеніе живаго органа въ великомъ организмѣ; только при немъ могутъ всякая здравая мысль и всякое теплое чувство, возникшее въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, сдѣлаться достояніемъ общимъ и получить вліяніе и важность, не изъявляя и не имѣя притязаній на важность и вліяніе; только при немъ возможно то просвѣщеніе, къ которому Западъ стре-

мится безнадежно и котораго достигнуть не можетъ, вслѣдствіе своего внутренняго раздвоенія. Конечно, для каждаго изъ насъ перевоспитаніе самого себя сопряжено съ немалымъ трудомъ; но труда жалѣть не должно, когда предположенная цѣль есть возрожденіе жизненныхъ началъ въ насъ и развитіе истиннаго просвѣщенія въ Святой Русь.

I, 101. Каждое частное лицо, какъ бы ни было низко или высоко его званіе, какъ бы ни были скромны или блистательны его способности, чувствуетъ, что уже однимъ нравственнымъ достоинствомъ своей жизни оно вноситъ значительный вкладъ въ общую сокровищницу, и что, съ другой стороны, сколько бы оно ни вносило въ нее, оно всегда получаетъ изъ нея во сто кратъ болѣе, чѣмъ можетъ принести.

I, 170. Возвратъ Русскихъ къ началамъ Русской земли уже начинается.

Подъ этимъ словомъ возврата я не разумѣю возврата нашихъ любезныхъ соотечественниковъ, которые, какъ голубки, потрепетавши крылышками надъ тревоженнымъ моремъ Западнаго общества, возвращаются утомленные на Русскую скаду и похваляютъ ее твердость. Иѣтъ, они возвращаются на Святую Русь, но не въ Русскую жизнь; они похваляютъ крѣпость своего убѣжища и не знаютъ (какъ и всѣ мы), что вся наша дѣятельность есть ничто иное, какъ безпрестанное подкапыванье его основъ. Къ счастью, наши руки и ломы слишкомъ слабы, и безсиліе наше спасаетъ насъ отъ собственной слѣпоты. Я не называю возвратомъ и того, не совсѣмъ рѣдкаго, явленія общественнаго, которое можетъ, пожалуй, сдѣлаться и мнунтою модою, что люди, совершенно оторванные отъ Русской жизни, но не скорбящіе объ этомъ разрывѣ, а въ полномъ самодовольствѣ наслаждающіеся своимъ мнимымъ превосходствомъ, vanno похваляютъ Русскій народъ, дарятъ его, такъ сказать, своимъ ласковымъ словомъ, щеголяютъ передъ обществомъ знаніемъ Русскаго быта и Русскаго духа и преспокойно выдумываютъ для этого Русскаго духа чувства и мысли, про которыя не знаютъ и не знаетъ Русскій человѣкъ. Чтобы выразить мысль народа, надобно жить съ нимъ и въ немъ. Я говорю о другомъ возвратѣ. Есть люди, и къ счастью этихъ людей уже немало, которые возвращаются не на Русскую землю, но къ Святой Русь, какъ въ своей духовной родительницѣ, и привѣтствуютъ своихъ братій съ радостною и раскапвющею любовью. Этотъ мысленный возвратъ важенъ и утѣшительнъ. Наука, не смотря на слѣпое сопротивленіе книжниковъ и на лѣнивую устоячивость полукнижнаго болшинства, не только начинаетъ обращать вниманіе на истинныя потребности Русской жизни, но, освобождаясь мало по малу отъ преж-

нихъ школьныхъ оковъ, уже показываетъ стремленіе къ сознанію своихъ родныхъ началъ и къ развитію истинъ, до сихъ поръ безсознательно таившихся въ нашей собственной жизни. Эти труды остаются не совсѣмъ безъ награды: имъ сочувствуютъ многіе, имъ сочувствуютъ по всей землѣ Русской и, можетъ быть, еще болѣе въ ея дальнихъ областяхъ, чѣмъ въ тѣхъ минувшихъ центрахъ нашего просвѣщенія, которые до сихъ поръ суть дѣйствительно только центры Западнаго школьничества. Имъ сочувствуютъ даже и некоторые просвѣщенные люди на Западѣ, готовые уважать нашу мысль, когда она дѣйствительно будетъ нашею собственною, а не простымъ подражаніемъ мысли чужой.

Въ восстановленіи прерваннаго общенія образованныхъ Русскихъ людей съ Русскою землею—залогъ возрожденія нашего просвѣщенія.

I, 26. Просвѣщеніе не есть только сводъ и собраніе положительныхъ знаній: оно глубже и шире такого тѣснаго опредѣленія. Истинное просвѣщеніе есть разумное просвѣтлѣніе всего духовнаго состава въ человѣкѣ или въ народѣ. Оно можетъ соединяться съ наукою, ибо наука есть одно изъ его явленій, но оно сильно и безъ наукообразнаго знанія; наука же (одностороннее его развитіе) беспильна и ничтожна безъ него.—Разумное просвѣтлѣніе духа человѣческаго есть тотъ живой корень, изъ котораго развиваются и наукообразное знаніе, и такъ называемая цивилизація или образованность; оно есть самая жизнь духа въ ея лучшихъ и возвышеннѣйшихъ стремленіяхъ. Наука не заключаетъ еще въ себѣ живыхъ началъ образованности. Нерѣдко случается намъ видѣть многостороннихъ ученыхъ, которыхъ нельзя назвать образованными людьми. Наука можетъ разниться степенями своими по состояніямъ, по богатству, по досугамъ и по другимъ случайностямъ жизни; просвѣщеніе есть общее достоинство и сила цѣлаго общества и цѣлаго народа. Этою силою отстоялся Русскій человѣкъ отъ многихъ бѣдъ въ прошедшемъ, и этою силою будетъ онъ крѣпокъ въ будущемъ. Россія приняла въ свое великое лоно много разныхъ племенъ, Финновъ при-Балтійскихъ, при-Волжскихъ, Татаръ, Сибирскихъ Тунгузовъ, Бурятъ и др.; но имя, бытіе и значеніе получила она отъ Русскаго народа (т. е. человѣка Великой, Малой, Бѣлой Руси). Остальные должны съ ними слиться вполне; разумные, если поймутъ эту необходимость; великіе, если соединятся съ этою великою личностью; ничтожные, если вздумаютъ удерживать свою мелкую самобытность. Русское просвѣщеніе—жизнь Россіи.

Во всѣхъ областяхъ духовной дѣятельности открываются Русскимъ людямъ новые пути.

I, 459. Мы называемъ свою словесность и считаемъ ряды болѣе или менѣе почетныхъ именъ, и эта словесность по мысли и слову доступна только тѣмъ, которые и по внутренней жизни, и даже по наружности, уже расторгнули живую цѣпь предаѣй старины; за то и блѣдное слово и блѣдная мысль обличаютъ чужеземное происхожденіе привитаго растенія. Были, безъ сомнѣнія, и въ словесности вашей явленія, которыя кажутся исключеніями; но эти явленія есть только отдѣльныя произведенія или только части произведеній, и никогда, до нашего времени, не было ни одного поэта (въ стихахъ или прозѣ), который бы во всей цѣлости своихъ твореній выступилъ какъ человѣкъ вполне Русскій, какъ человѣкъ вполне свободный отъ примѣси чужой. Конечно тупа та критика, которая не слышитъ Русской жизни въ Державинѣ, Языковѣ и особенно Крыловѣ, а въ Жуковскомъ, въ Пушкинѣ и еще болѣе, можетъ быть, въ Лермонтовѣ не видитъ живыхъ слѣдовъ старорусскаго пѣсеннаго слова, и которая не замѣчаетъ, что эти слѣды всегда живо и сильно потрясаютъ Русскаго читателя, согрѣвая ему сердце чѣмъ-то роднымъ и чего онъ самъ не угадываетъ. Тупа та критика, которая не сознаетъ во всей нашей словесности характера особеннаго и принадлежащаго только намъ. Но этотъ характеръ никогда не развивался вполне: онъ робко выглядывалъ изъ подъ чужихъ формъ, не признавая себя, иногда и стыдясь самого себя. Нашему времени было предоставлено услышать наконецъ голосъ художника вполне свободнаго, вполне самостоятельнаго. Трудно сказать, чѣмъ онъ спасенъ: сплюю ли своего внутреннего духа, особенностью ли прекрасной, истинно-художнической области, въ которой онъ родился и которая была менѣе сѣверныхъ областей захвачена нашею умственною жизнію прошедшаго столѣтія? Во всякомъ случаѣ онъ принадлежитъ будущей эпохѣ, а не прошедшей *).

*) I, 732. Здѣсь разумѣется Гоголь. Писано это въ 1845 году. Позже, въ 1859 г., Хомяковъ, предѣлствуя въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, въ отвѣтъ гр. А. Н. Толстому сказалъ слѣдующее: „Общество Любителей Россійской Словесности, включивъ васъ, графъ Левъ Николаевичъ, въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ, съ радостію привѣтствуетъ васъ, какъ дѣятеля чисто-художественной литературы. Это чисто-художественное направленіе защищаете вы въ своей рѣчи, стави его высоко надъ всеми другими временными и случайными направленіями словесной дѣятельности. Странно было бы, еслибы общество ваше не сочувствовало въ томъ; но позвольте мнѣ сказать, что правда вашего мнѣнія, вами столь искусно изложенная, далеко не уступаетъ праву временнаго и случайнаго въ области слова. То, что всегда справедливо, то, что всегда прекрасно, то, что неизмѣнно, какъ самыя вѣчные законы души, - то, безъ сомнѣнія, занимаетъ и должно занимать первое мѣсто въ мысляхъ, побужденіяхъ и, слѣдовательно, въ рѣчи человѣка. Оно, и оно одно, передается поколѣніемъ поколѣнію, народомъ на-

Искусство есть выраженіе характера и вѣрованія народнаго. Такъ, напримѣръ, средневѣковое зодчество необыкновенно ярко отразило на себѣ тогдашнее настроеніе Западнаго Христіанства.

роду. какъ дорогое наследіе, всегда множимое и никогда не забываемое. Но съ другой стороны, есть, какъ я имѣлъ уже честь сказать, постоянное требованіе самообличенія въ природѣ человека и въ природѣ общества; есть минуты, и минуты важныя въ исторіи, когда это самообличеніе получаетъ особенныя, неопровержимыя права и выступаетъ въ общественномъ словѣ съ болѣею опредѣленностію и съ болѣею рѣзкостію. Случайное и временное въ историческомъ ходѣ народной жизни получаетъ значеніе всеобщаго, всечеловѣческаго, уже и потому, что все поколѣнія, все народы могутъ понимать и понимаютъ болѣзненные стоны и болѣзненную исповѣдь одного какого нибудь поколѣнія или народа. Права словесности, служительницы вѣчной красоты, не уничтожаютъ правъ словесности обличительной, всегда сопровождающей общественное несовершенство, а иногда являющейся дѣлательницею общественныхъ извѣ. Есть безконечная красота въ невозмутимой правдѣ и гармоніи души; но есть истинная, высокая красота и въ покаяніи, возстановляющемъ правду и стремящемъ человека или общество къ нравственному совершенству. Позвольте мнѣ прибавить, что я не могу раздѣлять мнѣнія, какъ мнѣ кажется, односторонняго, Германской эстетики. Конечно, искусство вполнѣ свободно: въ самомъ себѣ оно находитъ оправданіе и цѣль. Но свобода искусства, отвлеченно помыслена, несколько не относится къ внутренней жизни самого художника. Художникъ не теоріи, не область мысли и мысленной дѣятельности: онъ человекъ, всегда человекъ своего времени, обыкновенно лучший его представитель, весь проникнутый его духомъ и его опредѣлившимися или зарождающимися стремленіями. По самой впечатлительности своей организаціи, безъ которой онъ не могъ бы быть художникомъ, онъ принимаетъ въ себя, и болѣе другихъ людей, все болѣзненное, также какъ и радостныя, ощущенія общества, въ которомъ онъ родился. Посвящая себя всегда истинному и прекрасному, онъ невольно, словомъ, складомъ мысли и воображенія, отражаетъ современное въ его смыслѣ правды, радующей душу чистую, и лжи, возмущающей ея гармоническое спокойствіе. Такъ сливаются двѣ области, два отдѣла литературы, объ которыхъ мы говорили; такъ писатель, служитель чистаго искусства, дѣлается иногда обличителемъ, даже безъ сознанія, безъ собственной воли и иногда противъ воли. Васъ самихъ, графъ, позволю я привести въ примѣръ. Вы идете вѣрно и неуклонно по сознанныму и опредѣленному пути; но неужели вы вполнѣ чужды тому направленію, которое назвали обличительною словесностію? Неужели хоть бы въ картинѣ чахоточнаго ямщика, умирающаго на печкѣ въ толпѣ товарищей, повиданному равнодушныхъ къ его страданіямъ, вы не обличили какой-нибудь общественной болѣзни, какого-нибудь порока? Описывая эту смерть, неужели вы не страдали отъ этой мозолистой безчувственности добрыхъ, но непробужденныхъ душъ человѣческихъ? Да,—я вы былъ, и вы будете невольно обличителемъ. Идите съ Богомъ по тому прекрасному пути, который вы избрали! Идите съ тѣмъ же успѣхомъ, которымъ вы увѣнчались до сихъ поръ, или еще съ болѣеимъ, ибо вашъ даръ не есть даръ преходящій и скоро исчерпываемый; но вѣрьте, что въ словесности вѣчное и художественное постоянно принимаетъ въ себя временное и преходящее, превращая и облагораживая его, и что все разнообразныя отрасли человѣческаго слова безиременно сливаются въ одно гармоническое цѣлое“.

I, 208. Глядя на великолѣпныя созданія средневѣковаго зодчества, на каменные кружева его воздушныхъ башенъ, на таинственный сумракъ его стрѣльчатыхъ сводовъ, прорѣзанный, испещренный цвѣтными лучами его расписныхъ стеколъ, рѣдкій еще сознается, что есть глубокий разладъ въ духовной основѣ этого мятежнаго художества. Рѣдкій почувствуетъ, что эти чудныя громады, стремящіяся оторваться отъ земли и побѣдить законы тяжести, силою какого-то даннаго имъ растительнаго порыва, созданы и запечатлѣны внутреннею тревогою страстной и раздвоенной души и передаютъ зрителю своему ту же самую страшную и мрачную тревогу, которая высказалась въ ихъ рукозданной поэзіи.

Это еще болѣе ясно въ пластикѣ.

I, 162. Во всякомъ періодѣ человѣчества, во всякомъ народѣ, для пластики возможны только два рода: пластика бытовая (*genre*, въ которой заключаются все другіе роды, такъ называемый историческій, ландшафтъ и пр.), и пластика духовная (икона). Высшее развитіе этого послѣдняго высшаго рода подчиняется отчасти тѣмъ же законамъ, но отчасти оно повинуется и другимъ законамъ, менѣе зависящимъ отъ случайности временъ и народовъ. Икона не есть религіозная картина, точно также какъ церковная музыка не есть музыка религіозная; икона и церковный напѣвъ стоятъ несравненно выше. Произведенія одного лица, они не служатъ его выраженіемъ; они выражаютъ всехъ людей, живущихъ однимъ духовнымъ началомъ: это художество въ высшемъ его значеніи. Разумѣется, я не говорю о такомъ или такомъ-то напѣвѣ, или о такой или такой-то иконѣ; я говорю объ общихъ законахъ и ихъ смыслѣ. Та картина, къ которой вы подходите, какъ къ чужой, тотъ напѣвъ, который вы слушаете, какъ чужой напѣвъ,—это уже не икона и не церковный напѣвъ: они уже запечатлѣны случайностью какого-нибудь лица или народа. Отъ того-то икона въ Христіанствѣ возможна только въ Церкви, въ единствѣ церковнаго созерцанія; отъ того-то стоитъ она (въ своемъ идеалѣ) такъ много выше всякаго другаго художественнаго произведенія,—предѣломъ, къ которому непремѣнно должно стремиться художество, если оно еще надѣется какого-нибудь развитія. По тому самому, что икона есть выраженіе чувства общиннаго, а не личнаго, она требуетъ въ художникѣ полнаго общенія не съ догматикою Церкви, но со всемъ ея бытовымъ и художественнымъ строемъ, такъ какъ вѣка передали его христіанской общинѣ. И такъ, пластика въ обоихъ родахъ своихъ, бытовомъ и иконномъ, доступна Русскому художнику единственно во столько, во сколько онъ живетъ въ полномъ согласіи

съ жизненнымъ и духовнымъ бытомъ Русскаго народа; и воспитаніе художника, его развитіе состоятъ только въ уясненіи идеаловъ, уже лежащихъ безсознательно въ его душѣ.

Живопись безспорно существуетъ въ Россіи; она дала много выдающихся произведеній.

I, 461. Но добросовѣстная критика, отдавая справедливость прекраснымъ произведеніямъ, созданнымъ въ Россіи и отчасти Русскими, можетъ и должна спросить: принадлежатъ ли они вполнѣ Россіи? Созданы ли они Русскимъ духомъ? Фламандецъ, вступая въ свою національную галлерію, узнаетъ въ ней себя. Онъ чувствуетъ, что не его рукою, но его душою, его внутреннею жизнью живутъ и дышатъ волшебныя произведенія Рубенса или Рембрандта. Эти грубыя и тяжело-матеріальныя формы—это его Фламандское воображеніе; эта добродушная и веселая простота—это его Фламандскій характеръ; эти солнечныя лучи, эта чудная свѣто-тѣнь, схваченныя и увѣковѣченныя кистью—это его Фламандская радость и любовь. Тоже самое чувствуетъ и Нѣмецъ передъ своими Гольбейнами и Дюрерами, сухими, скудными, но полными задумчивости и глубокомыслія. Тоже самое чувствуетъ Итальянецъ предъ своимъ Леонардомъ, передъ Микель-Анжеломъ, передъ своимъ Рафаэлемъ, передъ всѣми этими царями живописи, передъ всѣми этими чудесами очерка и выраженія, которыхъ едва ли когда-нибудь достигнетъ другой какой народъ, которыхъ безъ сомнѣнія никто не превзойдетъ. Что же общаго между Русскою душою и Россійскою живописью? Рожденная на краю Россіи, на перепутіи ея съ Западомъ, выросшая чужою мыслию, чужими образцами, подъ чужимъ вліяніемъ, носитъ ли она на себѣ хоть признаки Русской жизни? Въ ней узнаетъ ли себя Русская душа? Глядя на произведенія Россійскихъ живописцевъ, мы любуемся ими какъ достояніемъ всемірнымъ, мы называемъ ихъ своими, а чувствуемъ получужими. Растенія безъ воздуха и безъ земли, выведенныя на стеклѣ подъ соломенной настилкой, согрѣтыя солнцемъ тепличнымъ *).

Первый пошелъ по новому пути Ивановъ. Дѣятельность его имѣетъ для насъ глубокій, поучительный интересъ.

I, 706. Русскій художникъ находится въ тѣхъ же отношеніяхъ къ художеству Европы, въ которыхъ находимся мы всѣ къ всѣмъ областямъ Европейской мысли. Онъ подавленъ этимъ художественнымъ, міромъ, котораго богатство и прелесть онъ чувствуетъ тѣмъ живѣе, чѣмъ его собственная душа впечатлительнѣе къ прекрасному. Ему нель-

*) Писано въ 1845 году.

зя не воспринять въ себѣ этотъ міръ, если онъ дѣйствительно рожденъ быть художникомъ; ему необходимо оторваться отъ него, чтобы достигнуть творчества и сдѣлаться дѣятелемъ свободнымъ. Любовью обнимаетъ онъ всѣ произведенія всѣхъ школъ, невольно увлекаясь ими, а долженъ отрѣшиться отъ нихъ, чтобы отыскать въ самомъ себѣ то, что дѣйствительно ему самому присуще, что лежитъ (какъ говорятъ Англичане) въ сердцѣ его сердца, что потребовало бы художества и создало бы художество, еслибы художество еще не существовало. Онъ долженъ освободиться изъ этой прихотливой и безпутной смѣси любовныхъ влеченій къ явленіямъ міра и искусства, чтобы отыскать свою коренную любовь, которой онъ долженъ посвятить всѣ свои силы и которая должна создать въ немъ силы новыя и невѣданныя. Пелену за пеленой, слой за слоемъ, хламъ за хламомъ (часто даже видимо прекрасный хламъ) долженъ онъ скидывать съ души, чтобы допросить ея истинную сущность и получить отъ нея отвѣтъ. Тогда только можетъ высказаться и выйти на Божій свѣтъ все затемненное, забытое, забитое, заваленное полутора столѣтнимъ наслоеніемъ, вся дѣйствительная жизнь нашей внутренней жизни (во сколько мы еще живы), принятая нами невидимо изъ пѣсни, рѣчи, самаго языка, обычая семейнаго, болѣе же всего отъ храма Божьяго. Тогда можетъ только высказаться въ душѣ то, чѣмъ она выходитъ изъ предѣловъ тѣсной личности и является уже въ высшемъ значеніи, какъ частное отраженіе всеобщаго Русскаго духа, просвѣтленнаго Православною Вѣрою. *Тогда только приобретаетъ художникъ самого себя.* Вотъ чего долженъ былъ достигнуть Ивановъ; вотъ для чего нужны были ему многолѣтніе труды, многолѣтнее напряженіе мысли и воли! Одинъ, далеко отъ отечества, независимо отъ всякаго посторонняго вліянія, никѣмъ неподдержанный и непонятый никѣмъ, Ивановъ совершалъ и совершилъ въ области своего художества то, надъ чѣмъ въ одно время съ нимъ трудилось столько горячихъ убѣжденій, столько твердыхъ волей, столько ясновидящихъ умовъ; то, на что столько положено силъ и потрачено столько благородныхъ жизней (вспомнимъ хоть Гоголя). Далеко еще до цѣли общихъ усилій, но счастливый Ивановъ на своемъ пути достигъ своей частной цѣли. Чему обязанъ онъ этимъ успѣхомъ, большой ли геніальности, или полнѣйшей чистотѣ стремленія, или самому характеру художества, которому онъ служилъ, не знаемъ; но его торжество есть торжество общее.

Участь художества звука была подобна участи художества слова.

I, 460. Оба они были богаты и самобытны у насъ въ своемъ народномъ развитіи, богаче, чѣмъ у какого другаго народа; оба обѣдня-

ли съ введеніемъ въ Россію новыхъ художественныхъ стихій, которыми не овладѣла еще вполнѣ Русская жизнь; но и въ музыкѣ, какъ и въ словесности, наступило духовное освобожденіе, и великій художникъ пробудилъ заснувшую силу нашего музыкальнаго творчества.

Развитію народнаго искусства во всѣхъ его областяхъ оказываетъ живое содѣйствіе археологія.

I, 513. Она принесла и приносить намъ ту же пользу, которую она принесла нашимъ южнымъ и западнымъ соплеменникамъ; но этимъ не ограничивается ея дѣйствіе. Итъ, она сама измѣняетъ свое значеніе и получаетъ новое, еще высшее: она не есть уже наука древностей, но наука древняго въ настоящемъ; она входитъ какъ важная, какъ первостепенная отрасль въ наше воспитаніе умственное, а еще болѣе сердечное. Наши старыя сказки отыскиваются не на палимпсестахъ, не въ хламѣ старыхъ и полусогнившихся рукописей, а въ устахъ, Русскаго человѣка, поющего пѣсни старины людямъ, не оставшимъ отъ стараго быта. Наши старыя грамоты являются памятниками не отжившаго міра, не жизни когда-то прозвучавшей и замолкнувшей навсегда, а историческимъ проявленіемъ стихій, которыя еще живутъ и движутся по всей нашей великой роднѣ, но про которыя мы утратили было воспомнаніе. Самыя юридическія учрежденія старины нашей сохранились еще во многихъ мѣстахъ въ силѣ и свѣжести, и живутъ въ преданіяхъ и пѣсняхъ народныхъ. Наука о прошедшемъ является знаніемъ настоящаго и, углубляясь въ старину и знакомясь съ нею, мы узнаемъ современное и живаемъ съ нимъ умомъ и сердцемъ.

Ожививъ въ себѣ родныя стихіи, мы съ пользою можемъ приступить къ просвѣщенію народа.

I, 22. Русскій человѣкъ, какъ извѣстно, охотно принимаетъ науку; но онъ вѣригъ также и въ свой природный разумъ.

Наука должна расширять область человѣческаго знанія, обогащаясь его данными и выводами; но она должна помнить, что ей самой приходится многому и многому учиться у жизни. Безъ жизни она также скудна, какъ жизнь безъ нея; можетъ быть еще скуднѣе. Темное чувство этой истины живетъ и въ томъ человѣкѣ, котораго разумъ не обогащенъ познаніями. Поэтому ученый долженъ говорить съ неученымъ не снисходительно, какъ высшій съ низшимъ, не жалкимъ фистуломъ, какъ взрослый съ младенцемъ; но просто и благородно, какъ мыслящій съ мыслящимъ. Онъ долженъ говорить собственнымъ своимъ языкомъ, а не поддѣлываться подъ чужой, который называетъ народнымъ. Эта поддѣлка ничто иное какъ гримаса; эта народность не до

ходить до деревни и не переходить за околицу барскаго двора. Прежде же всего надобно узнать, т. е. полюбить ту жизнь, которую хотим обогатить наукою. Эта жизнь, полная силы преданія и вѣры, создала громаду Россіи прежде, чѣмъ иностранная наука пришла позолотить ея верхушки.

*) Величайшее вниманіе Русскихъ людей и правительства должно быть обращено на общественное воспитаніе.

Воспитаніе въ обширномъ смыслѣ есть то дѣйствіе, посредствомъ котораго одно поколѣніе prepares слѣдующее за нимъ поколѣніе къ его очередной дѣятельности въ исторіи народа. Воспитаніе въ умственномъ и духовномъ смыслѣ начинается также рано, какъ и физическое. Самые первые зачатки его, передаваемые посредствомъ слова, чувства, привычки и т. д., имѣютъ уже безконечное вліяніе на дальнѣйшее его развитіе. Строй ума у ребенка, котораго первыя слова были Богъ, тятя, мама, будетъ не таковъ, какъ у ребенка, котораго первыя слова были деньги, нарядъ или выгода. Душевный складъ ребенка, который привыкъ сопровождать своихъ родителей въ церковь по праздникамъ и по Воскресеньямъ, а иногда и въ будни, будетъ значительно развиться отъ душевнаго склада ребенка, котораго родители не знаютъ другихъ праздниковъ, кромѣ театра, бала и бартерныхъ вечеровъ. Отецъ или мать, которые предаются восторгамъ радости при полученіи денегъ или житейскихъ выгодъ, устраниваютъ духовную жизнь своихъ дѣтей иначе, чѣмъ тѣ, которые при дѣтяхъ позволяютъ себѣ умиленіе и восторгъ только при безкорыстномъ сочувствіи съ добромъ и правдою человѣческою. Родители, домъ, общество уже заключаютъ въ себѣ большую часть воспитанія; и школьное ученіе есть только меньшая часть того же воспитанія. Если школьное ученіе находится въ прямой противоположности съ предшествующимъ и, такъ-сказать, подготовительнымъ воспитаніемъ, оно не можетъ приносить полной, ожидаемой отъ него пользы; отчасти оно даже дѣлается вреднымъ: вся душа человѣка, его мысли, его чувства раздвоятся; исчезаетъ всякая внутренняя цѣльность, всякая цѣльность жизненная; обезсиленный умъ не даетъ плода въ знаніи, убитое чувство гложетъ и засыхаетъ: человѣкъ отрывается, такъ-сказать, отъ почвы, на которой выросъ, и становится пришельцемъ на своей собственной землѣ.

Общественное воспитаніе должно поставить себѣ цѣлю охраненіе и укрѣпленіе основъ народнаго духа.

*) Статья „Объ общественномъ воспитаніи въ Россіи“, изъ которой здѣсь сделано нѣсколько послѣдовательныхъ выписокъ, написана около 1858 г. и напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 г., кн. 1.

Внутренняя задача Русской земли есть проявленіе общества христіанскаго, православнаго, скрѣпленнаго въ своей вершинѣ закономъ живаго единства и стоящаго на твердыхъ основахъ общины и семьи. Этимъ опредѣленіемъ опредѣляется и самый характеръ воспитанія; ибо воспитаніе, естественно даваемое поколѣніемъ предшествовавшимъ поколѣнію послѣднему, по необходимости заключаетъ и должно заключать въ себѣ тѣ начала, которыми живетъ и развивается историческое общество. И такъ, воспитаніе, чтобы быть Русскимъ, должно быть согласно съ началами не богобоязненности вообще и не Христіанства вообще, но съ началами Православія, которое есть единственное истинное Христіанство, съ началами жизни семейной и съ требованіями сельской общины, во сколько она распространяетъ свое вліяніе на Русскія сѣла.

Правильно, что воспитаніе въ Россіи должно быть согласно съ бытомъ семейнымъ и общиннымъ, указываетъ болѣе на то, чего избѣгать должно, чѣмъ на то, что должно дѣлать. Жизненныхъ началъ общества производить нельзя: они принадлежатъ самому народу, или (во избѣжаніе слова, слишкомъ часто употребленнаго во зло и слишкомъ дурно понятаго) самой землѣ, по выраженію старо-Русскому. Можно и должно устранять все то, что враждебно этимъ началамъ, но развивать самыя начала почти невозможно. Жизненное и историческое дѣйствіе общества похоже на живыя явленія природы и, можетъ быть, еще неуловимѣе ихъ. Опасно вступать въ эти многосложныя и неосязаемыя тайны и поручать механикѣ и химіи то, что поручено Промысломъ законамъ, которыхъ никто еще не постигъ вполнѣ. Всякая премія, назначенная добродѣтели, есть премія, предлагаемая пороку. Правительство, поощряющее подвиги безкорыстной доблести какою бы то ни было корыстною наградой, отравляетъ источникъ, который хочетъ очистить; правительство, которое беретъ семью подъ свое покровительство и опеку, обращаетъ ее по-китайски въ полицейское учрежденіе и слѣдовательно убиваетъ самую семейность. Нѣтъ никакой извѣстной возможности развить или произвести чувство, связывающее Русскаго крестьянина съ его общиною, или Русскаго человѣка съ его семьею; но есть возможность подавить или уничтожить эти чувства. Хорошо направленное воспитаніе должно избѣгать всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя могли бы произвестъ такое гибельное послѣдствіе. Сельское училище, даже высшее, не должно вырывать селянина изъ его общиннаго круга и давать излишнее развитіе его индивидуальности. Все воспитаніе и всѣ училища должны быть, во сколько возможно, сообразны съ условіями семейной жизни. Любовь къ семьѣ не внушается

отвлеченными теоріями съ тѣснѣе: она растетъ и крѣпнѣетъ только привычкою къ семейному быту.

То самое, что сказано о семенномъ бытѣ, относится болѣе или менѣе къ Вѣрѣ. Безъ сомнѣнія, Христіанство, т.-е. Православіе, имѣетъ свою наукообразную сторону, которую можно изучать и которую должно преподавать; но самое поверхностное наблюденіе уже показываетъ, что преподаваемое ученіе Вѣры весьма недостаточно и шатко. Оно вообще не имѣетъ и имѣть не можетъ теплоты апостольской проповѣди, укрѣпляющей вѣрныхъ и обращающей невѣрующихъ; оно не имѣетъ и (кромѣ развѣ высшихъ училищъ) не можетъ имѣть той глубины библіотечскаго ученія, которое покоряетъ упорство разума его же оружіемъ, стройною и неопровергаемою логикою. Вообще оно не представляетъ ничего, кромѣ сухаго перечня отдѣльныхъ положеній, безъ строгихъ доказательствъ и безъ живой связи, перемутанныхъ наутину схоластикъ у преподавателей, имѣющихъ призываніе на ученую послѣдовательность, и затѣмненныхъ туманами мистики у преподавателей, имѣющихъ призываніе на глубокое чувство. Оно необходимо, но не въ немъ заключается основа христіанскаго и православнаго развитія душевныхъ способностей въ юности. Эта основа заключается въ чувствахъ сердца, укрѣпленныхъ постоянною привычкою къ вѣншему обряду Православія. Сердце воспитывается къ Христіанству, слава Богу, еще въ большей части Русскихъ семей, и училищамъ, предстоитъ только поддержать его привычкою къ обряду.

Наукообразное преподаваніе закона Божьяго во всѣхъ школахъ должно быть по преимуществу историческое; въ высшихъ же училищахъ оно можетъ и даже должно до нѣкоторой степени имѣть направленіе полемическое. Но эта полемика должна ограничиваться опредѣленіемъ отношеній ученія самой Церкви къ разнымъ ученіямъ, возникшимъ исторически изъ нея, а не отваживаться на схватку съ самымъ начѣломъ аналитическаго сомнѣнія или скепсиса. Эта вѣковая борьба рѣдко кому по силамъ. Конечно, она неизбежна, но должна быть предоставлена мыслителямъ, говорящимъ или пишущимъ для слушателей или читателей уже зрѣлыхъ; она неприлична рядовому преподавателю, говорящему передъ школьниками, слабыми въ разумѣ, сильными въ самоувѣренности, всегда готовыми къ сомнѣнію, какъ къ признаку умственной свободы, и всегда одаренными искусствомъ подмѣчать слабую сторону въ преподавателяхъ своихъ. Тутъ для Вѣры равно опасны и цѣловѣй защитникъ, и молодой слушатель цѣловѣй защиты. Общій духъ школы долженъ быть согласенъ съ Православіемъ и укрѣплять сѣмена его, посеянные семеннымъ воспитаніемъ, а дѣтскіе катехизисы, или богословія должны только уяснить понятія о Вѣрѣ.

То, что называемъ мы общимъ духомъ школы, признающей надъ собою высшій судъ закона христіанскаго, не только не противно нѣкоторой свободѣ въ преподаваніи наукъ, но еще требуетъ этой свободы. Всякая наука должна выговаривать свои современные выводы прямо и открыто, безъ унижительной лжи, безъ смѣшныхъ натяжекъ, безъ умалчиванья, которое слишкомъ легко можетъ быть обличено. Нѣтъ сомнѣнія, что показанія нѣкоторыхъ наукъ положительныхъ, какъ геологія, фактическихъ, какъ исторія, или умозрительныхъ, какъ философія, кажутся не вполне согласными съ историческими показаніями Священнаго Писанія или съ его догматическою системою. Тоже самое было и съ другими науками и иначе быть не могло. Науки не совершили круга своего, и мы еще далеко не достигли до ихъ окончательныхъ выводовъ. Точно также не достигли мы и полнаго разумѣнія Св. Писанія. Сомнѣнія и кажущіяся несогласія должны являться, но только смѣлымъ допущеніемъ ихъ и вызовомъ наукъ къ дальнѣйшему развитію можетъ Вѣра показать свою твердость и непоколебимость. Заставляя другія науки лгать или молчать, она подрываетъ не ихъ авторитетъ, а свой собственный. Въ системѣ лживизіи религіозной вредны не столько ея жестокости, сколько робость и безвѣріе, которыя въ ней скрываются.

Разумъ человѣка есть начало живое и цѣльное; его дѣятельность въ отношеніи къ наукѣ заключается въ пониманіи. Самые предметы представляемые наукою, какъ и предметы видимаго и осязаемаго міра, суть только матеріалы, надъ которыми трудится пониманіе. Истинная цѣль воспитанія умственнаго есть именно развитіе и укрѣпленіе пониманія; а эта цѣль достигается только посредствомъ постоянного сравненія предметовъ, представляемыхъ цѣлымъ міромъ науки и понятій, принадлежащихъ ея разнымъ областямъ. Умъ, съизмала ограниченный одною какой-нибудь областью человѣческаго знанія, впадаетъ по необходимости въ односторонность и тупость и дѣлается неспособнымъ къ успѣху даже въ той области, которая ему была предназначена. Обобщеніе дѣлаетъ человѣка хозяиномъ его познаній; ранній спеціализмъ дѣлаетъ человѣка рабомъ вытверженныхъ уроковъ. Самое богатство матеріаловъ, если они все принадлежатъ къ одной какой-нибудь отрасли науки и не пробуждаютъ дремлющей силы сравнивающаго пониманія, обращается въ тягость: оно лежитъ безплоднымъ и свинцовымъ грузомъ въ сонной головѣ, между тѣмъ какъ меньшее количество матеріаловъ, пробудившее дѣятельность ума съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ направленіяхъ, приносятъ богатые плоды и самому человѣку, и обществу, которому онъ принадлежитъ. Такъ несчастный ученикъ ремесленно-художественной школы, вѣкъ свой трудившійся

надъ рисованіемъ орнаментовъ, никогда не нарисуетъ и не придумаетъ того затѣливаго орнамента, который шутя накинеть въ одно мгновеніе рука академика, никогда не думавшаго о сплетеніи виноградныхъ и дубовыхъ листьевъ.

Вслѣдствіе такихъ соображеній, изъ курса гимназическаго должна быть устранива исключительная спеціальность занятій; но такъ какъ въ раннемъ возрастѣ отчасти уже выражаются умственные способности учащихся и ихъ склонности, или еще чаще направленіе, данное имъ желаніемъ родителей, то можно допустить раздѣленіе общаго курса на два отдѣленія: на отдѣленіе словесности и отдѣленіе математики *). Университетъ, какъ высшее изъ всѣхъ государственныхъ училищъ, опредѣляетъ значеніе всѣхъ остальныхъ. Его процвѣтаніе есть процвѣтаніе всѣхъ, его паденіе—паденіе ихъ. Плохой университетъ дѣлаетъ всѣ остальные школы ничтожными, иныя вслѣдствіе ихъ прямой

*) Далѣе сказано: „Предметы обоихъ курсовъ должны быть одинаковы, ученіе общее. Различіе должно быть въ экзаменѣ. Характеръ отдѣленій опредѣляется преобладаніемъ изысканій въ одномъ и математики въ другомъ. Въ обоихъ эти отчасти спеціальныя занятія должны быть сколько возможно менѣе направлены къ практической цѣли и, следовательно, сколько возможно болѣе заключены въ области отвлеченнаго знанія. Словесность должна по преимуществу обращаться къ древнимъ языкамъ, математика—къ алгебраическимъ формуламъ. Задача переходнаго училища состоитъ именно въ томъ, чтобы расширить и укрѣпить пониманіе, и этой цѣли можетъ оно достигнуть только такою системою, которая доставляетъ трудъ уму и пищу размышленію. Преподаваніе языковъ живыхъ и математики прикладной раскидываетъ мысль; преподаваніе языковъ древнихъ, и чистой математики сосредоточиваетъ ее въ самой себѣ. Одно изнѣживаетъ и расслабляетъ, другое трезвитъ и укрѣпляетъ. Тотъ, кто учится Французскому и другимъ Европейскимъ языкамъ, пріобрѣтаетъ только новое средство читать журналы и романы и лепетать въ обществѣ на разныхъ ломанныхъ нарѣчіяхъ; тотъ, кто учится языкамъ древнимъ, пріобрѣтаетъ знаніе не языковъ, но самыхъ законовъ слова, живаго выраженія человѣческой мысли. Одного знанія древнихъ языковъ достаточно, чтобы Русскій человѣкъ превосходно овладѣлъ своимъ собственнымъ языкомъ, а знаніе многихъ живыхъ языковъ достаточно, чтобы Русскій совершенно разнакомился со всеми новыми особенностями роднаго нарѣчія. Почти тоже самое можно сказать и объ математикѣ. Чистая математика приготовляетъ человѣка къ прикладной; прикладная дѣлаетъ человѣка почти неспособнымъ къ яснаму уразумѣнію законовъ чистой математики. Познавецъ, познаваніе языковъ новѣйшихъ и наукъ физическихъ легко пріобрѣтается и по выходѣ изъ школы: сама жизнь помогаетъ этому пріобрѣтенію. Языки древніе и чистая математика никогда уже не пріобрѣтаются тѣмъ, кого школа съ ними не подружила. Ученіе, повидимому, безполезное въ отношеніи практическомъ, создаетъ людей критичeskихъ и самозмѣляющихъ; ученіе, повидимому, чисто-практическое, воспитываетъ пустыхъ повторителей заграничной болтовни. Итакъ, знаніе древнихъ языковъ и знаніе математики умозрительно составить характеръ двухъ отдѣленій гимназіи; но, какъ уже сказано, преподаваніе въ обоихъ отдѣленіяхъ должно быть одно и тоже, и только при экзаменѣ, по собственному желанію учениковъ, опредѣляется различіе между ними. Просищіе экзамена по словесности экзаменуются строже въ языкахъ древнихъ и легче въ математикѣ, которая считается для нихъ предметомъ только вспомогательнымъ; просищіе экзамена по математикѣ экзаменуются строже по алгебрѣ и геометріи и легче по древнимъ языкамъ, которые для нихъ уже составляютъ ученіе только вспомогательное“.

зависимости, други въѣдетіе того соревнованія, которое заставляетъ даже спеціальную школу стремиться къ совершенству, чтобы не уступить слишкомъ явного первенства высшему учебному заведенію. Итакъ, улучшение университетовъ должно считать предметомъ первой важности въ дѣлѣ образованія общественнаго, и къ нему должно прилагать всевозможныя старанія.

Въ непосредственной связи съ вопросомъ объ общественномъ воспитаніи стоитъ вопросъ о свободѣ печати.

Книгопечатаніе можетъ быть употреблено во зло. Это зло должно быть предотвращено цензурою, но цензурою не мелочною, не кропотливою, не безразсудно-робкою, а цензурою просвѣщленною, снисходительною и близкою къ полной свободѣ. Пусть унимаетъ она страсти и вражду; пусть смотритъ за тѣмъ, чтобы писатели, выражая мнѣніе свое, говорили отъ разума (конечно всегда ограниченаго) и обращались къ чужому разуму, а не разжигали злаго и недостойнаго чувства въ читателѣ; но пусть уважаетъ она свободу добросовѣтнаго ума. Цензура, безразсудно строгая, вредна вездѣ; но цензура безмѣрно строгая была бы вреднѣе въ Россіи, чѣмъ гдѣ либо. По милости Божіей, наша родина основана на началахъ высшихъ, чѣмъ другія государства Европы, не исключая даже Англіи; при она живетъ, при крѣпка. Эти начала могутъ и должны выражаться печатно. Если выраженіе ихъ затруднено, и жизнь словесная подавлена, мысль общественная и особенно мысль молодого возраста предается вполнѣ и безъ защиты вліянію иноземцевъ и ихъ словесности, вредной даже въ произведеніяхъ самыхъ невинныхъ, по общему мнѣнію. Болѣе того: иностранная словесность сама по себѣ, безъ противодѣйствія словесности Русской, вредна даже въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя, по общему мнѣнію, заслуживаютъ наиболѣе похвалы и особеннаго поощренія. Для Русскаго взглядъ иностранца на общество, на государство, на вѣру, превращенъ; неисправленная добросовѣтною критикою Русской мысли, слова иностранца, даже когда онъ защищаетъ истину, наводятъ молодую мысль на ложный путь и на ложные выводы, а между тѣмъ, при оскудѣніи отечественнаго слова, Русскій читатель долженъ по поволѣ пробавляться произведеніями заграничными.

Но скажутъ: строгость цензуры никогда не можетъ падать на произведенія безвредныя или полезныя. Это не правда. Можно доказать, что излишняя цензура дѣлаетъ невозможною всякую общественную критику, а общественная критика необходима для самого общества, ибо безъ нея общество лишается сознанія, а правительство лишается всего общественнаго ума. Но если бы даже это было правдою, то и тогда вредъ былъ бы непечислимъ. Честное перо требуетъ

свободы для своихъ честныхъ мѣнъ, даже для своихъ честныхъ ошибокъ. Когда, по милости слишкомъ строгой цензуры, вся словесность бываетъ наводнена выраженіями низкой лести и явнаго лицемерія въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, честное слово молчать, чтобы не мѣшаться въ этотъ отвратительный хоръ, или не сдѣлаться предметомъ подозрѣнія по своей прямодушной рѣзкости; лучшіе дѣятели отходятъ отъ дѣла, все поле дѣяствія предоставляется продажнымъ и низкимъ душамъ, душевный развратъ, явный или кое какъ прикрытый, проникаетъ во все произведенія словесности; умышленная жизнь изсякаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ, и мало по малу въ обществѣ растетъ то равнодушіе къ правдѣ и нравственному добру, котораго достаточно, чтобы отравить цѣлое поколѣніе и погубить многія за нимъ слѣдующія. Такіе примѣры бывали въ исторіи, и ихъ должно избѣгать. Таковы ближайшія задачи Русскаго человѣка, народа и государства.

I, 258. Великъ и благороденъ подвигъ всякаго человѣка на землѣ, подвигъ Русскаго исполненъ надежды. Не жалѣть о лучшемъ прошедшемъ, не скорбѣть о пѣкогда бывшей Вѣрѣ должны мы, какъ Западный человѣкъ; но, помня съ отрадою о живой Вѣрѣ нашихъ предковъ, надѣяться, что она озаритъ и проникнетъ еще полнѣе нашихъ потомковъ; помня о прекрасныхъ плодахъ Божественнаго начала нашего просвѣщенія въ старой Руси, ожидать и надѣяться, что, съ помощію Божіею, та цѣльность, которая выражалась только въ отдѣльных проявленіяхъ, безпрестанно исчезающихъ въ смутъ и мятежъ многострадальной исторіи, выразится во всей своей многосторонней, полной, въ будущей мирной и сознательной Руси.

I, 173. Совершается, хотя и медленно (такъ какъ и слѣдуетъ быть) переходъ въ нашемъ общественномъ мышленіи. Но надежда не должна порождать ни излишнюю утѣренность, ни лѣнивую безпечность. Много еще времени, много умышленной борьбы впереди. Не вдругъ разгоняется умышленный сонъ, медленно перемѣняются убѣжденія; еще медленно измѣняются привычки, данные полутора столѣтнимъ направленіемъ. Все дѣло людей нашего времени можетъ быть еще только дѣломъ самовоспитанія. Намъ не суждено еще сдѣлаться органами, выражающими Русскую мысль; хорошо, если сдѣлаемся хоть сосудами, способными сколько-нибудь ее воспринять. Лучшая доля предстоитъ будущимъ поколѣніямъ: въ нихъ уже могутъ выразиться во полнѣ все духовныя силы и начала, лежащія въ основѣ Святой Православной Руси. Но для того, чтобы это было возможно, надобно, чтобы жизнь каждаго была въ полномъ согласіи съ жизнью всехъ, чтобы не

было раздвоенія ни въ лицахъ, ни въ обществахъ. Частное мышленіе можетъ быть сильно и плодотворно только при сильномъ развитіи мышленія общаго; мышленіе общее возможно только тогда, когда высшее знаніе и люди, выражающіе его, связаны со всеѣмъ остальнымъ организмомъ общества узами свободной и разумной любви, и когда умственные силы каждаго отдѣльнаго лица оживляются круговращеніемъ умственныхъ и нравственныхъ соковъ въ его народѣ. Исторія призываетъ Россію стать впереди всемірнаго просвѣщенія; она даетъ ей на это право за всесторонность и полноту ея началъ; а право, данное исторіею народу, есть обязанность, налагаемая на каждаго изъ его членовъ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы видѣли Хомякова такимъ, какимъ знали его современники и какимъ онъ является намъ въ своихъ сочиненіяхъ. Первый, непосредственный выводъ изъ сопоставленія этихъ двухъ областей, въ которыхъ сохранился намъ его образъ, есть рѣдкое между ними согласіе. Человѣкъ, сказавшій, что въ Церкви «ученіе живетъ, и жизнь учитъ», самъ въ высшей мѣрѣ проявилъ это единство мысли, слова и дѣла во всѣхъ частяхъ своей дѣятельности. Поэтому повѣсть о его жизни служить необходимымъ дополненіемъ къ его писаніямъ; на основаніи же совокупности того и другаго можемъ мы произнести справедливое сужденіе о томъ, чѣмъ онъ былъ и что сдѣлалъ.

Высказанныя Хомяковымъ мысли представляютъ въ цѣломъ систему религіозныхъ, философскихъ, историческихъ и соціальныхъ воззрѣній, систему, которой главныя черты намѣчены въ нашемъ изложеніи. Въ проповѣди неповѣдуемыхъ имъ началъ состояло виѣшнее дѣло его жизни.

Когда человѣкъ сходитъ со своего земнаго попрница, когда для него, по выраженію поэта, «настанетъ потомство», тогда наступаетъ и оцѣнка свершеннаго имъ на землѣ дѣла. Въ предисловіи къ нашему труду мы указали на причины, замедлившія оцѣнку Хомякова. Но мы разумѣли оцѣнку всестороннюю, спокойную и безпристрастную, судъ *sine ira et studio*. Для *такой* оцѣнки Хомякова только что наступаетъ пора; частныя же попытки выяснить его значеніе дѣлались и вскорѣ послѣ его смерти, и еще при жизни, особенно, если имѣть въ виду отзывы отрицательные.

Мнѣнія о Хомяковѣ современниковъ можно раздѣлить на три разряда: на мнѣнія противниковъ, единомыслениковъ и учениковъ. Чтобы не теряться во множествѣ отзывовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать точное понятіе о каждой изъ указанныхъ точекъ зрѣнія, приведемъ

вкратцѣ взгляды на Хомякова трехъ наиболѣе крупныхъ въ своей сферѣ людей: А. И. Герцена, Н. И. Гиларова-Платонова и Ю. О. Самарина. Думаемъ, что подъ этими тремя именами соединимъ все, что болѣе или менѣе самостоятельно говорилось о Славяновѣдствѣ вообще и о Хомяковѣ въ частности при его жизни и вскорѣ послѣ его смерти.

Герценъ видѣлъ въ Хомяковѣ прежде всего *бѣлжника*. Онъ былъ кореннымъ образомъ несогласенъ съ Хомяковымъ по всѣмъ важнейшимъ философскимъ, историческимъ и социальнымъ вопросамъ. Будучи самъ, по крайней мѣрѣ, въ то время, чуждымъ иномъ убѣжденнымъ и нескрѣпленнымъ и не исходя вѣрными ни съ какими съ доводами Хомякова, ни опровергнуть ихъ точно и окончательно. Герценъ долженъ былъ признать, что система Хомякова, стоящая въ основаніяхъ, вѣрна себѣ въ логическомъ построеньи и что самъ онъ силенъ не истиною, а красноречіемъ. Таковъ конечный смыслъ отзывовъ Герцена о Хомяковѣ, разбѣившихъ въ его воспоминаніяхъ. Того же взгляда держались Грановскій и другіе Западники, считая Хомякова не убѣжденнымъ проповѣдникомъ, а блестящимъ ораторомъ. Такой взглядъ на него перевелъ преемственно и въ подѣляющихъ сторонамъ Западнаго направленія, немного только смѣнившись въ теченіе времени, утративъ острогу и раздраженіе борьбы, но сохранивъ сущность отрицательнаго отношенія.

— Люди, близкіе къ Хомякову въ основаніяхъ своихъ воззрѣній, но не считавшіе себя непосредственно его учениками, какъ Гиларовъ, думали, что Хомяковъ идетъ по вѣрному пути, но не рече, имѣя въ своими построеніями полной чаемой ими религіозно-философской истины. Поэтому Гиларовъ говоритъ, что Хомяковъ одностороненъ и неполонъ.

Наконецъ, мнѣніе людей, проникнутыхъ духомъ проповѣди Хомякова и открыто признающихъ себя его учениками, можетъ быть выражено словами Самарина, который въ своемъ предисловіи къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова говоритъ: «для людей безразлично равнодушныхъ къ гѣрѣ Хомяковъ былъ страшенъ и смѣленъ для людей, оказывающихъ вѣру свое высокое покровительство, онъ былъ невыносимъ, онъ безпокоилъ ихъ; для людей, сознательно и, по своему, добросовѣстно отвергающихъ вѣру, онъ былъ живымъ возразителемъ, передъ которымъ они становились ступать; наконецъ, для людей, сохранившихъ въ себѣ чуткость неопровержимаго религіознаго смысла, но запугавшихся въ противорѣчіяхъ и раздвоившихся душою, онъ

былъ своего рода эмансипаторомъ: онъ выводилъ ихъ на просторъ, на свѣтъ Вѣжій и возвращалъ имъ цѣльность религіознаго сознанія. Живые умы и воспріимчивыя души выносили изъ сближенія съ Хомяковымъ то убѣжденіе или, положимъ, хоть то ощущеніе, что истина живая и животворящая никогда не раскрывается передъ простою любознательностью, но всегда дается въ мѣру запроса совѣсти, ищущей празумленія, и что въ этомъ случаѣ актъ умственнаго постиженія требуетъ подвига воли; что нѣтъ такой истины научной, которая бы не согласовалась или не должна была окончательно совпасть съ истинною повѣданною; что нѣтъ такого чувства или стремленія, въ нравственномъ отношеніи безукоризненнаго, нѣтъ такой разумной потребности, какого бы рода она ни была, отъ которыхъ бы мы должны были отказаться вопреки нашему сознанію и нашей совѣсти, чтобы купить успокоеніе въ доиѣ Церкви; словомъ, что можно вѣрить честно, добросовѣстно и свободно, что даже иначе какъ честно, добросовѣстно и свободно нельзя и вѣрить. Вотъ что уяснялъ, развивалъ, доказывалъ Хомяковъ своимъ могучимъ, неотразимымъ словомъ, и слову своему онъ самъ всею существомъ своимъ служить живымъ подтвержденіемъ и свидѣтельствомъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы назвали его эмансипаторомъ людей, расположенныхъ вѣрить, но запуганныхъ и смущенныхъ встрѣчею съ противорѣчіями, повидимому, неразрѣшными. Узнавъ его, они начинали дышать полною грудью, чувствуя себя какъ бы освобожденными въ своемъ религіозномъ сознаніи и какъ бы оправданными въ своемъ внутреннемъ протестѣ противу всѣхъ двуличныхъ и незаконныхъ (хотя подчасъ и соблазнительныхъ) сдѣлокъ съ тою примѣною лжи, неправды и условности, которою застилается въ нашихъ понятіяхъ образъ Церкви».

Мы ограничиваемся здѣсь этими небольшими выписками, которыми Самаринъ опредѣляетъ собственно личное воздѣйствіе Хомякова на сближавшихся съ нимъ людей, и не приводимъ въ подробности взгляда Самарина на его значеніе, во-первыхъ потому, что Самаринъ въ своемъ «Предисловіи» касается только одной (правда важнѣйшей) стороны дѣятельности Хомякова; во-вторыхъ, и болѣе всего, потому, что «Предисловіе» само по себѣ такое цѣльное, сжатое и сильное произведеніе, которое необходимо прочесть цѣликомъ. Въ концѣ его Самаринъ называетъ Хомякова учителемъ Церкви и кончаетъ словами: «Называя его этимъ именемъ, мы хорошо знаемъ, что наши слова приняты будутъ одними за дерзкій вызовъ, другими за выраженіе слѣпаго пристрастія ученика къ учителю; первые на насъ вознегодуютъ, вторые насъ осмѣютъ. Все это мы напередъ знаемъ; но знаемъ и то,

что будущія поколѣнія будутъ дивиться не тому, что въ 1867 году кто-то рѣшился сказать это печатно и подписать свое имя, а тому, что было такое время, когда на это могла потребоваться хоть самая малая доля рѣшимости».

Такъ смотрѣли на Хомякова современники разныхъ оттѣнковъ мысли. Для насъ, для *потомства*, лишеннаго возможности оцѣнки непосредственной, значеніе Хомякова, какъ и всякаго мыслителя, можетъ выясниться лишь изъ сопоставленія его съ другими теченіями мысли, предшествовавшими и современными ему. Для этого прежде всего возобновимъ въ памяти основныя положенія, высказанныя Хомяковымъ и изложенныя нами, въ большинствѣ, его же словами, въ предыдущей части нашего изслѣдованія.

Въ исторіи религій, представляющей собою средоточіе и ключъ къ уразумѣнію всей жизни человѣчества, искони обозначаются два раздѣльныхъ, самобытныхъ и по существу противоположныхъ начала: начало духовной свободы, проявляющееся вѣрою въ личнаго, вѣ въ вещества стоящаго Бога и признающее міръ произведеніемъ Его творческой воли, и начало вещественной необходимости, въ области котораго Божество является лишь скрытымъ закономъ самого вещественнаго міра и хотя повидимому облекается въ личный образъ, но въ сущности не имѣетъ самостоятельнаго личнаго бытія и слѣдовательно не только не сотворило или не творитъ міръ, но само рабствуетъ міру. Мнѣніескій символъ его жизни и дѣятельности—рожденіе. Духъ, стремящійся и не могущій разорвать оковы вещества, слѣдовательно не властный достигъ свободы живой и дѣятельной, находитъ замѣну ея лишь въ самоуничтоженіи—въ небытіи. Сношеніе человѣка съ Божествомъ—не молитва, а заклинаніе.

Первое начало, присущее племенамъ Арійскимъ, всего же неприкосновеннѣе сохраненное народомъ Еврейскимъ, получило свое совершеніе въ Христіанствѣ, воплотилось въ Церкви и живетъ въ народахъ, ее составляющихъ. Второе, изъ своей первой колыбели у племенъ Кушитскихъ или Хамидовъ, создавъ ихъ вещественное могущество и славу, съ паденіемъ ихъ царства проникло къ племенамъ Запада и, принявъ въ Римѣ образъ обоготвореннаго государства, примѣшалось тамъ къ Христіанству, исказило его и, согласно съ первоначальною своею двойственностью, произвело матеріально-утилитарное Латинство съ его церковью—государствомъ, съ его учетомъ грѣховъ и заслугъ, съ его заклинательною слою танствъ, и философски—безразличное Протестантство съ его безформенностью, съ его одинокою личностью, разрѣшающееся въ полный скептицизмъ и невѣріе.

Послѣднее изъ великихъ племенъ, выступившихъ до сихъ поръ на историческое поприще, племя Славянское, отчасти по природнымъ своимъ свойствамъ, болѣе же всего подъ воздѣйствіемъ Православной вѣры Христовой, къ воспріятію коей оно повидимому было особенно предрасположено, проявило нѣкая бытовья и общественныя начала, чѣмъ племена Западно-Европейскія, носившія въ себѣ одностороннее просвѣтительное начало Латинства и потому равнѣе достигшія вѣшняго могущества. Лицомъ къ лицу съ ними сталъ представитель Славянства, Русскій народъ, надолго остановленный въ своемъ вѣшнемъ развитіи гнетомъ бѣдствій, потомъ, въ лицѣ правящей своей части, увлотившейся отъ прямого пути и наконецъ пачинающей вновь сознать свое призваніе. Таковъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, ходъ мысли Хомякова.

Противоположность двухъ началъ (свободы и необходимости, духа и формы, единства внутренняго, живаго, и единства вѣшняго, условнаго) продолжаетъ стоять нынѣ, какъ стояла она тысячелѣтія тому назадъ; но она замѣтнѣе теперь, ибо человечество не даромъ прожило эти тысячелѣтія: мы можемъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что лишь смутно чуяли наши предки.

Въ отличіе отъ проявленій народной жизни, безконечно разнообразныхъ, но связанныхъ безчисленными, часто невидимыми намъ нитями, *сознаніе* народное есть дѣло отдѣльныхъ лицъ. И чѣмъ полнѣе жизнь народа, чѣмъ глубже ея источники, чѣмъ труднѣе переживаемая народомъ пора, чѣмъ сложнѣе и неувимѣе ея признаки: тѣмъ мудренѣе задача выразителей народнаго самосознанія. Къ такому-то подвигу уразумѣнія и уясненія жизни великаго, но мало извѣданнаго въ немъ самомъ народа, въ пору совершающагося въ немъ историческаго перелома, былъ призванъ Хомяковъ. Въ отвѣтъ на вопросъ, какъ онъ совершилъ этотъ подвигъ, лежитъ оцѣнка его жизненнаго дѣла и заслуги его передъ потомствомъ.

Думая, говоря и дѣйствуя въ согласіи съ ходомъ основныхъ своихъ воззрѣній, вѣрнѣе, выводя свои воззрѣнія изъ всей цѣлости своего духовнаго существа при помощи своихъ всеобъемлющихъ научныхъ знаній, Хомяковъ несомнѣнно и точно опредѣляется въ своемъ отношеніи къ предшествовавшимъ и современнымъ ему явленіямъ и системамъ. Въ области вѣроученія, свободный ото всякой, даже самой ничтожной пріимѣи Западнаго раціоналистическаго воззрѣнія, стоя на незыблемой почвѣ яснаго и строгаго церковнаго преданія, онъ твердо и безповоротно опредѣлилъ объ разновидности Западнаго раскола

Латинство и Протестантство, представляющія въ иной измѣненной, частью скрытой формѣ, все тѣже двѣ стороны древняго матеріальнаго просвѣщенія, котораго начало и постепенное развитіе Хомяковъ выяснилъ въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Онъ первый заговорилъ съ Западомъ голосомъ, въ которомъ не слышалось ни вражды, ни рабства, и лучшіе люди на Западѣ оцѣнили щепетливую прямоту и суровую искренность его рѣчи. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ былъ бы Хомяковъ понятъ тамъ раньше; но для своихъ соотечественниковъ онъ несомнѣнно явился какъ разъ въ время, когда запесенный къ намъ съ Запада раціонализмъ выяснился и у насъ въ обоихъ своихъ видахъ: въ видѣ формализма во внѣшней жизни Церкви и въ видѣ скептическаго невѣрія, основаннаго въ большинствѣ случаевъ на поверхностномъ научномъ знаніи—въ обществѣ. Хомяковъ, выразивъ ясно и точно православную мысль, выступилъ разомъ противъ того и другаго. Принадлежа старой вѣрующей Руси цѣлостью внутренняго убѣжденія и современной наукѣ всестороннимъ образованіемъ, онъ первый ясно опредѣлилъ взаимное отношеніе обѣихъ областей. По складу ума и еще болѣе по свойству вопроса, богословская дѣятельность Хомякова носила характеръ положительной проповѣди; но необходимость борьбы съ ограниченностью и заблужденіемъ заставляла ее принимать оттѣнокъ полемическій. Личное положеніе Хомякова и ближайшихъ его сотрудниковъ особенно отчетливо опредѣляется отношеніемъ къ нимъ тѣхъ, кого задѣвали высказываемыя ими мысли. Это было въ однихъ—недовѣріе, смѣшанное съ какимъ-то изумленіемъ, въ другихъ—раздраженіе и вражда, скрываемая подъ личиною презрѣнія и насмѣшки.

Тоже самое повторялось и въ вопросахъ научныхъ и общественныхъ; но такъ какъ послѣдніе доступны для образованнаго и полубразованнаго большинства, чѣмъ вопросы Вѣры, да и затрогиваютъ они интересы болѣе осязаемые и ходячіе, то здѣсь и недовѣріе, и вражда выступали рѣзче.

Отрицательная сторона Западнаго вліянія выразилась у насъ болѣе всего склонностью къ Западно-европейскимъ государственнымъ формамъ; но такъ какъ Западная мысль и практика со времени Петровой реформы принимались у насъ почти или вовсе безъ критики, то въ Россіи одновременно и, такъ сказать, равноправно явились обѣ Западно-европейскія политическія партіи — консервативная и либеральная. За отсутствіемъ аристократіи въ Западномъ смыслѣ слова и при бюрократическомъ строѣ администраціи, консерватизмъ нашъ былъ

такие чисто-бюрократическій, а идею царской власти понималъ въ Западномъ смыслѣ виѣшняго пароду абсолютизма; либерализмъ же цѣликомъ принялъ Западное ученіе о государственной условности и пошелъ по знакомому пути, до революціонныхъ идей включительно. Такимъ образомъ какъ въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ наши Западники, за споромъ между Латинаствомъ и Протестантствомъ, не могли разглядѣть Православія; такъ и въ области государственныхъ понятій они никакъ не могли отвѣчаться отъ Западнаго взгляда на вещи и, споря между собою изъ двухъ лагерей, часто горячо и искренно, не понимали, что исходная ихъ точка одна; что, какъ ни противоположны повидимому одинъ другому взгляды этихъ такъ называемыхъ консерваторовъ и либераловъ—они вполнѣ единодушны въ самомъ главномъ: въ полномъ непониманіи основъ Русской государственности. Славянофиламъ приходилось одновременно доказывать несостоятельность того и другаго направленія. Ихъ поочередно (а часто и заразъ, только по разнымъ вопросамъ) причисляли то къ тому, то къ другому лагерю, не понимая такой повидимому очевидной истины, что нельзя примѣнять къ оцѣнкѣ ученія мѣру, несоизмѣримую съ его основаніемъ.

Таково въ общихъ чертахъ было положеніе Славянофильства между современными ему общественными группами лицъ и мѣній. Мы знаемъ, что кружокъ Славянофиловъ былъ очень немногочисленъ. При этомъ далеко не всѣ Славянофилы въ одинаковой мѣрѣ способствовали теоретической выработкѣ того, что въ цѣломъ можно назвать славянофильскимъ ученіемъ. Кромѣ Хомякова, существенно потрудились надъ нею: П. В. Кирѣевскій—опредѣленіемъ отношенія философіи къ Вѣрѣ и Западнаго просвѣщенія къ Русскому; К. С. Аксаковъ—выясненіемъ бытовыхъ и государственныхъ стихій Русской исторіи, и Ю. Ѳ. Самаринъ—изображеніемъ того процесса, коимъ, чрезъ воспріятіе раціоналистическаго начала, искажилось Латинство въ сферѣ нравственнаго ученія. Мы указываемъ здѣсь на главнѣйшія стороны самостоятельной дѣятельности этихъ людей какъ мыслителей, не говоря о ихъ разностороннихъ спеціальныхъ занятіяхъ и о широкой общественной дѣятельности послѣдняго, въ которой онъ соприкасался съ Кошелевымъ, княземъ Черкасскимъ и отчасти съ И. С. Аксаковымъ.

Мы видѣли, сколько въ каждой изъ этихъ областей поработалъ Хомяковъ; и, не входя въ сравнительную оцѣнку заслугъ каждаго изъ этихъ четырехъ незабвенныхъ дѣятелей Русскаго возрожденія, можемъ, кажется, на основаніи всего предыдущаго, высказать опредѣленное су-

ждеіе, что Хомяковъ объединилъ частныя области, въ которыхъ потрудились его друзья, и потому болѣе всѣхъ имѣетъ право на названіе творца славянофильскаго ученія, если, опять таки повторяемъ, принимать таковое какъ нѣчто отдѣльное отъ Православія вообще.

Вполнѣ самостоятельной областью Хомякова была исторія, вѣрнѣе православно-христіанская философія исторіи. Выработанныя имъ въ ней положенія и были тою основною и объединяющею нитью, которая связала также самостоятельныя, но притомъ нѣсколько разрозненные выводы его сотрудниковъ.

Итакъ выясненіе противоположности съ одной стороны между просвѣщеніемъ духовнымъ, откровеннымъ и матеріальнымъ, разсудочнымъ, съ другой между бытовымъ складомъ Русскаго народа, давшимъ общину внизу и самодержавіе на верху, и Западнымъ строемъ, давшимъ аристократію, абсолютизмъ, условность государственную; установленіе очевидной связи между этими двумя порядками явленій, происходящими изъ одного источника: точное опредѣленіе основныхъ началъ Православія и Русской народности и въ подтвержденіе ихъ свидѣтельство цѣлой жизни: вотъ дѣло Хомякова.

Мы рассказали жизнь А. С. Хомякова, изложили его ученіе и высказали нашъ взглядъ на его историческую заслугу. Мы старались, по возможности, не теряться въ подробностяхъ, а ограничивались лишь самыми основными положеніями. Этимъ исчерпывается поставленная нами себѣ задача. Выполнивъ ее по мѣрѣ силъ, должно сказать лишь нѣсколько словъ о томъ, что живетъ послѣ старыхъ Славянофиловъ какъ прямое преданіе.

Со времени дѣятельности Хомякова прошло полвѣка; тридцать шесть лѣтъ минуло уже съ его смерти. Съ тѣхъ поръ многіе пошли за нимъ; многіе думаютъ, что идутъ за нимъ, или говорятъ это, не думая; многіе продолжаютъ идти тѣми двумя путями, отъ которыхъ предостерегалъ Русскихъ людей Хомяковъ. Мы не будемъ здѣсь говорить о современномъ положеніи болѣе или менѣе враждебныхъ Славянофильству партій, а ограничимся краткимъ указаніемъ на то, какъ понимаютъ свое теперешнее положеніе люди, считающіе себя послѣдователями Славянофиловъ. Не составляя сплоченной партіи не только политической (чего, по существу славянофильскихъ убѣжденій, и быть не можетъ), но даже литературной и общественной, люди эти тѣмъ не менѣе существуютъ, и существованія ихъ, при всемъ достающемся повидимому на ихъ долю со стороны обѣихъ офиціозно-признанныхъ партій снисходительномъ пре-

зрѣній, ни та, ни другая не отрицаетъ. Ихъ убѣжденія не измѣнились; слѣдовательно не измѣнились и ихъ задачи и цѣли.

Исповѣданіе откровеннаго Христіанства, соборнаго Православія, воздающаго Кесарево Кесареви и Божіе Богови въ области вѣроученія; развитіе самобытнаго народнаго ученія въ наукѣ и искусствѣ; охраненіе и утвержденіе исконныхъ началъ Русской исторіи (мірскаго устройства, основаннаго на добровольномъ подчиненіи личности общему мѣнью и дѣлу) въ сферѣ общественной; единодушнаго съ народомъ и никакими сдѣлками не оговореннаго самодержавія въ сферѣ государственной: таковы эти убѣжденія. Имъ равно чужды какъ религіозное безразличіе, рабская подражательность, эгоизмъ личности и государственная условность, проповѣдуемая либералами, такъ и государственная церковность, громкій пафосъ, бюрократическій гнетъ и полицейскій бездушный абсолютизмъ консерваторовъ. Борьба противоположныхъ началъ таже, какая была она полвѣка тому назадъ, когда жилъ и дѣйствовалъ Хомяковъ, таже, какая была во времена Вавилонскаго столпотворенія...

Но не въ борьбѣ цѣль тѣхъ, кто проникнется духомъ Хомякова. Мы вѣримъ и надѣемся, что время борьбы и полемики минуетъ. Жизнь Церкви, просвѣщеніе и ростъ человѣчества: вотъ поприще и цѣль всѣхъ, кому дорога истина. По этому единому, правому пути ведетъ насъ тотъ, чье имя поставлено въ заглавіи настоящей книги.

Путь этотъ труденъ, и не легко продолженіе дѣла Хомякова. Передъ смертью, быть можетъ въ предчувствіи ея, его любимый ученикъ, неутомимый труженикъ и боецъ, среди никогда не покидавшихъ его общественныхъ заботъ, писалъ: «Мысль бросить все и поднять съ земли пять размысленій, выпавшую изъ рукъ умирающаго Хомякова *), меня много разъ занимала; но я сознаю слишкомъ глубоко, что до этой задачи я далеко не доросъ уметвенно и не подготовленъ душою; это главное». Въ этихъ предсмертныхъ словахъ Ю. О. Самарина слышится завѣтъ, съ которымъ послѣдній изъ сотрудниковъ Хомякова какъ бы обращается ко всѣмъ тѣмъ, кто пойдетъ за нимъ во слѣдъ его учителя. Словъ этихъ никогда не слѣдуетъ забывать имъ. Какъ бы широки ни были познанія, какъ бы ни былъ смѣлъ полетъ мы-

*) Намекъ на предсмертное сочиненіе Хомякова (второе письмо о философіи къ Ю. О. Самарину). Мы упоминали о немъ выше въ разсказѣ о его жизни.

сли, этихъ познаній, этого полета еще недостаточно для уразумѣнія истины: оно требуетъ подвига и совершается лишь

... въ силѣ трезвенной смиренія
И обволенней чистоты.

Еще другое долженъ помнить идущій за Хомяковымъ, что онъ и его сотрудники не искали и не видали славы міра сего, и что не въ ней награда за подвигъ добра.

Счастлива мысль, которой не свѣтила
Людской молвы привѣтная весна.
Безвременно рядиться не спѣшила
Въ листы и цвѣтъ ея младая сила,
Но корнемъ въ глубь врывалася она.

И равными и поздними дождями
Вспоенная, внезапно въ небесахъ
Она взойдетъ, какъ ночь темна вѣтвями,
Какъ ночь въ звѣздахъ, усыпана цвѣтами—
Краса землѣ и будущимъ вѣкамъ *)

Валерій Лясковскій.

*) Стихи Хомякова о картинѣ Иванова.

О П Е Ч А Т К И.

Страницы.	Строка сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
1	21	стоита	стоять
2	29	ученомъ	ученомъ,
5	17	ходаковъ	ходовковъ
—	19	ходаки	ходоки
7	13	Александровна	Алексѣевна
8	17	словѣ	словъ
11	24	томъ	этомъ
16	28	Боугарово	Боучарово
17	3	избранниковъ	избранниковъ.
22	34	Далеко	Глубоко
31	18	Сила въ насъ,	Сила въ насъ будетъ,
32	32	было	была
34	26	робкую	робкую,
36	8	работая	работою
—	16	необычной	необычайной
37	37	только позволять	только тогда позволять
39	14	насильничествомъ	гасильничествомъ
42	19	никакого пути быть не можетъ	никакого пути ни въ чемъ быть не можетъ
48	9	и на Лондонскую	а на Лондонскую
—	15	Боугаровъ	Боучаровъ
49	8	1855	1857
50	31	вѣсть	вѣсть
51	28	сестрѣ своей жены, покойной	сестрѣ покойной
53	29	гдѣ-то	когда-то
54	9	смущало не	смущало меня не
57	31	духа	духа.
61	21	правила	правило
62	11	же	жѣ
67	13	хлопотливой	бропотливой
—	34	рода	ряда
69	1	Исторія религій.	I. Исторія религій.
—	10	округа	круга
—	17	Вѣра	(Къ Сербамъ). Вѣра
71	12	пришли	пришло
72	35	развивалось въ страстномъ	развивалось въ двухъ ви- дахъ, въ страстномъ
73	12	шли	шло
74	2	къ душѣ	въ душѣ
76	2	возвратиться	возвращаться
—	18	высшее,	высшее и
81	31	Образованная	Обрадованная

90	1	Церковь.	II.
		II.	Церковь.
92	1	Церкви—	Церкви.—
94	12	хитритъ и	хитритъ и не
96	1	тѣлесныхъ	тѣлесныхъ
97	10	раздора	раздора,
99	40	мыслится или чувствуется	мыслится и чувствуется
100	11	пророка	пророка,
—	20	человѣческо	человѣческое
101	30	настройки	надстройки
111	31	высшихъ	высшимъ
115	34	понятій	понятій
117	8	вина,	вина),
118	7	предназначено	предназначена
—	25	II, 332. Выступая....	Выступая,...
	 мысли. Если мысли. II, 332. Если
121	38	вѣрою	мѣрою
125	37	судьба.	судьба,
127	3	словомъ,	слово
—	14	разумъ	разгулъ
129	19	VIII.	VIII.
		Славянство.--Древнее расселе-	Славянство.
		ніе	Древнее расселеніе
—	23	Она составляла	IV, 38. Она составляла
130	1	сходствомъ	сродствомъ
—	—	Санскритаго	Санскритаго
—	29	—	—
131	32	понять	понять
—	36	религіознымъ	религіозныхъ
133	27	далеко	далеки
—	31	Славянства, присущія	Славянства присущи
140	38	водвореніемъ	водвореніемъ,
148	17	отыскать	отыскивать
151	36	въ	къ
152	32	при Волжскихъ,	при-Волжскихъ
153	7	есть	суть
—	29	I, 732. Здѣсь....	Здѣсь.... слѣдующее (I, 732):
			„общество
156	36	художественнымъ,	художественнымъ
157	35	большой	большей
—	40	объднали	объднѣли
160	6	послѣднему	послѣдующему
165	14	избѣгать.	избѣгать.—
170	33	царства	царствъ
175	5	ученія	генія
—	21	этому единому, правому	этому, единому правому,
—	23	труденъ, и не легко	труденъ; не легко
—	33	никогда не слѣдуетъ забывать	имъ никогда не слѣдуетъ за-
		имъ.	бывать.
176	5	Хомяковымъ,	Хомяковымъ:

